

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Голикова Дарья Михайловна

**СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ЛИЧНЫХ ИМЕН ХРИСТИАНСКОЙ ТРА-
ДИЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
проф. М. Э. Рут

Екатеринбург, 2019 год

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Статус имени собственного и системные отношения в антропонимиконе	16
1.1 Природа имени собственного: семантический статус и лексическое значение антропонима	20
1.2 Взаимодействие классов имен собственных и нарицательных: отантропонимическая деривация	37
1.3 Системные отношения в антропонимиконе через призму отантропонимических дериватов	45
Глава 2. Микросистемы отантропонимических дериватов и их классификация: экстралингвистические связи.....	55
2.1 Микросистемы отантропонимических дериватов, возникших на основе прецедентных текстов.....	55
2.1.1 Мария – Иван, Marie – Jean и Mary – John	58
2.1.1.1 Семантическое поле «Человек»	59
2.1.1.2 Семантическое поле «Животные»	65
2.1.1.3 Семантическое поле «Растения».....	72
2.1.1.4 Семантическое поле «Предметы».....	74
2.1.2 Англ. Mary – Joseph	82
2.1.3 Франц. Marie – Robin	83
2.1.4 Рус. Кузьма и Демьян	87
2.1.5 Рус. Петр и Павел, франц. Pierre и Paul, англ. Peter и Paul.....	92
2.1.6 Англ. Matthew, Mark, Luke and John	106
2.2 Корреляции отантропонимических производных, основанные на смежности обозначаемых явлений.....	109

Глава 3. Микросистемы отантропонимических дериватов	118
и их классификация: лингвистические связи.....	118
3.1 Пары, состоящие из мужского и женского варианта одного имени	118
3.1.1 Материал французского языка	118
3.1.1.1 Jean – Jeanne.....	119
3.1.1.2. Guillaume – Guillaumette.....	123
3.1.1.3. Pierre – Pierrette	125
3.1.1.4. Robin – Robinette	126
3.1.1.5. Jacque – Jacqueline.....	127
3.1.1.6. Папаша Vanard и мамаша Vanard	129
3.1.2 Материал английского языка.....	130
3.1.3 Материал русского языка.....	135
3.2. Фонетическая аттракция	145
Заключение.....	158
Библиография	163

Введение

Несмотря на значительное количество научных теорий и богатую историю изучения, значение имени собственного и природа антропонимикона как системы до сих пор остается для ономастики актуальной проблемой. Вопросы лексического значения онима и системности антропонимии тесно связаны с вопросом о соотношении класса имен нарицательных и класса имен собственных. Представляется важным не только сравнивать и противопоставлять эти классы, но и изучать переходы лексических единиц из одного класса в другой, что, как кажется, может дать исследователям еще один инструмент верификации лексического значения имени и корреляций внутри системы имен собственных, в нашем случае – в антропонимиконе.

Степень разработанности темы. В настоящем диссертационном исследовании развиваются положения теоретической ономастики, в частности, разрабатывается проблематика лексического значения онима, а также вопрос системности антропонимикона через соотношение класса имен собственных и класса имен нарицательных. В отечественной лингвистике данная проблематика представлена работами таких ученых, как Е. Л. Березович [1991, 1994, 2001, 2007, 2014a], Н. В. Боровикова [2012], Ж. Ж. Варбот [1995, 2012], Т. А. Головачева [2013], М. В. Голомидова [1998], Е. В. Иванцова [1999], А. К. Матвеев [1986, 2001], М. Н. Морозова [1970], М. В. Никитин [1988], Е. С. Отин [2003, 2005], И. В. Родионова [2000, 2005, 2007], М. Э. Рут [1975, 1992, 1994, 2001a, 2018], С. Н. Смольников [2005], Ф. В. Степанова [2006, 2010], О. В. Тимофеева [1980], В. Н. Топоров [1962, 2006], Л. А. Феоктистова [2011a, 2012a, 2016], Л. В. Щерба [1974] и др. В современной зарубежной лингвистике можно выделить труды N. Flaux [1991], K. Jonasson [1994], S. Leroy [2004], A. Peterson [1929], J. Searl [1958] и др.

Наиболее репрезентативный и показательный в теоретическом плане корпус отантропонимических дериватов¹, то есть апеллятивных производных от

¹ Из обширного множества отантропонимических дериватов в данной работе рассматриваются прежде всего лексемы, образованные путем перехода единиц из класса имен собственных в класс имен нарицательных (или в другой класс собственных имен) согласно словообразовательным и мотивационным моделям, свой-

антропонимов, через которые в данной работе верифицируется наличие в том или ином языке системных связей между антропонимами, представлен в диалектах, неразрывно связанных с народной традиционной культурой, что приводит автора к необходимости применения этнолингвистического подхода к анализу языкового материала и использования комплексного подхода к этимолого-мотивационному анализу лексем с привлечением фольклорного материала и сведений об обрядах и верованиях. В современной лингвистике данный подход используется такими исследователями, как А. К. Байбурин [1983], А. А. Бурыкин [2015], М. А. Грачев [2009], А. В. Гура [1997, 2012, 2017], Ф. Н. Двинятин [2001], Е. В. Душечкина [2007], Л. И. Зубкова [2009], В. В. Иванов [1974], О. В. Иванова [2010], В. Б. Колосова [2009], Т. Н. Кондратьева [1970], Е. А. Костина [2011], А. Б. Мороз [2015], М. Надель-Червинська [2009, 2010], И. А. Седакова [2012], Н. И. Толстой [1995, 2000], С. М. Толстая [2001а, 2001б, 2008], В. Н. Топоров [1962-1987], А. В. Юдин [1997, 1999, 2011], А. Т. Хроленко [2000] и др. В рамках Уральской ономастической школы этнолингвистические исследования диалектной лексики и ономастики ведут Е. Л. Березович [1998, 2004, 2007], Е. О. Борисова [2016], Ю. А. Кривошапова [2007], В. С. Кучко [2013, 2018], Т. В. Леонтьева [2008, 2011, 2016], О. В. Моргунова (Атрошенко) [2012], К. В. Осипова (Пьянкова) [2015, 2018], И. В. Родионова [2000, 2004б], М. Э. Рут [1987, 2008а, 2008б], А. В. Тихомирова [2013], Л. А. Феоктистова [2011, 2012б, 2017в] и др. К этой же школе относит себя и автор настоящей диссертации.

Для того или иного конкретного имени методика анализа и реконструкции деривационно-фразеологического гнезда, которое понимается как комплекс лексических фактов, включающий в себя семантические дериваты от данного онима и фразеологизмы с их участием (термин используется, например, в [Березович, Кривошапова 2015]), или, в терминах Л. А. Феоктистовой, онимо-апеллятивного комплекса [см. Феоктистова 2016, 92] уже разработана

ственным тому или иному языку. Соответственно, термины «отантропонимические дериваты», «апеллятивные производные от антропонимов» и «апеллятивные дериваты» понимаются как апеллятивные либо склонные к апеллятивизации единицы, образованные от собственных имен людей, и употребляются в контексте данного исследования как синонимы.

достаточно хорошо и успешно применяется при составлении «языкового портрета» антропонима (например, *Агафон* – [Бурыкин 2015], *Афанасий* – [Березович 2007, 518–551], *Василий* – [Рут 2008а], *Груша*, *Дуня* – [Соболевский 1972], *Екатерина* – [Рут 2008б], *Иван* (польск. *Jan*, фр. *Jean*) – [Феоктистова 2016; Спиридонов, Феоктистова, 2016; Спиридонов, Феоктистова 2012; Спиридонов, 2011; Зубкова 2009; Отин 1994; Архангельская 1991], *Касьян* – [Голикова 2014а], *Мария*, польск. *Maria*, фр. *Marie* – [Спиридонов, Феоктистова 2017], *Светлана* – [Душечкина 2007], *Тим* – [Кондратьева 1970], *Фома* – [Двинятин 2001] и др.).

Продуктивно изучаются и отдельные семантические поля: учеными восстанавливается антропонимический код различных лексико-семантических групп социальной, культурной, ритуальной и иных сфер человеческой деятельности, например, [Березович 2014; Борисова 2016; Голикова 2014б; Гура 1997; Костина 2011; Кривошапова 2007; Кучко 2013; Леонтьева 2008; Леонтьева 2016; Надель-Червинська 2010; Страхов Александр Б. 2013; Тихомирова 2013; Феоктистова 2011б; Феоктистова 2017б; Peterson 1929;] и др. Однако продуктивным кажется рассмотреть антропонимикон как систему, элементы которой – невоплощенные списочные антропонимы¹.

Именно попытка выявить системные связи внутри антропонимикона предпринята в данном исследовании. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью разработки методик системного изучения антропонимии, а также тем обстоятельством, что в современной ономастике антропонимикон европейской христианской традиции редко подвергается теоретическому осмыслению как единая языковая система на уровне невоплощенных списочных имен, рассмотренная через призму вторичной семантики составляющих ее единиц.

¹ Невоплощенные антропонимы включают в себя все коннотации, ассоциации и культурные представления, присвоенные этим антропонимам в процессе их функционирования внутри лингвистической и культурной системы. При этом невоплощенный или списочный антропоним понимается в настоящей работе как абстрагированная от свойств конкретного объекта единица, которая может соотноситься с множеством индивидуальных объектов, но не является при этом для этих объектов обобщающим понятием, означая лишь 'иметь какое-либо имя'. Об отличии воплощенных и невоплощенных имен собственных, развивая идеи А. Гардинера, в своих трудах пишут такие ученые, как В. Д. Бондалетов, С. В. Перкас, М. А. Кронгауз, С. Н. Смольников и М. Э. Рут (подробнее о воплощенных и невоплощенных антропонимах см. главу 1, стр. 33-36).

Поскольку списочный антропоним как языковая и культурная единица, не воплощенная в речи и потому не имеющая референта, является сущностью абстрактной, увидеть эти связи в сознании носителя на таком абстрактном уровне крайне затруднительно. Существующие в языке и культуре системы должны проявить себя в конкретных употреблениях, возможно, на уровне вторичной семантики. Достаточно надежным инструментом верификации наличия системных связей между антропонимами представляются отантропонимические дериваты – те или иные формы имени собственного, перешедшие в разряд имен нарицательных или, по крайней мере, ставших, в терминологии Е. С. Отина, мезолексами, то есть коннотативными лексическими единицами, занимающими промежуточное положение между классами имен собственных и имен нарицательных [см. Отин 2003, 56]. Эта верификация в настоящей работе ведется через **микросистемы отантропонимических дериватов**, которые понимаются как пара (тройка и т. д.) апеллятивных производных от антропонимов, имеющих одно или несколько одинаковых или близких значений, функционирующих в одном семантическом поле и, опционально, в рамках одних устойчивых выражений, фразеологизмов, ритуальных, фольклорных или литературных текстов.

Объектом исследования являются, таким образом, микросистемы отантропонимических дериватов от личных имен европейской христианской традиции, обнаруженные автором в русском, французском и английском языках и их диалектах. **Предмет** анализа – способы и структура системных связей между невоплощенными антропонимами, проявляющиеся через системные связи производных от них лексем. Уточним, что антропоним в рамках настоящего исследования понимается в узком смысле, как личное имя христианской традиции (*Иван, Петр, Мария, Анастасия* и т.п.). Фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы и другие виды антропонимов в данной работе не рассматриваются.

Цель работы – выявить языковые и культурные связи между невоплощенными списочными антропонимами европейской христианской культуры

и предложить способ их верификации (на материале русского, французского и английского языков).

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать возможную структуру и способы возникновения связей между невоплощенными антропонимами;
- 2) разработать способ верификации существования этих связей через выявление микросистем отантропонимических дериватов;
- 3) выявить микросистемы отантропонимических дериватов на диалектном и литературном материале русского, французского и английского языков;
- 4) выявить мотивационные признаки, положенные в основу номинаций, являющихся компонентами этих микросистем;
- 5) на основе анализа единиц, входящих в состав обнаруженных микросистем, выявить способ организации и механизм возникновения последних;
- 6) предложить классификацию микросистем отантропонимических дериватов, составленную на основании механизма связи между компонентами микросистемы;
- 7) выделить в классификации такие группы, попадание микросистемы дериватов в которые прямо или косвенно свидетельствовало бы о наличии искомых связей между невоплощенными антропонимами в языке и культуре;
- 8) на основе полученных данных сделать выводы о наличии либо отсутствии системных связей между невоплощенными списочными антропонимами европейской христианской традиции и о природе системности (или элементах системности) антропонимикона.

Методы и процедуры анализа включают семантико-мотивационную реконструкцию лексического и фразеологического материала, элементы ономазиологического, этимологического, семасиологического, контрастивного и контекстного анализа. В исследовании также используются методы идеографической классификации и комплексный этимолого-мотивационный анализ диалектизмов на широком этнокультурном фоне с привлечением

фольклорного материала, а также сведений об обрядах и верованиях. **В плане методологии** работа принадлежит к Уральской ономастической школе, а для целей исследования принимается предложенная М. В. Голомидовой [Голомидова 1998] и дополненная Е. Л. Березович [Березович 2007] модель семантики онима. Применительно к анализу апеллятивных производных от личных имен данная модель была апробирована Л. А. Феоктистовой в [Феоктистова 2016].

Источниками материала стали словари русской, французской и английской диалектной лексики, а также словари литературного и разговорного языка, фольклорные тексты, этнолингвистические и культурологические исследования и сборники. Кроме того, материал извлекался из лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета. Выбор для анализа именно этих трех языков обусловлен необходимостью представить материал из разных языковых групп (славянские, романские и германские языки) и разных христианских лингвокультур. Кроме того, при выборе языков для анализа учитывались качество и доступность диалектных лексикографических источников.

Для анализа отбирались лексические и фразеологические единицы, содержащие апеллятивные антропонимические производные (или являющиеся таковыми), при этом нас интересовали только производные, имеющие потенциал в плане образования микросистемы с дериватами от других личных имен. Языковой факт включался в корпус анализируемого материала при выполнении хотя бы одного из следующих условий: 1) апеллятивные дериваты от разных антропонимов функционируют совместно в рамках одного языкового факта (лексемы, фразеологизма, устойчивого выражения и т. д.). Например, в названиях растений рус. *иван-да-марья* [Акчимский словарь, 4, 5], англ. *Mary and Joseph* ‘незабудка болотная’ [Wright 4, 45] или в таких выражениях, как франц. *prendre Pierre pour Paul* ‘принять Пьера за Поля’ ‘принять одного за другого’ [Peterson, 20], рус. *как Ваня да Маня* ‘неразлучно’ [ЛК ТЭ]; 2) апеллятивные дериваты от разных антропонимов регулярно

фиксируются в литературных или фольклорных текстах в совместном употреблении как микросистема, в смежных значениях, например, прототипическая пара простолюдина *Robin* и пастушки *Marion* во французских пасторалях XIII века и дальнейшей средневековой литературной традиции [Ellit] или англ. *Mary* и *John* ‘муж и жена’ [Wright 4, 45], персонажи детской игровой песни; 3) апеллятивные дериваты вступают друг с другом в парадигматические отношения (синонимы, смежные значения, согипонимы), что отражается в контекстах или лексикографических источниках. Например, рус. *ванька* и *марья* ‘самец и самка маленькой лесной птицы’ (контекст: *Ванька с марьей есь – потки серые. У казака скрасна крылышки, а маточки без красного*) [СГРС, 2, 21], англ. *Johnny* ‘друг’, *Mary* ‘подруга’ [Wright 3, 376; Wright 4, 45]; 4) апеллятивный дериват и номинируемый им объект связаны с другим дериватом, именем или персонажем-носителем этого имени в экстралингвистической реальности, как, например, франц. *la petite bête de la Vierge* <зверушка Девы (Марии)> ‘золотая жужелица’, обладающая особой магической силой в день святого Иоанна [Plancy, 162]. Фольклорные тексты приводятся в работе в том случае, если их анализ может дать дополнительную информацию о мотивации, путях деривации или иных особенностях апеллятивного деривата. Также фольклорные тексты приводятся в работе в качестве контрастного фона при сравнении материала разных языков. Всего было проанализировано около 400 языковых фактов русского, английского и французского языков.

При сборе материала не преследовалась цель собрать всеобъемлющий корпус языковых фактов трех языков, отвечающих вышеизложенным требованиям. Материал в работе подан как практическая апробация теоретических положений исследования, поэтому некоторые лексемы или паремии, присутствующие в одном из анализируемых языков, могут быть опущены по причине достаточной иллюстративности уже приведенного в диссертации материала.

Следует подчеркнуть, что в данной работе в качестве систем не рассматриваются парадигмы одного имени, например, система разных форм одного и того же антропонима (Иван – Ваня – Ванюшка – Иван Иванович) или система разных языковых вариантов одного имени (Иван – Jean – Juan – Jan – John и т. д.). Компонентами микросистемы в данной работе считаются только дериваты от разных имен или дериваты от женского и мужского варианта имени.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые применяется разработанная автором методика поиска и верификации системных связей между элементами антропонимикона как системы в языке и культуре посредством классификации связей внутри микросистем от антропонимических дериватов. Системность первичного явления рассматривается через системные отношения явления вторичного, то есть через корреляции производных единиц. Подобный подход применяется в работах таких ученых, как, например, Н. И. Анненков [1878], Н. Д. Арутюнова [1999], Е. Л. Березович [1991, 1992, 2012, 2015], Ж. Ж. Варбот [2012], А. В. Гура [1997, 2012, 2017], Г. Е. Крейдлин и С. И. Переверзева [2009], И. А. Седакова [2012], С. М. Толстая [2001, 2008, 2010, 2013], О. Н. Трубочев [1959, 2004], Г. М. Яворская [1992] при анализе апеллятивной лексики, однако в современной ономастике он используется достаточно редко и, по большей части, для анализа отдельных языковых фактов, как это делает в своих исследованиях, в частности, Л. А. Феоктистова [2011-2016].

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней был разработан и использован метод обнаружения и верификации элементов системности антропонимикона, с помощью которого были расширены и дополнены представления современной лингвистики о системе имен собственных, а также о природе и лексическом значении невоплощенного антропонима. Выводы диссертации могут представлять интерес для теоретической ономастики и ее методологии.

Практическая значимость исследования состоит в создании классификации микросистем отантропонимических дериватов, которую можно использовать при изучении антропонимикона других индоевропейских языков христианской традиции. Полученные результаты возможно использовать в практике вузовского преподавания при подготовке курсов по ономастике, языкознанию и этнолингвистике, а также при составлении словарей отантропонимических дериватов.

Апробация работы. Основные положения были изложены автором в докладах на следующих конференциях: «Linguistic and Cultural Semantic in the Slavic Languages» (Гент, 2018), Международная конференция молодых филологов (Тарту, 2016), III международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2015), межвузовская конференция молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2013, 2014), международная научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2014), всероссийская научная конференция, посвященная 80-летию доцента К. Н. Прокошевой «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, 2014), а также на заседаниях проблемной группы кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации «Язык и мир». По теме исследования опубликовано 12 работ, из них 4 в научных журналах, рекомендованных ВАК.

Степень достоверности результатов исследования определяется достаточным объемом проанализированного лексического и фразеологического материала (около 400 языковых единиц), использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих осуществить анализ и классификацию массива выбранных отантропонимических микросистем, а также привлечением трудов по этнолингвистике, семантике, диалектной лексикологии и этнографии, связанных с проблематикой исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Антропонимикон того или иного языка народов европейской христианской традиции не является простым перечнем личных имен: антропонимы вступают в связи и корреляции, обусловленные особенностями их существования в языке и культуре.

2. Существующие в языке и культуре системные связи внутри антропонимикона проявляют себя в конкретных употреблениях отантропонимических дериватов – тех или иных форм имени собственного, перешедших в разряд имен нарицательных или ставших коннотативными лексическими единицами, занимающими промежуточное положение между именами собственными и нарицательными.

3. На лингвистическом уровне (лексика, фразеология, паремиология) отантропонимические дериваты, имеющие одно или несколько одинаковых или смежных значений, функционирующие в одном семантическом поле и, опционально, в рамках одних устойчивых выражений, фразеологизмов, ритуальных, фольклорных или литературных текстов, объединяются в микросистемы.

4. Микросистемы отантропонимических дериватов подразделяются на две основные группы: 1) микросистемы, возникшие на основе экстралингвистических связей (корреляции, возникшие на основе взаимодействия имен или персонажей-носителей этих имен в экстралингвистической реальности, т. е. в культурном, ритуальном или бытовом кодах) и 2) микросистемы, возникшие на основе лингвистических связей (механизмы корреляции между отыменными производными, обусловленные системой языка или возникающие с помощью собственно языковых механизмов). Экстралингвистические связи подразделяются на а) связи по смежности обозначаемых явлений (чаще в бытовом коде и народном календаре) и б) связи на основе прецедентных текстов. Лингвистические связи предполагают: а) пары дериватов, производных от мужского и женского варианта одного и того же имени и б) фонетическую аттракцию (рифма, аллитерация или фонетическая аттракция к производя-

щему апеллятиву не одного, а одновременно двух имен либо одного составного имени). При этом экстралингвистические и лингвистические связи могут дополнять друг друга: микросистема, возникшая изначально на основе, например, экстралингвистической связи, в дальнейшем своем функционировании может поддерживаться механизмами лингвистической связи и наоборот. Список групп микросистем отымененных производных может быть расширен.

5. Наличие в языке микросистем отантропонимических дериватов, принадлежащих к группе экстралингвистических связей на основе прецедентных текстов, свидетельствует о наличии связи различной степени выраженности между невоплощенными списочными антропонимами. Лингвистические связи являются вспомогательным критерием и не могут самостоятельно выступать в качестве верификатора существования корреляции между невоплощенными антропонимами, исключение составляет только подгруппа пар дериватов, производных от мужского и женского варианта одного имени.

6. Элементы системности антропонимикона, выявляемые через анализ отантропонимических дериватов, свидетельствуют о наличии семантики и лексического значения у невоплощенной формы имени собственного, не имеющей референта. Интерес представляют те пласты и компоненты семантики, на которых антропонимы взаимодействуют, составляя пару, а именно периферийные компоненты значения (фреймовый, эмотивный, коннотативный). Представляется, что именно в этих зонах сопряжения и действуют механизмы, объединяющие отантропонимические дериваты в устойчивую микросистему.

Цели и задачи работы определили ее **структуру**.

Первая глава («Статус имени собственного и системность антропонимикона») посвящена обзору истории вопроса и современных исследований антропонимикона и отантропонимических дериватов, а также обоснованию методики исследования системных связей между невоплощенными антропо-

ними христианской традиции через их верификацию с помощью микросистем отантропонимических дериватов.

Во **второй главе** («Микросистемы отантропонимических дериватов и их классификация: экстралингвистические связи») на диалектном и литературном материале русского, английского и французского языков рассматривается первая группа составленной классификации: микросистемы, возникшие на основе экстралингвистических связей, то есть связей, первоначально возникших на основе функционирования имен и персонажей-носителей этих имен вне языка, в ритуалах, поверьях, мифах и т.п., которые затем кристаллизовались в микросистему производных от этих имен. В эту группу включаются микросистемы, образованные на основе прецедентных текстов и по смежности явлений.

В **третьей главе** («Микросистемы отантропонимических дериватов и их классификация: лингвистические связи») рассматривается вторая группа предложенной автором классификации микросистем отантропонимических дериватов, а именно микросистемы, компоненты которых связаны между собой на лингвистическом уровне с помощью сугубо языковых механизмов, без привлечения дополнительных экстралингвистических компонентов. В эту группу включаются микросистемы, образованные женским и мужским вариантом одного имени, а также возникшие на основе фонетической аттракции.

Глава 1. Статус имени собственного и системные отношения в антропонимиконе

Несмотря на значительное количество научных теорий и богатую историю изучения, значение имени собственного и природа антропонимикона как системы и по сей день остается для ономастики актуальной проблемой. Ономастика вообще и антропонимия в частности на протяжении долгого времени воспринимались (и продолжают восприниматься, см. об этом, например, [Березович 2001]) как периферические элементы языка и лингвистической теории, но значительная часть современных ученых признает, тем не менее, тот факт, что антропоним имеет свою собственную, пусть и во многом особенную, семантику, а антропонимикон – некие внутренние законы, по которым некоторые его элементы выстраиваются в системы либо, по крайней мере, проявляют характерные для системы свойства. Природа этой системности, как будет показано далее в настоящей главе, часто зависит от точки зрения исследователя, от тех ограничений, которые он накладывает на изучаемый материал, рассматривая, например, межъязыковые варианты одного имени, систему имен определенного социального слоя, закономерности имянаречения в рамках одной семьи и династии и т. п.

Под системностью при изучении антропонимикона может пониматься и выявление систем вторичных значений одного имени в одном или нескольких языках. Однако продуктивным кажется рассмотреть антропонимикон как систему, элементы которой – невоплощенные списочные антропонимы, включающие в себя все коннотации, ассоциации и культурные представления, присвоенные этим антропонимам в процессе их функционирования внутри лингвистической и культурной системы.

Как и любой набор единиц, антропонимы можно классифицировать по различным принципам. Можно выделить, например, систему русских женских имен, разделить антропонимикон на группы по наибольшей популярности тех или иных имен в разных социальных слоях, объединить имена по семантическим полям или идеографическим группам, в которых встречаются

их апеллятивные производные, и так далее. Возможно также выделить различные системы и микросистемы имен и прозвищ в отдельных микросоциумах и субкультурах, даже в рамках одного узкого профессионального или иного коллектива (при этом речь идет о воплощенных именах). Например, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский в фундаментальном исследовании «Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.» рассматривают антропонимикон династии Рюриковичей как сложную систему со своими внутренними законами именования, которые были напрямую связаны с правом на власть. Более того, в системе династических имен долгое время сосуществовали языческий и христианский именовалы, обогащая и усложняя ее [см. Литвина, Успенский]. Практика именования, несомненно, может свидетельствовать о некоторой системности антропонимикона (по крайней мере, в той группе людей, где эта практика применяется), но нельзя, однако, не заметить, что выбор имени в рамках одной династии подвержен влиянию сложившихся именно в этой семье традиций, которые, скорее всего, слабо связаны с системными корреляциями между невоплощенными антропонимами как языковыми единицами: династические связи определяются узким опытом семьи и, чаще всего, не имеют выхода в культуру.

Подобные исследования, конечно, имеют значительную научную ценность, однако цель их состоит в понимании функционирования антропонимов и их производных в отдельно взятой социальной группе или семантическом поле, тогда как в рамках настоящей работы акцент ставится на общем представлении об антропонимиконе как языковой и культурной системе.

Представляется интересным рассмотреть антропонимикон христианской традиции как единую языковую и культурную систему, не разделяя его на в каком-то смысле искусственные группы по формальным признакам (например, по половой, социальной или территориальной принадлежности имен). Продуктивным кажется не ограничиваться какой-то одной областью антропонимикона, а взглянуть на него как на целостную языковую систему, выделяя такие связи между его единицами, возникновение которых было бы обу-

словлено культурными реалиями или законами языковой системы (или и тем, и другим). Мы полагаем, что некоторые антропонимы могут быть связаны друг с другом в сознании диалектоносителя именно в своем списочном, невоплощенном качестве, как единицы языка и культуры, не имеющие конкретного референта, наличие которого подразумевается в обычной коммуникативной ситуации. Антропоним при этом является своего рода совокупностью всех фантомных коннотаций, приписанных ему культурой. При наличии таких связей в антропонимиконе могут возникать микросистемы из двух и более имен, которые воспринимаются носителями именно как связанные друг с другом, в чем-то схожие.

Исследование системности онимов и их микросистем уже проводилось. Так, например, Е. Л. Березович выводит типологию микросистем топонимов, разделяя их на семантические микросистемы с внутренним и внешним типом связи между номинативными признаками и семантическими моделями, при этом микросистема в топонимии понимается как «комплекс семантически связанных названий смежных объектов» [Березович 1991, 75]. Семантика топонима всегда включает в себя хотя бы минимальные сведения о номинируемом объекте и, в отличие от антропонимии, в топонимии практически не существует списка невоплощенных имен, «оторванных» от реальности языковых единиц, и это отличие является ключевым. Жесткая привязка онима к материальному миру, к географическому объекту также обогащает семантику топонима и топонимическое микросистемы: микросистему составляют единицы, именующие так или иначе связанные между собой объекты, а «условие смежности объектов обеспечивает связь глубинную, сущностную – связь причин названия, т. е. признаков номинации» [Березович 1991, 75-76]. Кроме того, «семантически связанные названия, как правило, появляются в результате детализации представления об объектах: топонимическая система вначале только обрисовывает контуры местности, а затем, в ходе практического освоения географических объектов, начинает прорисовывать детали» [Березович 1991, 77], что еще раз подчеркивает соотнесенность топонимиче-

ских микросистем с реальностью, с существующими объектами. Невоплощенные же антропонимы не располагают такой роскошью: соотнести списочный антропоним можно разве что с его этимологией и коннотативным фоном, который, по сути, является периферическим компонентом семантики.

Здесь возникает проблема верификации наличия описываемых связей: как только антропоним употребляется в речи для обозначения конкретного человека, у него появляется референт, и, следовательно, имя перестает быть абстрактной единицей языка и приобретает конкретное значение, теряя (либо не актуализируя) связи, свойственные невоплощенной форме этого антропонима. Эта черта природы антропонима ярко проявляется в сравнении с именами нарицательными: называя конкретный промежуток времени словом «ночь» или «день», мы не исключаем это слово из парадигмы различных обозначений времени суток, системные связи слова в языке остаются актуальными при его употреблении в речи, так как они обусловлены природой обозначаемых явлений.

Отсюда следует, что и системность любого класса имен собственных, а в особенности антропонимикона, не может изучаться с тех же позиций, что и система имен нарицательных. Стоит заметить, что настоящая работа входит в ряд ономастических исследований, в той или иной степени посвященных поискам различного типа микросистем и элементов системности в разных классах онимов и, уже, в группах антропонимов, например, в топонимии [Матвеев 1986; Овчар; Березович 1992, 1994, 1998], астрономии [Рут 1975, 1987], зоонимии [Варникова 2015, 2017; Голикова 2017], прозвищах [Визгалов 1973; Никулина 1974, 1977, 1976; Тыминский 1988], псевдонимах [Дмитриев 1986], хрононимии [Атрошенко 2012], национальных вариантах именика [Системы; Успенский 2004], в практике имянаречения одной династии [Литвина, Успенский 2006], в совокупности антропонимов, отражающих особенности социума или создающих ономастическое пространство фольклорных произведений [Альтман 1936; Категория родства; Пеньковский 1988], в агонимах [Родионова 2000] и т. д. Но вопросы лексического значения онима и систем-

ности антропонимии также тесно связаны с вопросом о соотношении класса имен нарицательных и класса имен собственных. Представляется важным не только сравнивать и противопоставлять эти классы, но и изучать переходы лексических единиц из одного класса в другой, что, как кажется, может дать исследователям еще один инструмент поиска и верификации лексического значения имени и корреляций внутри системы имен собственных, в нашем случае – в антропонимиконе.

Прежде чем переходить к анализу материала, представляется целесообразным осветить взгляды ученых на природу имени собственного в общем и антропонима в частности с тем, чтобы с учетом особенностей природы рассматриваемого явления затем перейти с более частной проблематики выявления и верификации системных связей между невоплощенными антропонимами.

1.1 Природа имени собственного: семантический статус и лексическое значение антропонима

Практически с самого начала изучения имен онимы справедливо рассматривались как явление особой природы. Говоря о теории имени, следует упомянуть английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), посвятившего значительную часть своего труда «О теле» рассмотрению имен (глава II, «О наименованиях») [Гоббс]. Стоит заметить, что Гоббс говорил об имени вообще, не различая аппеллятив и оним. Тем не менее, идеи философа оказались важными для дальнейшего изучения лексического значения имени собственного.

Гоббс выделял тела и знаки (или метки). Первые представляют собой явления, существующие независимо от мышления человека и являющиеся частью пространства. Тела и их свойства изучает философия. Вторые являются предметом логики, это слова и имена – знаки для той или иной мысли. Важное свойство меток – это произвольность и индивидуальность: человек по своему усмотрению выбирает для себя знак, обозначающий некую мысль для него одного. Что же касается имен собственных, то, как и в случае всех

остальных имен, Гоббс не придает им иного значения, кроме условно-знакового (знак «по договору»). Единственное отличие имени собственного состоит в том, что оно является наиболее индивидуализирующим знаком. Последовательность языковых знаков, приводящих к наибольшей индивидуализации объекта, Гоббс объединяет в ряды и называет предикаментами, или категориями. Выглядят эти ряды следующим образом (пример для категории «тело»): не-тело – тело; одушевленное – неодушевленное; не-животное – животное; не-человек – человек; не-Петр – Петр [Гоббс]. Двигаясь от начала до конца ряда, знак (и понятие вместе с ним) индивидуализируется все больше, приходя к единственному в своем роде объекту. Как мы видим, имя собственное здесь – наиболее индивидуальный знак, не лишенный, тем не менее, условности и стоящий в ряду таких же, с точки зрения Гоббса, произвольных знаков.

Идеи Томаса Гоббса развивал в своих трудах немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716). Словам и именам собственным посвящен раздел его книги «Новые опыты о человеческом разумении» [Лейбниц]. Лейбниц поддерживает теорию о том, что имена условны, а их использование – произвольно. Главное – соблюдать договоренность о том, что обозначает каждый знак, ведь языковые знаки служат для вызова у слушателя тех же мыслей, что и у говорящего. Исходя из необходимости называть индивидуальные объекты (особенно это касается людей), применяются и собственные имена. Так, в противопоставлении общее-частное Лейбниц выделяет категорию имени собственного.

Далее в работе Лейбница можно видеть примеры деривации и фактов наличия у имен собственных лексического значения: «<...> собственные имена первоначально были нарицательными, т.е., что они произошли от общих названий, как имена Брут, Цезарь, Август, Капитон, Лентул, Пизон, Цицерон <...> Известно, что первый Брут получил это имя вследствие своей кажущейся тупости, что Цезарем называли ребенка, извлеченного путем чревосечения из утробы матери. <...> Наконец, Альпы – это горы, покрытые

снегом (чему соответствует *album, blanc*, [т.е. белый]), а Бреннер или Пиренеи означают большую высоту, так как *bren* у кельтов значило «высокий» или «глава» <...> Поэтому я решился бы утверждать, что почти все слова первоначально были общими терминами, так как очень редко может встретиться, чтобы без оснований придумывали специальное название для обозначения того или иного индивида» [Лейбниц]. Конечно, Лейбниц не говорит непосредственно о лексическом значении имени собственного или его коннотациях, но, как мы видим из приведенных рассуждений, философ обращает внимание на происхождение некоторых имен от апеллятивов и на возможность установить причину именованья с помощью этимологического анализа. Таким образом, мы видим указания на наличие лексической семантики у имени собственного и на связь системы ИС и имен нарицательных, сделанные, тем не менее, в рамках теории о произвольности языкового знака.

Целесообразно будет обратиться к концепции английского логика Джона Стюарта Милля (1806 – 1873). Основываясь на выводах Т. Гоббса, Милль писал, что имя (и собственное, и нарицательное) – это метка, служащая для вызова в нашей памяти того или иного понятия. Как и Гоббс, Милль считает имя произвольно выбранным словом.

Хоть философ в своих работах и не дает четкого определения имени собственному, тем не менее, можно увидеть, что Милль разграничивает оним и апеллятив: первый для него асемантичен, второй же коннотирует (обозначает) свойства называемого объекта. «Говоря об именах собственных как о ничем не значащих метках, он [Милль. – Д. Г.] объединяет значение и коннотацию. Под коннотативным именем он понимает такое имя, которое не только обозначает что-либо, но и коннотирует или подразумевает некоторые свойства объекта: так, например, общее имя *дерево* может называть то или иное конкретное дерево, одновременно подразумевая свойства, которыми обладают одновременно все деревья. Имена же *Сцилла* и *Харибда* не коннотируют подобных свойств, они являются неконнотативными и незначимыми, согласно терминологии Милля. И, так как эти имена, несомненно, являются

отличительными метками, то они являются типичными “именами собственными”» [Gardiner, 1-2]. Философ, таким образом, утверждает, что они не имеют и не могут иметь лексического значения. Значение содержится не в самом имени, а в том, что это имя коннотирует, а, так как ИС не коннотирует ничего, то и значения у него нет.

В рамках вопроса о лексическом значении имени собственного интересна также концепция еще одного английского логика – Х. Джозефа. В своих трудах он уделял большое внимание классификации имен и, в частности, специфике имени собственного. Общие и частные понятия (то есть имена нарицательные и собственные, общие и сингулярные термы в терминологии автора) Джозеф разграничивает по объему обозначаемого класса предметов [см.: Joseph, 29]. Собственное имя дается объекту, когда мы заинтересованы в его индивидуальности.

Рассуждая о значении имени собственного, философ полемизирует с Миллем, настаивая на том, что значение у имени собственного есть, более того, имя собственное, по словам Джозефа, даже более значимо, чем имя нарицательное, например: «Крик “человек за бортом” сообщил бы Энею и его спутникам не больше, а меньше информации, чем крик “Паликур за бортом”» [Joseph, 151]. Еще один пример, который приводит Джозеф – это названия улицы. Если человек проезжает по незнакомой улице и ему говорят ее название, то это даст гораздо больше информации, чем, если бы ему сказали, что это просто дорога. Философ соглашается с Миллем в том, что слова, услышанные в первый раз и не известные слушателю ранее, не имеют значения. Но Джозеф подчеркивает, что это верно и для имен собственных, и для апеллятивов. Когда человек сталкивается с незнакомым словом, ему остается только понять, что оно означает. Сталкиваясь же со знакомым в большей или меньшей степени собственным именем, человек получает из него даже больше информации, чем из апеллятива.

Второй вид значения, которое Джозеф признает за собственным именем – это общее значение, производное от индивидуального. Например, имена

Цезарь или *Ганнибал* могут употребляться в общем значении: они перенимают часть свойств объекта, эти свойства становятся частью значения имени и, вследствие широкой известности названного индивида, имена собственные переходят в разряд общих терминов (антономазия). Здесь имя собственное тоже рассматривается как изначально привязанное к определенному субъекту, а не как языковая единица в системе, но стоит отметить, что, благодаря трудам Х. Джозефа, был сделан значительный шаг в изучении лексического значения имени собственного и в целом в признании наличия у имени собственного какого-либо значения, кроме функции простой метки.

Слабость концепции Милля позже показал и пример математика, логика и философа Готлиба Фрегге: *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* в значении ‘планета Венера’ [см.: Cumming]. В логике Милля эти единицы должны быть абсолютно идентичны, так как они обозначают один и тот же объект и, как имена собственные, должны являться пустыми конвенциональными метками, но, тем не менее, данные обозначения планеты Венера не эквивалентны с когнитивной точки зрения, так как расставляют акценты на разных признаках номинируемого объекта. Ответом на эту загадку для Фрегге стала введенная им категория смысла. Имена собственные не имеют смысла в лексическом значении, но в составе предложения они его обретают и могут менять таким образом смысл всего высказывания: *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* имеют один референт, но несут в себе разный смысл.

В первой половине XX века имя собственное продолжает изучаться с логических позиций. Ученые постепенно отходят от позиции Милля о ничего не значащей метке-имени: если метка ничего не значит, она не может быть меткой. Значение же имени придается через индивида, которого оно называет – здесь ученые придерживаются позиции Х. Джозефа. Впервые были сделаны попытки дать четкое логическое, филологическое, психологическое и синтаксическое определение имени собственному. В рамках вопроса о лексическом значении онима нам наиболее интересно его психологическое определение как конкретнейшего имени. Слово, психологически значащее

для индивида очень много (например, имя родственника), может ничего не значить в системе языка [см.: Суперанская, 62–73].

В это время в науке вообще и в лингвистике в частности господствует структурный подход: по словам Ф. де Соссюра, язык существует «в себе и для себя», он изучается как объективная и независимая от человека система. С этой же позиции изучается и имя собственное: например, Алан Гардинер делит личные имена на «телесные» (embodied) и «бестелесные» (disembodied). «Телесные» имена – это имена, обозначающие конкретного человека и вызывающие у слушателя мысли о нем, а «бестелесные» – это сами формы онимов, независимо от тысяч реальных носителей таких же форм имени. Для нас важно, что, как утверждает Гардинер, для филолога интересны именно «бестелесные» имена, то есть онимы как единицы системы [Суперанская, 80]. Таким образом, структурный подход накладывает на исследователей свои ограничения, так как установить лексическое значение онима как единицы языка, не привязанной ни к реальному объекту, ни к культурному пространству, в котором он функционирует, довольно сложно. Большинство структуралистских теорий, признающих за онимом значение, основываются на взаимодействии именуемого объекта и его лексической метки (имени). Лексическое же значение «бестелесного» онима рассматривается, разве что, через призму этимологии.

С точки зрения дескриптивной лингвистики в 60-е гг. имена собственные рассматривали Рассел, Серл, Стросон и Нил [см. Russel; Searl; Cumming]. В этой теории имя собственное по значению эквивалентно описанию объекта, например, *Аристотель* – это ‘учитель Александра Македонского’, семантика имени заключена таким образом именно в описании, атрибутированном носителем конкретного имени. Однако в первоначальной версии данная теория могла применяться далеко не ко всем именам собственным. Например, человек по имени *Аристотель* назывался этим именем с самого раннего детства, но тогда он еще не был учителем Македонского, а значит, такой подход упускает существенную часть значения имени. Кроме того, большинство но-

сителей имен собственных никогда не совершали никаких выдающихся поступков, поэтому им нельзя приписать однозначное определение.

Исходя из этих соображений, Серл и Стронсон [см.: Searl; Cumming] ввели понятие кластерного дескриптивизма. Согласно этой концепции, определение номинированного объекта – это дизъюнкция всех его предикатов. Например, *Аристотель* – это ‘учитель Александра Македонского’, ‘самый известный ученик Платона’, и т. д. Таким образом, отпадает необходимость выбора какой-либо одной дескрипции и необходимость обоснования этого выбора. Также было введено понятие контекстозависимого определения: семантическое наполнение определения (а, соответственно, и имени собственного) меняется в зависимости от контекста. Так, мать Аристотеля употребляла имя *Аристотель* в ином значении, нежели теперь употребляем его мы, и дефиниция этого имени была бы для нее совершенно иной вследствие контекстуальных различий. Металингвистический дескриптивизм [см.: Russel, Cumming] предлагает определять имя собственное N как ‘индивид по имени N’. В этом случае содержание дефиниции имени собственного будет известно всем носителям языка, однако имя при таком подходе теряет основную, индивидуализирующую функцию. Тайлер Бердж решил эту проблему в начале 70х гг., предложив рассматривать такие дефиниции и имена собственные как сложные указательные местоимения, нагруженные дополнительными смыслами, связанными либо не связанными с контекстом высказывания [см.: Cumming; Reimer].

В отечественной науке непосредственно лингвистическая разработка вопроса началась в 40-е гг. Одним из первых обратил внимание на особый тип семантики имен собственных Л. В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» [Щерба, 278–280]. Он предложил соотносить онимы и апеллативы как определенные и неопределенные номинации, по аналогии с существительными с определенным и неопределенным артиклем во французском языке. Это положение стало одним из ключевых для современной теории референции. Щерба говорит о наличии лексического значения у известных но-

сителям языка имен (мы снова видим привязку к носителю, но, тем не менее, стоит заметить, что Щерба говорит о том, что имя имеет значение и в языке, а не только в речи, хоть это значение и отличается от значения апеллятива по своей специфике), а об именах как языковых единицах он говорит следующее: «Совершенно особую группу собственных имен составляют личные имена и клички, которые, конечно, не могут иметь иного определения, кроме того, что это ‘одно из личных имен’ или ‘одна из кличек’. Но и они являются факультативными словами [для записи в словарь. – Д. Г.], поскольку они постоянно входят в ткань речи с очевидным в каждой определенной среде смыслом» [Щерба, 280].

Обычно специфика имени собственного выявляется учеными в сопоставлении этого класса с классом имен нарицательных. «Поиск аналогий – закономерное следствие представления о языке как о системе систем <...> Характеристика имени собственного в большинстве случаев строилась на перечислении признаков, отличающих его от апеллятива. В результате чего сформировалось представление об имени собственном как «ущербном» имени нарицательном с гипертрофированной номинативной функцией» [Смольников 2005а, 11]. Такая позиция представляется закономерным следствием структурализма: если за онимом и признается значение, то, в большинстве случаев, только в речи, в связи с конкретной коммуникативной ситуацией.

Серьезные ономастические исследования появились в 60-е гг. Тогда значительное внимание уделялось структурному, этимологическому, и, что важно, ономастиологическому аспекту [см.: Смольников 2005а, 6]. К этому времени был накоплен значительный фактический материал, ономастика стала изучаться не только с синхронных логических позиций, но и в диахронии.

В частности, В. Н. Топоров отмечает, что систему имен собственных можно рассматривать с точки зрения градации по степени «назывательности» или по степени выявленности в единице признака «быть именем собственным», причем степень выраженности «назывательной» функции автор связывает со степенью мотивированности имени: имя собственное является

«наиболее собственным» тогда, когда уровень мотивированности единицы сведен к минимуму (например, денотат имени неизвестен, или известный денотат носит непонятное название). Например, «*Иван* является в большей степени СИ, чем *Иванушка* или *Иван Иванович*, поскольку два последних имени более мотивированы и богаче значением в силу содержащейся в них дополнительной информации. С другой стороны, имя *Иван* в меньшей степени СИ, чем, скажем, *Вайю*, относительно значения которого мы вообще можем ничего не знать: личное это имя или топонимическое, мужское или женское, производное или непроизводное и т. п.» [Топоров 1962, 8]. За именем собственным признается, таким образом, способность не только быть меткой, но и выражать дополнительные значения и оттенки смысла.

В 80-х гг. семантика онима была переосмыслена. Многие исследователи отметили способность имен собственных к классификации объектов: оним не только идентифицирует объект как уникальный, но и вводит его в ряд других объектов, которым может быть присвоено имя этого же класса [Смольников 2005а, 14]. Ту же мысль высказывает М. В. Никитин: «Имена собственные – категория слов, специализированных в функции репрезентации. Идеальное имя собственное ничего не сообщает об обозначаемой вещи, а только представляет ее в речи. На практике, однако, существует тенденция закреплять за разными классами вещей различные имена собственные, так что, зная это распределение, можно уже по имени собственному составить определенное представление об обозначенной вещи, о ее классе и признаках. К примеру, различаются мужские и женские имена, имена людей и клички животных, в определенной мере различны клички собак и кошек и т. д. Тем самым собственные имена получают способность не только репрезентировать обозначаемую вещь, но косвенно, через указанное распределение, описывать ее» [Никитин, 24]. Если в более ранних теориях исследователи проводили аналогию между онимами и местоимениями, то теперь стала очевидной аналогия между онимами и числительными. В связи с этим был сделан важный вывод о том, что имена собственные необходимо рассматривать не как отдельный

или особенный класс, а как органическую часть системы языка, имеющую достаточное количество общих черт с другими ее классами [см.: Смольников 2005а, 15].

Значительным шагом в лингвистике стала смена научных и философских парадигм, произошедшая в этот период. На смену структурализму пришел антропоцентрический подход: язык стал рассматриваться не «в самом себе и для себя», а для человека и через человека. Тогда в различных гуманитарных дисциплинах началось активное обсуждение роли человека творящего, *homo faber*. Почва для такого перехода от структуры к человеку была подготовлена накоплением значительного количества фактического материала, становлением ономазиологии и появлением теории номинации [см.: Голомидова, 4]. Кроме того, в это время начал развиваться когнитивный подход, значительно повлиявший на методологию исследований не только в лингвистике, но и в других гуманитарных науках.

К концу 90-х гг. в рамках когнитивного подхода к языку была сформулирована когнитивная концепция имени собственного. Оним стал рассматриваться как концепт по нескольким причинам. Во-первых, уже был накоплен обширный фактический материал, который требовал новых подходов и новой методологии в своей интерпретации. Во-вторых, ономастический материал оказался важным компонентом не только языковой системы, но и важным элементом семиотического пространства конкретной культуры и эпохи. В связи с этим лингвисты стали постоянно обращаться к экстралингвистическим реалиям и социокультурным феноменам. И, наконец, были выведены когнитивные признаки имени собственного, позволяющие носителям языка идентифицировать оним среди других единиц. Таким образом, лексическое значение имени собственного стало пониматься как широкий концепт языкового сознания, выходящий за рамки конкретной коммуникативной ситуации и отражающий общую социокультурную ориентацию эпохи [см.: Голомидова, 11–12].

М. В. Голомидова, в частности, рассматривая категорию имен собственных с антропоцентрических позиций, подчеркивает дуалистическую природу антропонима: «Антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим, максимально приближенным к человеку. <...> Диалектическая природа имени заключена в единстве и противоположности сопряженных с ним социоцентрических и эгоцентрических начал. Имя, будучи знаком индивидуальности, одновременно социально, поскольку вводит своего носителя в социальный континуум, вписывает в культурное пространство, включает в правовые, религиозные, нравственные и прочие отношения...» [Голомидова, 64–65]. Единство противоположностей, эгоцентричного и социального, является, таким образом, одной из ключевых характеристик природы антропонима.

Кроме того, М. В. Голомидова выделяет несколько уровней или блоков функционирования семантики имени собственного [см.: Голомидова, 68–70]: 1) общая категориальная семантика антропонима, где номинируемый предмет мыслится в его индивидуальной сущности; 2) частная категориальная семантика, сообщающая дополнительные признаки объекта через форму имени (одушевленность, пол, принадлежность к человеческому роду и т. д.); 3) частная характеризующая семантика – характеристика конкретного носителя в зависимости от мотивации и внутренней формы имени (что, однако, актуально далеко не всегда: после утраты внутренней формы данный компонент исчезает или проявляется более слабо); 4) частная индивидуализирующая семантика или денотативная соотнесенность – образ конкретного носителя имени, включенного в социальную среду. При этом основным компонентом семантической структуры онима может считаться именно частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, «поскольку без конкретно-чувственного представления об объекте онима как такового просто не существует» [Рут 2001б, 18]. За антропонимом не только признается наличие собственной семантики, но в его значении выделяются несколько уровней, степень выраженности которых зависит от широкого культурного и более уз-

кого социального контекстов, а семантическое наполнение антропонима как знака – от мотивации и фреймовой информации, так как отношение носителя к имени и, соответственно, интерпретация того или иного антропонима могут изменяться в зависимости от исторической эпохи, социальных и культурных предпосылок, коммуникативной ситуации. Влияние фрейма и прочей прагматической информации на форму и семантическое наполнение имени также подробно описано в [Березович 2007, 53–59].

В современной ономастике единой и абсолютно доминирующей концепции лексического значения имени собственного на данный момент нет: среди исследователей можно найти сторонников всех трех точек зрения (отсутствие у ИС лексического значения; наличие у ИС лексического значения в речи; наличие у ИС лексического значения и в языке, и в речи). Тем не менее, третья позиция представляется наиболее распространенной.

На современном этапе у онима выделяются все три компонента значения: сигнификат, денотат и коннотат [см.: Рут 2001a], при этом сигнификат соответствует общей категориальной семантике имени, а денотат – частной категориальной, индивидуализирующей и характеризующей семантике в модели М. В. Голомидовой.

По мнению М. Э. Рут, ярко выраженный сигнификат у антропонимов отсутствует. Категориально-лексической семой антропонима можно назвать сему «человек», но это не дает четкого представления о сигнификате имени. Внутри этой категории больше нет никаких обобщающих или классифицирующих сем – по имени собственному нельзя судить ни о возрасте, ни о социальном положении, ни о характерных чертах человека (исключение – прозвища, но мы не рассматриваем их в данной работе). Относя антропоним к этой сфере, мы лишь подчеркиваем специфику его референта и с помощью этого отличаем антропонимы как класс от других слов (т. е. если слово можно отнести к сфере «человек» и оно не имеет четкого сигнификата, то это, скорее всего, антропоним, а не апеллатив). Конечно, в некоторых ситуациях из формы онима можно почерпнуть дополнительную информацию, напри-

мер, о возрасте (маленького ребенка называют уменьшительно-ласкательной формой имени) или социальном положении человека (именование по полному имени и отчеству), однако быть уверенными в такого рода информации мы можем быть, только имея представление о коммуникативной ситуации, в которой эта форма имени была использована (в частности, уменьшительно-ласкательные формы имени могут употребляться не только при именовании детей, а полная форма имени и отчества может быть употреблена с издевкой или иронией). Отсюда можно сделать вывод, что носитель языка не может вычленил из антропонима какую-либо дополнительную информацию о незнакомом ему человеке, кроме того, что именуемый объект является, собственно, человеком. Исключение в некоторых случаях составляет пол, так как его можно понять по форме, но в европейских языках немало омонимичных мужских и женских имен. Таким образом, «сигнификат антропонима лишь относит его к определенному разряду онома, не более того» [Рут 2001а, 60]¹.

Подтверждение этому находим и у Н. В. Боровиковой: исследователь выделяет несколько сем, свойственных сигнификату имени собственного, например, «‘мужской пол’/‘женский пол’ (ср.: *Jules* и *Julienne*), ‘национальность’ (ср.: *Jules* и *Ivan*), а также, для некоторых имен, ‘региональная принадлежность’ (ср.: *Julien* и *Juluan* (бретонский вариант имени)) и ‘принадлежность к определенной исторической эпохе’ (ср.: *Jean* и *Guu* (входит в список устаревших имен))» [Боровикова, 14]. Как мы видим, несмотря на до-

¹ Конечно, логически носитель языка вполне сможет реконструировать сигнификат, основываясь на собственном языковом опыте, но, тем не менее, сигнификат антропонима остается малоактуальным в обычной речевой ситуации. См. об этом [Рут; 2001а, 60]: «Не случайно апеллятивные номинации вытесняют собственные, когда речь идет о незнакомом собеседнику человеке. “Я выхожу замуж. - Кто он? - Человек (инженер, студент, приезжий и т. п., но не Вася и не Иванов Петр Иванович, если спрашивающий не знает ни Васи, ни Петра Ивановича)”; “Кто там? – Слесарь (это из домоуправления, милиция и т. п., но не Вася и не Иванов Петр Иванович, коль скоро этот Вася или Иванов Петр Иванович не знакомы спрашивающему)” и т. п. На вопрос “кто (что) такой, -ая (такое) Иван, Татьяна, Мария и т. п.?” из десяти ответов восемь-девять связывают имя с конкретным человеком либо литературным героем, один-два ответа не связаны с людьми (“Мария” - магазин, “Татьяна” - шампунь и т. п.) и практически никто не отвечает “человек” или “имя человека”. Ср. привычные ответы на вопрос “что такое (кто такой) стакан, собака, студент и т. п.?”, когда мы опираемся на родовое слово, добавляя к нему дифференциаторы или не делая этого: “стакан – это посуда”, “собака – домашнее животное”, “студент – учащийся вуза” и т. п. Любой апеллятив отсылает к родовидовым отношениям, личное имя этого не делает, оно “ищет” конкретного носителя».

статочное количество сем, которые могут присутствовать в сигнификате антропонима, сигнификат остается, тем не менее, слабо выраженным.

Денотат имени собственного, в отличие от сигнификата, ярко выражен и максимально нагружен смыслом. Он связан с конкретным чувственным представлением и обозначает конкретного человека. «Знать значение имени – значит знать названного этим именем человека» [Рут 2001а, 61]. Называющий имя всегда четко представляет себе того, к кому он обращается, то есть всегда присутствует ярко выраженный референт. «Даже если я произнесла имя Лена и откликнулись все Елены данной аудитории, все равно имя от этого не потеряло своей конкретной семантической однозначности, просто имеет место непонимание в результате ономастической омонимии» [Рут 2001а, 61]. Подобная «узость» и жесткая определенность денотата сильно ограничивает круг употребления имени. Чтобы антропоним имел смысл, он должен быть закреплен за определенным индивидуумом и быть известен участникам коммуникации. Таким образом, мы возвращаемся к социальности имени, которая, как мы видим, тесно связана не только со сферой функционирования, но и с особенностями антропонима как языковой единицы, а «сигнификативная бессодержательность и денотативная насыщенность определяют природу имени – обозначать только того, кого оно обозначает, и больше никого, быть собственностью обозначаемого, залогом его “в-себе-сущности”» [Рут 2001а, 62].

На основе этого М. Э. Рут разграничивает имя собственное (денотативно насыщенное имя, употребляемое в конкретной речевой ситуации) и антропоним (чистую форму слова, не нагруженную денотативной информацией языковую единицу). Выше мы уже упоминали о существовании в христианской традиции списка готовых антропонимов, из которых номинатор выбирает имя при наречении. Единицы этого списка не связаны с конкретным человеком, то есть не имеют денотата. Таким образом, не будучи привязанным к индивидууму, антропоним не выполняет ни одну из вышеназванных функций имени собственного (не номинирует, не индивидуализирует и не служит

для обращения к объекту или его «опознания»), а значит, и не является таковым. «Только наполнение пустой оболочки антропонима конкретным денотативным содержанием превращает его в личное имя» [Рут 2001а, 63]. Тогда мы можем уточнить: социальность присуща только имени собственному (личному имени), а не антропониму. Антропоним – это единица языка, лишенная денотативного наполнения форма, которая, попадая в социальную среду и привязываясь к конкретному человеку после акта наречения, становится именем собственным и начинает выполнять все его функции. То есть антропоним существует в языке, личное имя – в социуме, что пересекается с идеями А. Гардинера о «телесных» и «бестелесных» именах и работами о воплощенных и невоплощенных именах В. Д. Бондалетова, С. В. Перкаса, М. А. Кронгауза.

Об этом же явлении рассуждает С. Н. Смольников, предлагая термины актуальный и потенциальный антропоним и противопоставляя эти два явления друг другу. Главное различие этих двух классов исследователь видит в реализации номинативной функции единицы: «У потенциальных антропонимов не проявлена номинативная функция и нет конкретно-референтной отнесенности. В силу этого их семантика существенно отличается от значения актуальных антропонимов. <...> Для потенциальных антропонимов характерна классификационная семантика, обусловленная генерализацией представлений о носителях имени и ограниченная несколькими семами (например, ‘человек’, ‘мужчина’, ‘русский’). Потенциальные и актуальные антропонимы имеют общий набор сем <...>, но их иерархия различна. Денотатом актуального антропонима является не слово, обладающее теми или иными потенциальными, а человек, лицо» [Смольников 2005б, 30]. Важно и то, что два эти класса антропонимов по-разному ведут себя в плане вторичной номинации и семантического переноса: классификационная семантика потенциальных антропонимов дает им возможность развивать неиндивидуализирующие значения, обозначать общую категорию людей, в то время как «семантика актуальных антропонимов, определяемая конкретными признаками конкретного лица,

создающими коннотацию имени, мотивирует возможность их метафорического и метонимического употребления или использования в качестве прецедентных имен» [Смольников 2005б, 31]. Автор также замечает, что «потенциальная антропонимия целиком относится к сфере языка» [Там же], что немаловажно для данной работы, цель которого состоит как раз в том, чтобы восстановить системные связи в антропонимии именно на уровне языка.

Можно сделать вывод о том, что потенциальный и актуальный антропоним С. Н. Смольникова, антропоним и денотативно насыщенное имя собственное М. Э. Рут, невоплощенное и воплощенное имя собственное М. А. Кронгауза и т. д. – это явления одного порядка, которые во многом можно объединить. В целях настоящего исследования автор вслед за М. Э. Рут использует термины невоплощенный (или списочный) и воплощенный антропоним, понимая под первым то, что М. Э. Рут называет антропонимом (в отличие от имени собственного), а Н. С. Смольников – потенциальным антропонимом.

Как уже было сказано, один человек в разных социальных группах может называться разными вариантами имени. Но и в пределах одной группы человека могут называть по-разному, при этом каждый раз придавая имени эмоциональную окраску (ср. *Сергей, Сережа, Серега, Сереженька* и т. д.). В этом случае коннотация субъективна, поскольку субъективен и выбор лексемы: «Выбор одного из множества всегда субъективен и поэтому всегда нагружен коннотацией, что, как правило, осознает называющий и тонко чувствует называемый: “Почему так официально?”; “Кому Петька, а кому Петр Иванович!”; “Я уже не маленький, не зовите вы меня Васяткой”» [Рут 2001а, 63]. Характер коннотации зависит от конкретной речевой ситуации и ее участников, а также от того, какую именно форму своего имени называемый считает нейтральной.

Коннотативно окрашены и имена, употребленные «не по адресу», то есть, когда форма имени не соответствует ситуации или номинанту (например, обращение к маленькому ребенку по имени-отчеству или по фамилии).

Кроме этого, существуют коннотации, не зависящие от контекста и ситуации употребления слова. Они выражаются чаще всего с помощью морфем, имеющих в сознании носителей языка устойчивую эмоциональную окраску: «в литературной норме [русского языка. – Д. Г.] закреплена негативная окраска именных форм с суффиксом *-к-* (*Танька, Васька*), как ласкательные воспринимаются деминутивы с суффиксами *-очк-, еньк-* и т. п.» [Рут 2001а, 64].

У коннотативного компонента антропонима есть еще одна сторона, связанная уже не с семантикой, а с «культурной аурой» антропонима. Это так называемые фантомные коннотаты, возникающие из-за наличия у антропонима фантомных денотатов. Фантомный коннотат представляет собой «образ имени», генерализацию свойств знаменитых личностей, когда-либо носивших это имя. «Эти фантомные значения нередко становятся основанием выбора имени из списка: “Вот и родился у нас сын. Назвала сама без тебя Александром – в честь Александра Македонского, Александра Суворова и других великих Александров”, – пишет в 1941 г. из эвакуации молодая мать» [Рут, 2001а, 63]. Фантомные коннотации понятны носителям языка, они есть у значительного числа популярных имен. «Антропоним сам по себе вбирает в себя культурные коннотации, за счет чего формируются фантомные лексические значения» [Рут 2001а, 64], превращающие антропоним в единицу, находящуюся между онимом и апеллятивом. На коннотативной семантике имени в свете апеллятивизации онимов в своих исследованиях делает акцент, в частности, Е. С. Отин [Отин 2003, 2005].

Помимо выделения в структуре онима уровней значения, ученые гораздо шире смотрят и на саму категорию имени собственного и способы ее репрезентации. Например, А. К. Матвеев в статье «Апология имени» приводит некоторые примеры топонимов, подтверждающие, что противопоставление онимов одному слову и их изучение в этом аспекте только сужает понимание их природы в теоретическом и общезыковом плане. Это глагольные топонимы аборигенов Австралии (*Jingubullaworrige* – «Я пойду туда»), мансий-

ская топонимия Северного Урала (*Сат-хум-хайтум-лох* – «Лог семи бежавших мужчин», *Нял-пахвтын-керас* – «Скала, в которую пускают стрелы»), лакская топонимия Дагестана (*Шялмахъру-бусай-ххуллу* – «Дорога, на которой рассказывают небылицы», *Къурхъ-рутай-щаращи* – «Родник, который вызывает заворот кишок»), и т. д. Таким образом, «...именник использует разные средства языка. Имена, будучи знаком выделения предмета из ряда подобных, могут быть и словом, и словосочетанием, и предложением. И потому они выходят за рамки лексики. Попытки определить статус имени, опираясь на антиномию имя – слово, как правило, не дают результата, поскольку слово – только одна ипостась имени» [Матвеев 2001]. Подобные соображения, хоть они и касаются, в основном, топонимии, а не интересующего нас в данной работе класса антропонимов, представляются крайне важными при изучении любой категории имен собственных, особенно в теоретическом аспекте. Исследователи при сборе материала вынуждены ограничиваться лишь теми языками, которые им знакомы, однако чаще всего это оказываются славянские либо европейские языки, а рассматриваемые имена принадлежат христианской традиции и, в сущности, ограничивают поле теоретических рассуждений. Посильное внимание к языкам с иной структурой именного словника представляется важной отличительной чертой сегодняшней ономастики.

1.2 Взаимодействие классов имен собственных и нарицательных: отантропонимическая деривация

Исключительную важность для изучения лексического и семантического статуса ИС представляют исследования их апеллятивных производных. Уже с начала XX века некоторые ученые обращают внимание на данную проблематику, обращаясь к диалектному и литературному материалу [см.: Зеленин 1903; Чернышов 1935; Тропин 1940; Щетинин 1961; Спринчак 1969; Морозова 1970; Шарашова, 1971], рассматривая и этимологизируя отдельные языковые факты. Хоть авторы перечисленных работ, в основном, и не касаются интересующих нас вопросов системности антропонимикона или масси-

ва отантропонимических дериватов, их работы в области взаимодействия класса онимов и апеллятивов оказались исключительно значимыми для последующих исследований.

Сравнение онима с апеллятивом и их противопоставление господствовало в науке до 80х гг. Долгое время эти два класса считались полной противоположностью друг друга по оппозиции общее, понятийное – индивидуальное, уникальное. За именем собственным признавалась только номинативная функция: считалось, что, называя объект индивидуальным именем, номинатор не классифицирует его, а выделяет из класса подобных объектов. Таким образом, оним и апеллятив жестко противопоставлялись как индивидуализатор и классификатор [см.: Смольников 2005а, 13–14], однако в современной лингвистике взгляд на эту проблему на такой однозначный.

Помимо трех указанных выше составляющих (сигнификата, денотата и коннотата), семантика онимов на современном этапе рассматривается через призму апеллятивизации и переходов значения проприальной единицы между различными уровнями ее сематического наполнения. Например, Е. Л. Березович, дополняя модель семантики онима М. В. Голомидовой, говорит о том, что при рассмотрении сематического наполнения имен собственных необходимо учитывать «два измерения ономастической семантики – вертикальное и горизонтальное» [Березович 2007, 60].

Вертикальное измерение определяется наложением друг на друга семантических пластов. «Изучение семантической вертикали предполагает построение многоуровневой модели семантики онима» [Березович 2001, 44]. Первый уровень этой иерархии – уровень мотивационного значения. Е. Л. Березович рассматривает топонимы, для которых мотивацию имени установить легче, чем для антропонимов.

Следующий уровень – коннотативный. «...актуализация определенных коннотативных смыслов осуществляется в известной степени прихотливо, непредсказуемо» [Березович 2007, 61], поэтому нельзя заранее сказать, какая именно из существующих у онима коннотаций станет производящей основой

для вторичной номинации. Эмоционально-оценочная окраска возникает у имени в контексте, но для имен собственных контекстные связи очень слабы, поэтому более значительную роль играют связи слова в языковой системе (например, фоносемантика или аттракция к другим лексемам).

Последний, макросемантический, уровень наиболее сложен для изучения, особенно если речь идет об антропонимах, так как необходимо рассматривать слово в обширном семантическом пространстве его морфосемантического поля, то есть во «всей совокупности лексических связей, определяющей возникновение слова» [Варбот]. Для антропонимов все лексические связи (и тем более их происхождение) установить трудно, особенно если речь идет о связях в жаргонах или диалектах.

Семантическая горизонталь – это сами деривационные процессы, «рассеивание» имени. «Рассеивание» это может происходить с помощью переноса имени в другие ономастические коды и изменения частной категориальной семантики. Например, подобные переносы часто происходят между классами антропонимов и зоонимов по референтному сходству – одушевленности. Изучение же семантической горизонтали «предполагает выяснение связей, особенностей взаимодействия ономастического кода с другими кодами трансляции духовной культуры» [Березович 2001, 43]. Имя проникает в другие культурные коды, переходя в разряд апеллятивной лексики или становясь компонентом иного ономастического кода, что является доказательством особой значимости того или иного имени в картине мира носителя языка [см. Березович 2001, 43-44].

Рассмотрим переход слова из проприального кода в апеллятивный. Такой переход определяется с помощью понятия апеллятивизация или антономазия. Первый термин чаще встречается в отечественных работах, второй, восходящий к античной и средневековой риторической традиции, — в работах зарубежных исследователей. Различия в трактовке понятий, а также особенности избираемого российскими и зарубежными лингвистами материала,

определяют различия в понимании процессов перехода имен собственных в разряд имен нарицательных.

В лингвистической традиции антономазия мыслится как «троп, состоящий в метафорическом применении собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального (широкоизвестного по литературе, истории и т. п.) носителя этого имени» [Ахманова, 50]. Впрочем, реальные исследования [Leroy; Flauch] показывают, что сущность явления антономазии шире узкого «тропологического» понимания. Для нас существенно, что явление антономазии основано на наличии у онима фантомного денотата и коннотата.

Возможны два варианта понимания апеллятивизации. В широком смысле апеллятивизация – это любой переход имен собственных в разряд имен нарицательных (независимо от конкретного механизма такого перехода и степени узуальности / окказиональности последних). В узком смысле под апеллятивизацией понимается «мотивированный переход ИС в разряд ИН, при котором коннотативное значение проприального мотиватора определяет сигнификативное значение апеллятивного деривата» [Спиридонов 2011, 37], то есть одна из составляющих коннотативного значения онима становится сигнификатом апеллятива.

С апеллятивизацией в узком смысле связана проблема выявления семантического значения имени. Л. А. Феоктистова, например, подчеркивает, что «...наличие апеллятивов, возникших вследствие ономастической номинации, неопровержимо свидетельствует о наличии у имени значения – исходного либо вторичного, приобретенного в процессе деривации» [Феоктистова 2011а, 239–240]. Тогда вторичное употребление слова – это экспликация одного из компонентов его значения (коннотативного или прагматического – фрейма), а общий категориальный компонент ономастической семантики в процессе апеллятивизации полностью или частично утрачивается, то есть противопоставление «имя собственное – имя нарицательное» становится не

актуальным. Благодаря этому, по мнению Л. А. Феоктистовой, и возможна апеллятивизация.

Помимо апеллятивизации в узком смысле наличие нарицательного существительного, по форме совпадающего с именем, может быть результатом аттракции. Под аттракцией понимается «притяжение близких фонетически, но не связанных этимологически ИС и ИН, при котором ИС или его производным “навязывается” семантика созвучного ИН» [Спиридонов 2011, 37], то есть благодаря случайной омонимии корней, формальному сходству форм онима и апеллятива происходит семантическое сближение между ними, в результате которого имя получает сигнификат. Оним, таким образом, заимствует семантику, и его собственные коннотации никак не влияют на лексическое значение деривата. Значение деонима определяется не именем собственным и какими-либо составляющими его семантики, а именем нарицательным и чисто формальным сходством корней этих слов. Антропоним даже может приобретать новые коннотации, «заимствованные» у омонимичного апеллятива в силу фонетической схожести.

Кроме того, в этой схеме антропоним может реализовывать и свой собственный смысловой потенциал, который может возникать, например, благодаря звукоизобразительному или звукосимволическому прочтению его формы. Д. В. Спиридонов в статье «К этнолингвистической характеристике имени Жак во французских диалектах» приводит такой пример фонетической аттракции: «в нормандском диалекте французского языка фиксируется лексема *guillaume* “сопли, вызванные использованием нюхательного табака”, которая создана при притяжении имени *Guillaume* к норм. глаголу *guiler* ‘течь с силой, исторгаться, идти (о ливне)’» [Спиридонов 2011, 37]. Еще один случай аттракции – это скрещивание похожих, но этимологически не связанных форм, когда та же, что и в первом случае, схожесть внешнего вида слова, приводит не к наделению онима семантикой апеллятива, а к созданию новой

лексемы на основе онима под влиянием апеллятива¹. Омонимия здесь – не следствие перехода слова из одного класса в другой, а его причина.

С. Леруа и Э. Дюпраз выделяют еще три способа апеллятивизации онимов [Дюпраз]. Апеллятив может образовываться от антропонима с помощью аффиксов, например, *vichyste* <вишист, сторонник режима Виши> (морфологическая деривация). Так же оним может апеллятивизироваться с помощью эллипсиса, как, например, слово *poubelle* <мусорный бак> во французском языке (изначально мусорные баки назывались *boîtes Poubelle* <ящики Пубеля>, по фамилии префекта Сены Эжена Пубеля, приказавшего декретом от 7 марта 1884 года устанавливать мусорные ящики в жилых домах). И третий способ апеллятивизации, который выделяют исследователи, это простой категориальный перенос без изменения формы слова, как например в случае с дериватом *égérie* <тайная советчица>, произошедшим от мифонима *Égérie*².

В исследованиях Е. С. Отина акцент ставится на коннотативной составляющей семантики имени [см.: Отин 2003; Отин 2005]: автор рассматривает переход единицы из разряда ИС в разряд ИН как реализацию добавочных значений или референтных коннотаций, которым семантика онима обогащается по мере его функционирования в языке. Этому обогащению могут способствовать не только энциклопедические знания о денотате ИС (которые со временем забываются, и имя полностью деонимизируется, становясь отконнотонимным апеллятивом), но и идеофонические особенности онима, контекстно обусловленная семантизация и паронимическая аттракция апеллятивами и другими онимами. Для обозначения таких коннотативных ИС, занимающих срединное положение между «чистыми» именами собственными и именами нарицательными, исследователь вводит термин *мезолексы* (от греч. «промежуточный») [Отин 2003, 56] и указывает на их важность как проме-

¹ «В качестве примера приведем фр. *ajonc* ‘колючее растение утесник, *Ulex Europaeus* L.’, которое в северо-французских диалектах имеет вариант *jan* ‘то же’ [TLFi], по форме совпадающий с антропонимом *Jean* (Жан), что приводит к их скрещиванию (ср. анж. *Jean Dépeigne* (лохматый Жан) ‘утесник’ = *jan d’érine* (колючий утесник)» [Спиридонов 2011, 38].

² Эгерия – в римской мифологии нимфа священного ручья, из которого жрицы-весталки черпали воду для храма богини Весты, обладающая даром предвидения. По преданию, именно от нее Нума Помпилий получил религиозные и гражданские законы [Академик].

жуточного звена при этимологизации деонимических апеллятивов. Автор также приводит типологию коннотативных онимов по пяти классификационным признакам: 1) естественность и непривычность; 2) широта распространения; 3) семантический состав и организация смысловой структуры; 4) степень апеллятивизации; 5) участие или неучастие единиц в процессах отконнотонимной деривации [Отин 2003, 57].

В исследовании Т. А. Головачевой [см.: Головачева] механизм апеллятивизации изучается с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода. Значения дериватов антропонима представлены в виде когнитивной матрицы, в центре которой находится сам антропоним, а на периферии – концептуальные сферы функционирования его апеллятивных производных (например, «наука», «человек», «философские течения»¹). Для настоящего исследования особенно важно то, что снова подчеркивается экстралингвистическая обусловленность отантропонимической деривации: апеллятивизация происходит не столько на основе семантической, сколько на основе экстралингвистической мотивации, когда внеязыковые знания о типичном (в случае с дериватами от таких имен, как *Иван*, *Мария*, *Дуня* и т. д.) или конкретном (при деривации от имен известных деятелей науки, политики и т. д.) носителе имени определяют лексическое значение производного апеллятива. Культурный и социальный контекст, таким образом, важен не только при антономазии, когда в сигнификат апеллятива переходит коннотат имени известного человека или персонажа, но и при деривации от списочных, или невоплощенных, антропонимов, когда имя собственное воспринимается как единица языковой системы и функционирует без конкретного денотата.

Итак, имя собственное рассматривается современными лингвистами не «само в себе», а внутри языковой, культурной и социальной системы, кроме того, внутри системы ономастической. Сложная структура взаимодействия онима с единицами внутри ономастикона и, шире, внутри всей языковой си-

¹ Автор, однако, не выходит за рамки анализа отдельных когнитивных матриц. Между тем представляется, что их сравнительный анализ и поиск системных связей между такими матрицами мог бы дать научно значимый результат.

стемы позволяет по-новому взглянуть на вопрос семантического и лексического статуса имени собственного. Сегодня существует три точки зрения на наличие у антропонима собственного значения: первая – полная асемантичность имени. Вторая точка зрения – это «речевой подход» [Боровикова, 9], когда антропоним рассматривается как асемантичная или частично асемантичная единица в языке, но наделенная смыслом в речи. И последний подход – «рече-языковой». «Признавая не только речевой, но и языковой статус значения имени собственного, ученые принимают идею о способности имени выражать некоторое понятие, закрепленное в сигнификате имени. Состав этого компонента значения окончательно не определен» [Боровикова, 10]. В нашей работе мы принимаем точку зрения тех лингвистов, которые признают за антропонимом способность выражать некое понятие без связи с индивидуальным референтом или конкретным носителем имени. Но, в то же время, мы согласны и с положением о том, что сигнификат ИС выражен имплицитно.

В свете этой проблематики продолжаются и исследования взаимодействия собственных и нарицательных имен и переходов единиц из одного класса в другой. Современные ученые рассматривают отыменные дериваты и как отражение культурных и социальных аспектов жизни общества, и как инструмент, помогающий глубже понять природу имени собственного: «...в процессах деонимизации раскрывается смысловой (когнитивный) потенциал имени как такового» [Феоктистова 2009, 269], «Любой факт вторичного употребления имени можно, на наш взгляд, представить как экспликацию одного или нескольких компонентов его значения» [Феоктистова 2016, 89]. При этом речь идет именно о невоплощенном имени, то есть о единице языка, об имени списочном, не называющем конкретного индивида и не имеющего референтной отнесенности.

1.3 Системные отношения в антропонимиконе через призму отантропонимических дериватов

Из некоторой аморфности и абстрактности антропонимикона, состоящего из невоплощенных имен, вытекает проблема верификации каких бы то ни было связей и корреляций между его элементами. Поскольку списочный антропоним как языковая и культурная единица, не воплощенная в речи и потому не имеющая референта, является сущностью абстрактной, увидеть эти связи в сознании носителя на таком абстрактном уровне невозможно. Существующие в языке и культуре системы и микросистемы антропонимов должны проявить себя в конкретных употреблениях, что приводит к предлагаемому в настоящей работе методу выявления этих корреляций.

Достаточно надежным инструментом верификации наличия системных связей между антропонимами представляются отантропонимические дериваты – те или иные формы имени собственного, перешедшие в разряд имен нарицательных или, по крайней мере, ставших, в терминологии Е. С. Отина, мезолексами, то есть коннотативными лексическими единицами, занимающими промежуточное положение между классами имен собственных и имен нарицательных. Действительно, в массиве отантропонимических дериватов часто можно наблюдать микросистемы апеллятивных отыменных производных. Чаще всего это пары, реже – тройки дериватов, имеющих общее значение либо функционирующих в одном семантическом поле или одном устойчивом выражении в смежных значениях. Поскольку, как было показано выше, апеллятивизация онимов в большинстве случаев представляет собой, по сути, реализацию их культурных коннотаций, изучение микросистем отантропонимических дериватов представляется продуктивным методом выявления связей между невоплощенными антропонимами через выявления таких связей между апеллятивными производными этих антропонимов. Конечно, нельзя забывать и о том, что некоторые микросистемы могут создаваться и на основе формальных языковых и иных признаков, особенно в рамках фольклорных текстов или устойчивых выражений (например, механизмом сопря-

жения в таких случаях может служить рифма или аллитерация, а также смежность или физическая близость уже номинированных предметов или явлений в реальной жизни). По этой причине необходимо проводить тщательный анализ каждой отдельной микросистемы дериватов с целью выявления механизмов, лежащих в основе этой микросистемы, то есть в каждом случае необходимо найти ответ на вопрос: «Почему эти отантропонимические дериваты стали компонентами одной микросистемы?» – а затем понять, может ли природа их корреляции свидетельствовать о наличии системной связи между «изначальными» формами невоплощенных антропонимов этой пары в языке и культуре. Детальный анализ каждой микросистемы необходим также и для того, чтобы разграничить механизмы возникновения пары (тройки и т.д.) и механизмы, поддерживающие эту систему в процессе ее «жизни» в языке. Наличие таких «поддерживающих» механизмов может значительно осложнить анализ, ведь они могут являться отправной точкой для новых значений отантропонимических дериватов и новых компонентов семантики микросистемы, но не иметь прямого отношения к собственно образованию микросистемы из двух апеллятивных производных.

Следует также оговориться, что не всегда наличие микросистемы отантропонимических дериватов следует считать прямым проявлением системности антропонимикона. Более того, в контексте нашей проблематики с уверенностью мы можем говорить лишь об элементах системности антропонимикона, и связано это, прежде всего, с природой изучаемого явления. Аморфность и абстрактность антропонимикона, в отличие от конкретности, например, топонимов, не позволяет уложить его весь в хоть сколько-нибудь стройную и полную систему. Системность антропонимикона можно увидеть в парадигматических отношениях, в частности, в межъязыковых (*Павел – Paul – Paolo*) и внутриязыковых (*Павел – Паша – Пашка – Павел Павлович*) вариантах одного имени, но эти отношения устанавливаются все же именно между вариантами одного антропонима, а не между несколькими антропонимами, и на рассматриваются в данной работе. Синтагматические же связи

антропонимов чаще всего требуют контекста, то есть возникают в рамках, например, одной семьи или династии (например, система наречения в династии Рюриковичей, рассматриваемая в [Литвина, Успенский]), на одной территории или в одной коммуникативной ситуации. Через выявление микросистем отантропонимических дериватов, таким образом, в данном исследовании предполагается увидеть не жесткую систему, где каждый невоплощенный антропоним христианской традиции располагается в четко определенной и отведенной только для него ячейке, а элементы системности аморфного, по сути, явления, продолжающего жить и развиваться в языке и строить новые связи между составляющими его элементами.

На системных отношениях между отыменными дериватами акцентируют внимание многие современные исследователи, изучая различные корреляции апеллятивизированных единиц, что, как кажется, является важным шагом к пониманию системы ИС (в частности, антропонимикона) именно как системы с особой внутренней организацией. Что же касается непосредственно антропонимии и отантропонимических дериватов, то, в частности, О. В. Тимофеева [см.: Тимофеева] систематизирует массив отантропонимических дериватов в русской диалектной лексике по семантическим и словообразовательным характеристикам. Е. В. Иванцова сопоставляет систему лексического значения ИС и ИН, рассматривая семантику ИС с точки зрения ее трансформации при функционировании во фразеологизмах и устойчивых выражениях. С лингвокультурологической точки зрения в диахронии рассматривает систему женских имен Ф. В. Степанова [см.: Степанова 2006, 2010]. Через анализ отантропонимических дериватов делается попытка выявить специфику корреляции прецедентного содержания личных имен как культурных знаков: особое внимание автор уделяет семантическому полю «флора и фауна» и паре *Мария* и *Иван* как ключевым концептам русской культуры и народной картины мира.

На примере агнионимов воздействие на оним языковой системы изучает И. В. Родионова [Родионова 2000], классифицируя агнионимы по сигнифика-

тивному, формально-структурному и денотативному принципу. При этом сигнификат агнионимов приоритетен для автора, так как именно на этом уровне мифологическое, культурное содержание переходит на языковой уровень, приобретая лингвистическое выражение. Сигнификат этот неоднороден и имеет сложную структуру, состоящую из текстового, сакрального и оценочного компонента. Текстовый компонент, по Родионовой, верифицируется наличием мотива – ментального конструкта или элемента мифа, получившего выражение в языке. В данной работе этот компонент рассматривается как основополагающий для дериватов от таких пар онимов, как *Петр* и *Павел*, *Мария* и *Иван*, *Кузьма* и *Демьян*, и т. д. – тех онимов, в текстовом компоненте которых присутствует парность мифологических персонажей, повлекшая за собой объединение дериватов от их имен на уровне лексики и фразеологии. Анализировать материал исследователь предлагает комплексно, оценивая одновременно смысловую и формальную структуру единицы, функционирующей в определенной сфере действительности. В работе И. В. Родионовой важно еще и то, что совокупность отагнионимических дериватов рассматривается как система, с выделением центра (отантропонимические производные) и периферии (оттопонимические производные). Автор пишет о системной мотивированности – явлении, при котором «возникновение определенной языковой единицы обусловлено наличием в составе группы подобных же фактов и наведено этими фактами» [Родионова 2000, 13]. Подобное явление характерно не только для агнионимов, но и для некоторых других единиц системы отантропонимических дериватов, как будет показано в настоящей работе.

Крайне важной в контексте нашей проблематики представляется и статья И. В. Родионовой 2005 года, в которой совокупность отантропонимических фактов рассматривается как специфический номинативный комплекс, «который представляет собой полевою структуру, формирующуюся и развивающуюся в соответствии с определенными принципами» [Родионова 2005, 159]. В исследовании ставится проблема поиска механизмов и закономерностей

стей, которым подчиняется номинативный процесс при использовании этого пласта лексики. На материале характерологических номинаций отантропонимического происхождения И. В. Родионова выявляет закономерности, «свидетельствующие об определенной направленности номинативного процесса» [Родионова 2005, 176]: доминанта негативного (маркированию подвергаются прежде всего негативные качества человека), полидублетность как отличительная черта некоторых идеографических групп («характерологические номинации не отличаются значительным идеографическим рассеянием» [Родионова 2005, 178]) и полисемия и диффузность семантики («в рамках исследуемого поля довольно распространено явление, когда одно имя фиксируется в качестве обозначения различных качеств характера (полисемия) либо когда значение, сформулированное в источнике весьма комплексно, касается ряда черт характера, так что номинация может быть представлена в двух-трех идеограммах (диффузность)» [Родионова 2005, 180]). Таким образом, данное исследование показывает, что массив отантропонимических дериватов образуется и функционирует не хаотично, а подчиняясь неким общим закономерностям, «которые определяют формирование данного номинативного комплекса в его основных чертах» [Родионова 2005, 187]. Кроме того, исследователь реализует системный подход к анализу материала, рассматривая весь комплекс дериватов выбранной группы в совокупности, как систему, а не акцентирует внимание на мотивации или этимологии одного или нескольких языковых фактов, что, как кажется, пересекается и с методологией настоящей работы.

Значительную часть исследований системных отношений между отантропонимическими дериватами составляют работы, представляющие анализ или «портрет» какой-то одной микросистемы в контексте культурологических, этнографических и этимологических исследований. Чаще всего, как кажется, внимание ученых привлекает пара *Иван* и *Мария* как наиболее продуктивная микросистема [Березович 2007, 278-292; Байбурун 1983, 210-211; Голикова 2013 (франц. *Marie* и *Jean*); Грачев, 2009, 286–301; Гура, 1997, 502;

Иванов, Топоров 1974, 230; Иванова, 2010; Колосова, 2009, 162–168; Кривошапова, 2007, 95–97; Родионова, 2000, 165–173; Степанова, 2010б; Юдин 1997]. Значительная часть парных имен и отантропонимических дериватов рассматривается в составе фразеологизмов и различных устойчивых выражений, например [Голикова 2014в; Дарзаманова, 2015; Качинская, 2005; Коган 2014; Леонтьева 2011, 2016; Отин 2005, 122–134; Феоктистова, 2017; Чехоева 2008; Шестак, 2011]. Подобные работы представляют исключительную важность для реконструкции этнографических, культурологических и этимологических фактов, и одним из перспективных вариантов дальнейшего развития исследований антропонимикона как системы кажется попытка систематизации и анализа разрозненных фактов как проявления этой системности.

Понимание системных связей между невоплощенными антропонимами в данной работе основывается на описанной выше модели семантики имени собственного, разработанной М. В. Голомидовой и дополненной Е. Л. Березович. Понимание значения ИС как системы семантических пластов или уровней оказывается весьма продуктивным в плане выявления механизмов возникновения связей между отантропонимическими дериватами и, следовательно, между именами собственными как единицами системы антропонимикона. Следует подчеркнуть, что акцент в данной работе поставлен не на полной реконструкции системы значений одного имени или одного семантического поля, а на специфике связи или взаимоотношений внутри пары или иной микросистемы имен и их дериватов. Конечно, рассмотрение парных дериватов невозможно без должного анализа всех семантических пластов их совместных или связанных значений именно как пары, но глубокая их реконструкция для каждого отдельного имени в контексте нашей проблематики представляется излишней. Интерес для нас представляют те пласты и компоненты значения, на уровне которых антропонимы коррелируют, составляя пару. Если представить «вертикаль» («ядро») и «горизонталь» значения, предлагаемые авторами модели, в виде системы координат для каждого из

компонентов пары, то на этой системе для каждой пары можно отметить точки такого пересечения, или сопряжения, значений.

При этом под словом «точка», конечно, не следует понимать какой-то единичный лексический факт или частный случай употребления. Здесь, скорее, имеется в виду целый общий пласт или компонент значения, сопряжение на уровне которого порождает одно или несколько семантических полей, где затем функционируют дериваты, производные от «сопряженных» онимов. Впрочем, хронологическая последовательность этих событий может быть любой, например, при фонетической аттракции область сопряжения может возникать уже после появления дериватов (в случаях вторичного набора коннотаций онимом вследствие, например, омонимии корней онима и апеллятива). Отантропонимические апеллятивные дериваты, таким образом, не только эксплицитно выражают некоторые аспекты значения одного имени, но и служат своеобразным индикатором некой системной связи между двумя или несколькими антропонимами как единицами языка.

Возникновение точек пересечения и, следовательно, механизмов сопряжения двух систем значения возможно, как кажется, не на всех уровнях этого значения. В частности, общий категориальный «ядерный» компонент – проприальность – вряд ли может дать продуктивную точку сопряжения для образования микросистемы отантропонимических дериватов. Несомненно, этот компонент является общим для всех имен собственных, что и объединяет их в один класс внутри языка, но внутри самого антропонимикона качество проприальности не может служить признаком для объединения антропонимов в пары, так как в таком случае микросистему можно было бы «создать» из любых случайных онимов. Частный категориальный («человек») и частный дифференцирующий (гендер) компоненты, как представляется, уже могут показывать некоторую корреляцию семантики онимов, но и в этом случае область сопряжения может оказаться слишком широкой. По частному категориальному компоненту, опять же, можно было бы составить микросистемы для любой комбинации онимов, а по компоненту «гендер» – объединить в

пару любые мужские или женские имена. Однако комбинация этих компонентов в сочетании с устойчивым употреблением пары дериватов в соответствующем значении, как кажется, может свидетельствовать о наличии пусть слабой и нестабильной, но микросистемы, особенно в том случае, когда механизм «сопряжения» выявляется достаточно четко (например, сопряжение на основе прецедентного текста (фр. *Robin* и *Marion* ‘типичная пара простолюдина и пастушки’ или ‘пастух и пастушка’ [Ellit; Bibliothèque Méjanes]), или употребление мужского и женского варианта одного имени в одном и том же значении с различием по гендеру в рамках одного ритуального действия: *Julien*, *Julienne* и их диминутивные формы *Juliot*, *Juliotte* ‘празднично одетые мальчик или девочка, которые появляются на улицах городов во время праздников или ярмарок’ [C. R. de M. 1839, 295]). Продуктивную корреляцию на уровне мотивационного значения имени представить себе довольно сложно, так как два онима с одинаковой мотивацией в одном языке, скорее всего, были бы омонимами либо синонимичными прозвищами, не перешедшими еще в класс имен собственных.

А вот периферийные компоненты значения (фреймовый, эмотивный, коннотативный) кажутся, напротив, довольно многообещающими в плане возникновения на их уровне точек сопряжения антропонимов и отантропонимических дериватов, так как именно коннотации и эмотивный и фреймовый аспекты чаще всего служат отправной точкой для апеллятивизации. Конечно, как деоним может мотивироваться не одним, а сразу несколькими компонентами значения производящего онима, так и механизм связи между деонимами может возникать сразу на нескольких уровнях. При этом микросистема дериватов может быть связана на нескольких уровнях и употребляться в одном значении (например, упомянутые выше *Julien* и *Julienne*), а может представлять собой систему из нескольких механизмов связи, соединяющих, например, несколько пар омонимичных дериватов в разных значениях. Такие пары обычно представляют собой сложный комплекс, находящий выражение в различных слоях культурных, ритуальных и социальных

аспектах человеческой жизни, в верованиях, традициях и языке (яркий пример – пара *Мария* и *Иван* в разных языках).

Необходимо, однако, помнить, что не любое совместное употребление отыменных дериватов в устойчивом выражении или ритуальной формуле означает пересечение систем значения производящих имен. В частности, эти системы могут быть расположены рядом, как бы идущими «в параллель», но не пересекающимися, например, при фонетической аттракции дериватов, когда отыменные производные объединяются в одном контексте скорее по формальным признакам, нежели в результате наличия связи между производящими антропонимами. Таким образом, совместное функционирование отыменных дериватов в одном контексте не является однозначным показателем наличия системной связи между производящими именами внутри антропонимикона – это, скорее, вспомогательный индикатор.

Следует особо отметить, что рассматриваемые в работе «точки сопряжения» видятся автору как точки пересечения семантики именно антропонимов как единиц языка, что, как кажется, свидетельствует о наличии не только лексического значения у антропонима (что доказывается указанными выше в данной главе исследованиями), но и о существовании системных связей между по крайней мере некоторыми антропонимами и, следовательно, о системности (или элементах системности) антропонимикона. Отантропонимические же дериваты служат индикатором, материальным выражением этих связей, возникающим в области «точек сопряжения» и позволяющим найти и верифицировать системные связи между невоплощенными антропонимами, предположительно существующие в сознании носителя языка.

Итак, природа лексического значения имени собственного в современной ономастике еще не выяснена до конца. Большинство ученых разделяют точку зрения «рече-языкового» подхода, а обширный фактический материал и исследования в области апеллятивизации онимов подтверждают их правоту. На сегодняшний день такая позиция представляется наиболее продуктив-

ной, так как она учитывает, с одной стороны, диалектическую взаимосвязь абстрактного и конкретного, социального или культурного и индивидуально-го в семантике онимов на уровне языка и речи и их включенность в систему языка наравне с другими классами слов, а с другой – неоднородность сигнификативного, денотативного и коннотативного содержания собственных имен.

Из признания наличия у антропонима лексического значения и из особенностей его природы как языковой единицы следует и то, что антропонимикон можно рассматривать как отдельную, особую систему внутри системы языковой, не разделяя при этом антропонимикон на какие-либо подгруппы по формальным или территориальным признакам, но рассматривая его с теоретической точки зрения. Свойства антропонима как списочной единицы и при реализации в речи, однако, порождают проблему верификации его системности, которую, как представляется, можно решить через изучение отантропонимических дериватов, структура связей которых в некоторых случаях может отражать структуру связей между невоплощенными онимами как единицами антропонимической системы языка. Далее в работе будет проведен анализ массива отантропонимических дериватов с целью выявления описанных выше системных связей. Анализ проводится на диалектном, просторечном и литературном материале русского, французского и английского языков.

Глава 2. Микросистемы отантропонимических дериватов и их классификация: экстралингвистические связи

2.1 Микросистемы отантропонимических дериватов, возникших на основе прецедентных текстов

Антропонимикон европейской традиции основан, прежде всего, на христианской культуре, поэтому не кажется удивительным тот факт, что основным экстралингвистическим фактором, влияющим на систему имен собственных в европейских языках, являются религиозные тексты и мифы. Тексты Священного писания, поверья народной религии и христианский календарь оказываются плодородной почвой для возникновения в культуре представления о (чаще) парности тех или иных персонажей, а затем и для образования в языке микросистем производных от их имен. Первоначально связь возникает не на уровне антропонимов как единиц языка, а на уровне мифологических персонажей, носящих эти имена. Затем представление о конкретных персонажах может размываться, и становится уместным говорить о наличии в языковом сознании диалектоносителя корреляции именно между антропонимами, которая подкрепляется образованием микросистемы дериватов, включающей целый комплекс значений и совместных употреблений этих единиц. Аналогичный процесс, как кажется, происходит и с литературными, не фольклорными персонажами: сюжеты и персоналии забываются, но корреляция имен остается в сознании носителя, на языковом уровне выражаясь через отантропонимические апеллятивы. Именно поэтому данная группа не ограничивается только фольклорным, «христианским» материалом, а включает и литературные источники.

Итак, экстралингвистическая связь внутри микросистемы дериватов – это связь, первоначально возникшая на основе функционирования имен и персонажей-носителей этих имен вне языка, (в ритуалах, поверьях, мифах и т.п.), которая затем кристаллизовалась в микросистему производных от этих имен. Предполагается, что между этапами «персонажи» и «отантропоними-

ческие дериваты» присутствует еще один этап, где как раз и устанавливается связь между именами в их списочной, невоплощенной форме, наличие которой верифицируется через системы производных.

Рассматривая микросистемы отыменных производных, возникших на основе прецедентных текстов, стоит отметить, что степень апеллятивизации некоторых единиц, относящихся к этой группе, часто будет разной, так как, вследствие большого разнообразия моделей деривации и сфер функционирования, массив антропонимических дериватов данной группы оказывается крайне неоднороден семантически, и некоторые дериваты даже могут выходить за рамки языкового уровня, становясь культурным знаком в семиотическом смысле. Так, отыменные производные и реалии, которые они обозначают, могут являться частью ритуала, культурным символом, выходящим за рамки лингвистического уровня. Ср., например, *иванушка* и *марьюшка* в значениях ‘последний сноп в дожинальном обряде’ и ‘веник из веток’. Пара обрядовых предметов – веник и сноп – не только имеют парную номинацию, но и взаимодействуют в обряде [см. Березович 2007, 278-292]. Похожую ситуацию можно увидеть и во французском языке, когда *la petite bête de la Vierge* <зверушка Девы (Марии)> ‘золотая жужелица’ в день святого Иоанна обладает особой силой: найденная в этот день, она весь год защищает нашедшего ее от зубной и головной боли [Plancy, 162].

Такая разнородность материала приводит к тому, что иногда довольно сложно оказывается отделить собственно антропоним от персонажа, отчего становится не ясно, с чем мы имеем дело в каждом конкретном случае: с элементом образа персонажа, носящего имя, или с компонентом семантики антропонима. Особенно остро этот вопрос стоит в случае неполной апеллятивизации, когда дериваты имеют промежуточный статус (мезолексы). В таких случаях, как кажется, имеет смысл обращать внимание на степень «оторванности» дериватов от изначального сюжета, в котором функционируют «исходные» персонажи. В по-

добных случаях можно говорить о культурном коде и семиотическом статусе отыменных производных.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в заговорах. Часто в заговорах можно видеть не обращение к святому, а использование имени без референта, например, пара *Ховрон* и *Ховронья* в заговоре на ратное дело: *Пошель Ховронъ въ лѣсъ, Ховронъ Ховронычь, жена его Ховронья; сынъ его не умнѣе вышель, какъ пень, и удариль въ пень; порохъ – сажя, желѣзо – земля, и во вѣки вѣковъ, аминь* [Майков, 145]. В рассматриваемом заговоре сработал акрофонический принцип [Топоров 2006, 405], пара антропонимов была создана по принципу фонетического сходства: этими именами обозначены не конкретные мифологические персонажи, а абстрактные магические силы, к которым взывает читающий заговор. Эти имена «относятся к высшему («персонажному») уровню заговорной структуры и от помощи «персонажей» этого уровня в сильнейшей степени зависит успех заговора, а само именование, называние имени и есть включение в «действие» этих персонифицированных сил и ценностей» [Топоров 2006, 400]. Таким образом, денотат подобных имен переходит на абстрактный понятийный уровень. У имени собственного отсутствует четкий референт, оно персонифицирует абстрактное понятие или представление, вследствие чего мы не можем назвать такие единицы полноценным именем собственным, но и причислить их к классу имен нарицательных нельзя. Очевидно, что подобные единицы должны рассматриваться в контексте культуры как символы, а их семантический статус должен быть определен в широком, семиотическом, смысле.

В широком же смысле в данной главе понимается и прецедентный текст. В случае с микросистемами, возникшими на основе богатой христианской культурной и мифологической традиции, основным прецедентным текстом можно было бы назвать Новый Завет и Евангелие, однако при тщательном анализе материала становится очевидно, что для развития всего комплекса значений, присутствующих у рассматриваемых

мых микросистем, только этих текстов оказывается мало. Микросистема может взаимодействовать с языческими традициями, «обрастать» новыми смыслами, функционируя в быту, мифах и сакральных ритуалах, становясь, таким образом, культурным символом. В таких случаях (яркий пример – пара *Мария* и *Иван* в разных языках) один источник мотивации установить довольно сложно (если вообще возможно), и поэтому выходом из этой ситуации видится понимание прецедентного текста в широком смысле, как комплекса текстов и мифологем, наслаивающихся друг на друга и придающих микросистеме дериватов все новые значения на разных этапах ее существования, а не только на стадии ее появления и мотивации.

Но не стоит забывать и о более простых случаях, когда возникновение микросистемы обусловлено функционированием имен в конкретном тексте (например, литературном), этот текст достаточно легко устанавливается, а сама микросистема при этом не выходит за рамки значений, присвоенных ей этим текстом. В настоящем разделе будут рассмотрены микросистемы обоих этих типов.

2.1.1 *Мария – Иван, Marie – Jean и Mary – John*

В данном разделе мы рассмотрим микросистему дериватов от пар антропонимов *Мария – Иван, Marie – Jean / Jeanne*¹ и *Mary – John* и попытаемся выявить такие признаки микросистемы, при наличии которых правомерно было бы сделать вывод о наличии в лингвокультуре связи между производящими антропонимами на уровне невоплощенных языковых единиц.

Иван и *Мария*, как и французские и английские варианты этих имен – широко распространенные в европейской лингвокультуре имена, и отраже-

¹ Мужской и женский варианты имени *Jean* объединены в одну систему, так как представляется возможным, что мужской вариант, функционируя рядом с онимом *Marie* в тех случаях, когда важной являлась сема противопоставления по полу, обусловил и употребление в паре с *Marie* имени *Jeanne* в тех значениях, когда эта сема была не так важна. Кроме того, в ряде французских диалектов произношение мужского и женского вариантов имени сближается, из-за чего авторы диалектных словарей (в особенности старых) в качестве формы одной и той же лексемы могли привести как *Jean*, так и *Jeanne*.

ние этого факта можно найти и в наивном языковом сознании (ср., например, поговорку: *Иванов, что грибов поганых* [Даль, 1, 5]). Популярностью имени среди крестьян и простого народа обычно объясняют употребление дериватов от распространенных имен в значении ‘человек’ с пейоративными коннотациями и, далее, развитие семантики производных по частотным моделям деривации, но в случае с *Marie – Jean, Mary – John* и *Мария – Иван* подобного объяснения, несомненно, будет недостаточно. Дериваты от рассматриваемых ИС не только функционируют в каждом языке попарно, но и при сопоставлении языков обнаруживают немало схожих значений и моделей употреблений, которые мы для удобства анализа сгруппируем в несколько семантических полей.

2.1.1.1 Семантическое поле «Человек»

Дериваты от всех указанных имен имеют значение ‘человек, имярек’. Чаще всего значение сужается до человека соответствующего имени пола, но встречаются и употребления, в которых сема пола не играет важной роли.

В русском языке интересующая нас пара дериватов в значениях ‘женщина’ и ‘мужчина’ отражена как в устойчивых выражениях (*Ванька с Манькой да Колупай с братом* ‘никчемные люди’ [Алексеевко, 143; СРГС, 1, 117]; *Маша не чешишь и Ваня не царайся* ‘дело сделано так, что не к чему придраться’ [ФСРГС, 110]; как *Ваня с Маней* ‘неразлучно’ [ЛК ТЭ]; *Иван да Марья* ‘муж и жена, супружеская чета (как правило, крестьянская), жених и невеста’; *Ваньки да Маньки, ваньки-маньки, дяди Вани и тети Мани* ‘простой (русский) народ, простонародье, реже – челядь’ [Березович 2007, 288]), так и в отдельных номинативных единицах (*полтора Ивана* ‘человек очень высокого роста’, *полторы Матрены* ‘женщина очень высокого роста’ [Кобелева, 187]; *Иван Иванович* ‘условное обозначение всякого мужчины (как правило, русской национальности)’, *Марь Ивановна* ‘всякая (чаще – русская) женщина’ [Березович 2007, 288]; *маруха* ‘любовница’, *марушка* ‘женщина, жена’ [СРНГ, 17, 377], *мархоня* ‘женщина легкого поведения’ [СРГНО, 290], *марушка* ‘курва’ [Миртов, 182], *Ваня гульный* ‘неверный, распутный’ [Подюков

2010, 97]). Отметим, что такие единицы, как *полторы Матрены, маруха, марушка, мархоня* являются, возможно, примерами вторичной аттракцией к имени *Мария*, что, однако, не препятствует их включению в этот ряд (см. об этом [Спиридонов, Феоктистова 2017]).

Имена *Иван* и *Марья* становятся, таким образом, эквивалентами местоимений *он* и *она*, воплощают собой мужское и женское начало в самом общем смысле. Особенно сильно это проявляется в традиции именования этими именами (в соответствии с полом) детей до крещения [см. Березович 2007, 289]. В русском материале мы видим, что дериваты от *Мария* и *Иван* употребляются в значениях ‘человек’, ‘мужчина’, ‘женщина’ как самостоятельно, так и вместе с определениями или в составе устойчивых выражений, сужающих значение, и образуют гендерную параллель «мужское – женское».

Семантика мужского и женского у производных от рассматриваемых русских имен гораздо шире, нежели просто значения ‘мужчина вообще’ и ‘женщина вообще’. Значения дериватов расширяются до ‘женское’ и ‘мужское’ в самом общем виде. Такое значение можно увидеть, например, в обозначении пучков травы в детской игре, которая сегодня шире известна под названием «Петушок или курочка?»: «... захватив в щепоть метелку травянистого растения и проведя по ней снизу вверх, чтобы образовался своеобразный букетик, дети прячут его за спину и спрашивают друг друга: «Ванька или манька?»; при этом длинный «прямоугольный» букетик называется *ванькой*, короткий треугольный – *манькой*» [Березович 2007, 290]. Противопоставление мужское – женское будет не раз появляться и в материале других идеографических групп.

Это противопоставление имеет место и в именовании антропоморфных мифологических персонажей¹: *марушка* ‘фантастическое существо, незаметно похищающее вещи’ [СРНГ, 17, 377], *ванюшка* ‘домовой’ [СГРС, 2, 21], *Иван чародей* ‘мифическое существо, обитающее в лесу, леший’. *Заходишь в*

¹ Хотя данные единицы, строго говоря, и не входят в семантическое поле «Человек», тем не менее, мы приведем их в этом разделе в силу нецелесообразности их выделения в отдельную идеографическую группу.

лес, говорят: *Иван Чародей да Марья Николавна, дай заходу и выходу, и грибов, и ягод* [СГРС, 4, 297-298].

Как было сказано выше, в русском языке замечается сема объединения интересующих нас дериватов в одну пару, и эта сема выражена на языковом уровне в приведенных устойчивых выражениях. *Иван да Марья* – это не просто гендерная пара, связанная близостью значения дериватов. Универсальная оппозиция «мужское – женское», конечно, влияет на деривацию, но и семантика единения имен, за которыми кроются некие мифологические персонажи, играет ключевую роль. Еще один мотив родственных отношений между *Иваном* и *Марией* можно найти в заговоре: в Олонецкой губернии фиксируется *Иван Маршин сын*, который исцеляет от сглаза и порчи [Юдин 1997]. Таким образом, мы делаем вывод о том, что для данного семантического поля русского языка важна не только упомянутая выше оппозиция, но и семантика союза персонажей (ср., например, как *Ваня с Маней* ‘неразлучно’ [ЛК ТЭ], *Иван да Марья* ‘муж и жена, супружеская чета (как правило, крестьянская), жених и невеста’ [Березович 2007, 288]. *Иван Чародей* и *Марья Николавна* также представляются парными персонажами).

В английском языке дериваты от рассматриваемых имен также употребляются для обозначения мужчины и женщины: *Johnny* ‘друг’, *Mary* ‘подруга’ [Wright 3, 1902, 376; Wright 4, 1903, 45], *Johnnies and Mollies* (*Molly* – производное от *Mary*) ‘молодые люди и девушки, нанятые на работу слугами на ярмарке в Глостере’ (в Глостере ежегодно проводилось несколько ярмарок, на которых желающие могли выбрать и нанять слуг или работников на ферму, контракт заключался на год) [Wright 4, 1903, 147, 158-159], разг. *john* ‘сожитель или клиент проститутки’ [Lingvo] и *Molly* ‘проститутка’ [Wright 4, 1903, 147]. Мотив союза просматривается и в таких выражениях, как, например, *John and Molly* <Джон и Молли> ‘пара деревенских жителей; бродяга и его жена’ [Wright 3, 1902, 375]. Интересна и детская игровая песенка, в которой *Mary* и *John* выступают в качестве пары жениха и невесты:

<i>Mary mixed a pudding up,</i>	<Мэри замесила пудинг,
<i>She mixed it very sweet.</i>	Замесила его очень сладким.
<i>She daren't stick a knife in</i>	Она не осмеливается его резать,
<i>Till John came home at neet.</i>	Пока Джон не придет домой.
<i>Taste John, taste John, don't say</i>	Попробуй, Джон, попробуй,
<i>nau,</i>	Джон, не отказывайся,
<i>Perhaps tomorrow morning</i>	Может быть, завтра утром
<i>Will be our wedding-day <...></i>	Будет наша свадьба.>
[Wright 4, 1903, 45]	

В собранном же французском материале нет употреблений, которые бы прямо указывали на совместное функционирование единиц *Marie* и *Jean* в значениях ‘женщина вообще’ и ‘мужчина вообще’, но обоснованность выделения этой группы значений можно подтвердить следующими примерами семантически близких составных лексем с антропонимическими компонентами: нижн.-лим. *Dzan/Dzano*¹ *de tou me meile* <Жан/Жанна во все вмешиваюсь> – о человеке, который вмешивается во все дела, постоянно чем-то озабочен, нижн.-лим. *Dzan/Dzano de lezer* <Жан/Жанна-бездельник (-ица)> – о человеке, который ничем не занят или занимается ненужными, бесполезными делами [Béronie, 68–69], *Jean-fait-tout* <Жан-делает-все> ‘человек, который везде сует свой нос’, пров. *Jano de tout me mèile* <Жанна во все вмешиваюсь>, *Marie-rouf-rouf*, *Jeanne-fait-tout* <Жанна-делает-все> ‘женщина, которая вмешивается во все’ [Peterson, 135], анж. *Jean-Potaige* <Жан-суп> ‘мужчина, который вмешивается во все’ [Dottin, 262]; фр. *Marie-tracas* <Мари-суета>, ‘женщина, которая вмешивается во все’ [Peterson, 135], пикард. *Marie-cafoule*² ‘женщина, которая хочет сделать все и не делает ничего стоящего’ [Corblet, 315] (выражение с таким же значением есть и в русском языке: *Марья семиделка, всем делам не выделка* [Дуров, 217]).

¹ Подробно пара *Jean–Jeanne* рассматривается в разделе 3.1 настоящей диссертации.

² От пикард. *cafouller* ‘передвигать вещи с места на место в поисках чего-то’ [Corblet, 315].

Как мы видим, в этих случаях лексема строится по модели отыменный дериват + определение или уточняющее обстоятельство. В данной модели форма имени собственного чаще всего функционирует в самом общем значении – ‘человек’ (‘мужчина’ или ‘женщина’), а присоединяемое к ней определение сужает значение и добавляет соответствующие коннотации.

Интересно употребление деонима *Jeanne* в этой группе. Такие составные лексем, как пров. *Jano de tout me mèile* и *Jeanne-fait-tout* ‘женщина, которая вмешивается во все’ являются синонимами анж. *Jean-Potaige*, нижн.-лим. *Dzan de lezer* и нижн.-лим. *Dzan de tou me meile* ‘человек, который везде сует свой нос’, но антропонимический формант (деоним) вносит сему противопоставления по полу. Лексем же *Marie-la-bonne-à-rien-faire* ‘лентяйка, бездельница’ [Peterson, 134-135] и *Jeanne-fait-tout* ‘женщина, которая вмешивается во все’ являются антонимами, в то время как входящие в состав этих лексем деонимы (*Marie* и *Jeanne*) входят в отношения синонимии, так как оба являются носителями семы ‘женщина’. Следует заметить, что в значении этих лексем присутствует отрицательная коннотация¹, как и у производных от имени *Jean*. Но для мужского варианта фиксируется и положительная коннотация: пров. *Jan-fai-tout* <Жан-сделай-всё> ‘factotum, помощник, правая рука’ [Mistral, 152].

Второе значение, в котором проявляется корреляция производных от имен *Marie* и *Jean*, это значение ‘мужчина, занимающийся женской работой, делами по хозяйству’. Сюда попадают следующие из обнаруженных нами лексем: *mari-jen*² <мари-жан> [Peterson, 142]; нижн.-лим. *Dzan counoulliado*

¹ См. [Peterson, 134]: «... si la femme oisive est l'objet de certaines railleries, ... on n'épargne non plus la femme empressée. ...la femme qui s'occupe de tout est souvent désignée par des noms propres. Comme les noms masculins, les noms de femme ne se prennent pas, en général, en bonne part. Le plus souvent ils se rapportent au résultat médiocre obtenu par des efforts dispersés...». <...если ленивая женщина становится объектом насмешек, ... то их не избегает и слишком занятая женщина. Женщина, которая занимается всем, часто называется собственным именем. Как и мужские имена, женские, в большинстве случаев, сопровождаются отрицательной коннотацией. Чаще всего они связаны с тем посредственным результатом, к которому приводит рассредоточенная деятельность...>.

² Диалектная принадлежность апеллятива неясна. В [Peterson, 142] говорится, что имя *mari-jen* в данном значении употребляется в городе St Pol: это может быть Saint-Pol-de-Léon (бретонский диалект) или Saint-Pol-sur-Ternoise (пикардский диалект).

<Жан-веретено>¹, *Dzan forino* <Жан мука>, *Dzan fenno* <Жан-женщина> – о мужчинах, которые вместо тяжелой мужской работы занимаются женскими делами [Béronie, 68-69]; пров. *Jhan-fremo* <Жан-женщина> ‘простофиля, мужчина, занимающийся делами, которыми обычно занимается женщина, подкаблучник’ [Avril, 248]; пров. *Jean fenà (Jean-fille)* <Жан-девочка> ‘то же’ [Ravanat, 119]; пров. *Jan-sausso* <Жан-соус> ‘мужчина, который вмешивается в процесс подготовки еды’ [Mistral, 152]; ланг. *Jhan-fenno* <Жан-женщина> [Hombre, 414] ‘то же’; анж. *Marie* [Dottin, 334] ‘то же’; анж. *Jeanette* (в выражении *faire la jeanette* <изобразить жанетту> – ‘заниматься женскими делами по дому, если речь идет о мужчине’); *Manette*, валл. *Marote* (диминутивы от *Marie*) ‘то же’ [Peterson, 141–142] (ср. англ. *molly-coddle* <молли-неженка> ‘мужчина, занимающийся женской работой по дому’ [Wright 4, 1903, 147]). Как и в предыдущей группе, все приведенные лексические единицы функционируют в одном семантическом поле, и в данном случае уже нет противопоставления по признаку пола. Все лексемы называют мужчин. Форму *Jean fenà* <Жан-девочка> объяснить достаточно просто: дериват *Jean* в самом широком значении (‘мужчина’) в сочетании со словом *fenà* ‘девочка’ приобретает сему женственности, слабости. То же значение может передаваться и с помощью одного только женского имени. Очевидно, что при именовании мужчины женским именем номинатор подчеркивает в нем черты, свойственные больше женщине, нежели мужчине. В русских диалектах интересующих нас отантропонимических дериватов в данном значении найдено не было. Тем не менее, именование женственного по внешним признакам либо по поведению мужчины, конечно же, характерно и для русского языка. Чаще всего в этом значении употребляются дериваты от *баба*, например: *бабьичанин* ‘насмешливое прозвище мужчин из Поречья, своим внешним обликом и поведением похожих на женщин’ [СРНГ, 2, 31], *бабуля* ‘женоподобный мужчина; мужчина с женственным лицом (иногда бранно)’ [Там же, 27], *бабятя* ‘женоподобный мужчина (иногда бранно)’ [Там же, 17].

¹ *Counouillado* – д.б. диминутив от *counouillo* ‘веретено’.

Две вышеназванные группы лексем французского и английского языков образуют, таким образом, семантическое поле, связывающее лексемы по близости их значения. Можно сделать вывод, что в сознании носителей русского и английского языков дериваты от имен *Мария* и *Иван* и *Mary* и *John* составляют гендерную параллель, функционируя в значениях 'мужчина' и 'женщина' как совместно, в рамках устойчивых выражений, так и в качестве отдельных номинативных единиц. В некоторых случаях может происходить полная генерализация имен до значения 'человек', когда сема пола становится не важна. Присутствуют также номинации, указывающие на объединение *Марии* и *Ивана* в пару, например, при обозначении дериватами от этих имен мужа и жены или парных мифологических персонажей.

Во французском же семантическом поле «Человек» семантики союза не наблюдается. Дериваты в большинстве своем объединяются по смежности значения – производные от двух имен употребляются в схожих или одинаковых устойчивых выражениях в одном и том же значении, что позволяет сделать вывод о наличии гендерной параллели у рассматриваемых отантропонимических дериватов, как и в русском и английском языках.

2.1.1.2 Семантическое поле «Животные»

Вышеупомянутая оппозиция «мужское – женское» в русском языке прослеживается и в семантическом поле «Животные», где дериваты составляют семантическую параллель в значении 'маленькая лесная птица': *Ванька с маришей есь – потки серые. У казака скрасна крылышки, а маточки без красного. Они побольше воробья, на зиму улетают* [СГРС, 2, 21].

Во французском языке интересующая нас пара обнаруживается в именовании малиновки, зарянки. Для именовании этой птицы в галло-романских диалектах используются следующие синонимичные лексемы: брет. *Jean Rouge Gorge* <Жан красная шейка>, пикард. *Manion, Magnon* (диминутивы от *Marie*), пикард. *Magnon foireuse* <зьябкая Мари>, норманд. *Marie-godrée*¹

¹ «Godrer – se salir avec de la boue, Poitou» [Peterson, 164]. <Godrer – пачкаться в грязи, Пуату.>

<Мари-грязнуля> [Peterson, 164], норманд. *Mariole* [Corblet, 477], пров. *Jean-na-Paôre*¹ <бедная Жанна> [Gras, 91].

Малиновка – довольно часто встречающаяся во Франции птица, живущая рядом с человеком и привычная для него. Возможно, это отчасти мотивирует использование самых распространенных, «обычных» имен для номинации этой птицы. Наличие такого значения у деривата *Marie* можно объяснить действием довольно частотной модели ‘женское имя’ → ‘название птицы’, ср., например, пикард. *Margot*, лот. *Jaquette* ‘сорока’, *Perette*, лот. *Gagate* ‘гусыня’, брет. *Marguerite* ‘цапля’ [Peterson, 160-164]. Дериваты от *Jean*, возможно, появились в силу аттракции двух рассматриваемых имен.

В русском контексте самка и самец птицы явно отличаются друг от друга. Самки же малиновки, в целом, не отличаются от самцов по окрасу и диапазону пения (что является существенными признаками при номинации птиц) [см. Брем, 502-503]. Этим, как кажется, может быть обусловлено отсутствие во французском языке ярко выраженной парности дериватов, где *Jean* обозначал бы самца, а *Marie* – самку. Таким образом, как и в случае семантического поля «Человек», французские дериваты объединяются по смежности значения.

Еще одно употребление дериватов интересующих нас французских имен в значении ‘птица’ зафиксировано в валлонском: *madjène* (*Marie-Jeanne*) [BDGLW, 3, 12]. Появляется новое языковое проявление связи: своеобразное единство отыменных производных внутри одной лексемы. В книге приведен рассказ², словарной дефиниции к лексеме нет, а из контекста ясно, что *madjène* здесь называет скорее не малиновку, а овсянку. Но, называя другой вид птицы, лексема тем не менее находится в одном семантическом поле с

¹ «Nom donné poétiquement ... au rouge-gorge qui vient mendier au bord des fenêtres quelques miettes de pain, quand les champs sont couverts de neige» [Gras, 91]. <Поэтическое именование ... малиновки, которая подлетает к окну, чтобы попросить несколько крошек хлеба, когда поля покрыты снегом.>

² См. [BDGLW 1908, 12]: валл. «On s' fait dès andiyos', on s' hape pol pâte, pol tiësse, po l'èyç... on s' couyone : « Hé! djâserinne, t' n'as né l' pas, sote madjène ! — Ouch ! djouli, tè m' guètèyes, sorlèvé ! — Ay ! mohon, t' t'as fait one boudiné! ». Фр. «On se fait des salamalecs, on se happe par la patte, par la tête, par l'aile... on se couillonne (plaisante) : « Hé! bruant, tu n'as pas le pas, sotte Marie-Jeanne ! — Ouch, pinson, tu me chatouilles, écervelé ! — Aïe, moineau, tu t'as (es) fait une bedaine! ». <Они рассыпаются в любезностях, задевают друг друга лапами, головой, крыльями... Они подшучивают друг над другом: «Эй! овсянка, ты здесь не главная, глупая птица! – Ай, зяблик, ты меня щекочешь, сорванец! – Ой, воробей, да у тебя появилось пузо!>

предыдущими апеллятивами: все эти дериваты обозначают мелкую птицу, живущую рядом с человеком. Этимология слова не ясна. Предположение о том, что в данном случае действует частотная модель номинации птиц по имени святого, близко к дню памяти которого эти птицы выют гнезда / улетают / прилетают и т. д., представляется маловероятным, так как никаких календарных соответствий выявлено не было. Кроме того, корреляцию этих имен нельзя объяснить эквивалентностью их категориальной семантики, то есть тем, что они функционируют в паре только потому, что оба являются женскими именами (для *Marie-Jeanne*). Как мы видим, в этой группе присутствует и составная лексема *Jean Rouge Gorge* <Жан красная шейка>, антропонимический формант которой почти не имеет семантических пересечений с именем *Marie* (у них есть общая сема ‘человек’, но она была бы общей для любой пары антропонимов).

Таким образом, в значении ‘птица’ парность рассматриваемых дериватов выражается через семантическую параллель (в обоих языках) и через составную лексему, объединяющую отыменные производные.

Второе значение в группе «Животные» – божья коровка: *Marie, Marie-Jeanne, Jeanne-Marie*; центр. *Marivole*; беарн. *boule-Marie (vole, Marie !)* <лети, Мари> [Peterson, 168-169; Vocabulaire du Berry, 72]; оксит. *poulo-de-sant-Jan* <птенец святого Жана> [Mistral, 152]; англ. *Marybird* <птица Мэри> [Wright 4, 1903, 45].

Формы *Marivole* и *boule-Marie* – следствие многочисленных поговорок, произнося которые, божью коровку отпускают в небо. Из имени и глагола *voler* ‘летать’ образуется одна двухосновная лексема, которая закрепляется в употреблении как название насекомого. Петерсон пишет, что «имя *Marie* широко употребляется как название божьей коровки благодаря поверью о покровительстве Девы Марии» [Peterson, 168]. Показательна окситанская номинация <птенец святого Жана>. Она дает основания утверждать, что покровитель божьей коровки – не только Дева Мария, но и святой Иоанн. Представляется, что это связано с идеей заступничества – в католической тради-

ции указанные святые считаются заступниками перед Господом. Возможно, считается, что божья коровка передает им молитвы (недаром в лексемах зафиксировался формат *vole* <лети>, «отправляющий» насекомое в путь на небо), хотя не было найдено никаких фактов, бесспорно подтверждающих это предположение.

В русском языке встречаются следующие именованья божьей коровки: *ивашка, ванька, ванька-встанька, ваня-рутютю* [Кривошапова, 207]. Дериватов от *Мария* в данном значении в материале русского языка найдено не было, однако, если выйти за пределы русского материала, то обнаруживаются подобные названия в других славянских языках.

Так, Ю. А. Кривошапова отмечает, что одна из групп номинаций божьей коровки в славянских языках возникает в результате персонификации насекомого и привлечения к номинации имен святых. В частности, это такие основы, как **maria* и **ivanъ* [Кривошапова, 208]. Часто божья коровка осмысливается как коровка Божьей Матери, то есть Девы Марии, ср., например, польск. *krowka Matki Boskiej* <коровка Божьей Матери> [Кривошапова, 212].

В русском языке, таким образом, мы не находим парных номинаций данного насекомого, но наличие значения ‘божья коровка’ у дериватов от обоих имен рассматриваемой пары становится очевидным при самом поверхностном взгляде на другие славянские языки. Остается предположить, что компонент *Мария* в русском обозначении насекомого не выявлен, но присутствует в нем имплицитно. В связи с этим стоит вспомнить детскую присказку *Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают конфетки*, где в образе божьей коровки очевидно выражена сема материнства. В славянском материале «связь между названиями <...> типа «мать» <...> подкрепляется христианским осмыслением божьей коровки как девы Марии» [Кривошапова, 212]. Ср. также мотив материнства в детском английском заклинании, которое читалось для того, чтобы божья коровка улетела:

*Lady-bird, lady-bird, eigh [hie] thy way home,
Thy house is on fire, thy children all roam;*

*Except little Nan, who sits in her pan,
Weaving gold laces as fast as she can* [Harland, 70].

<Божья коровка, божья коровка, лети домой,
Твой дом горит, дети разбежались;
Кроме маленькой Нэн, которая сидит в кастрюле
И машет золотыми кружевами так быстро, как только может>.

К тому же и Дева Мария, и Иоанн Креститель часто именуется заступниками и защитниками рода людского перед Господом, и, возможно, считается, что желания и молитвы божья коровка передает именно им.

Кроме того, важно отметить и влияние языческой традиции, на которую накладываются христианские верования. 24 июня галлы праздновали день Тора или *Midzomerdag*, день летнего солнцестояния [Plancy, 358]. Позже, после принятия христианства, праздник получил название Рождества Иоанна Крестителя, согласно христианскому календарю, но, тем не менее, многие языческие традиции в праздновании сохранились. Например, в этот день на костре сжигали символы всего плохого и нечистого (в частности, сорняки, кошек, жаб, змей, пауков, скорпионов), а девушки гадали о замужестве с помощью венков из полевых цветов. Цветок, коснувшийся огня в день святого Иоанна, становился талисманом и защищал от несчастья. Вокруг костров танцевали, пели песни, рядом с огнем ставили стулья для умерших предков, чтобы те могли присоединиться к празднику. Кроме того, во время праздника прыгали через костер, чтобы защититься от лихорадки, а пастухи проводили своих овец по уже остывшим, но еще теплым углям этого костра [см.: Plancy, 161–167]. В английской традиции день святого Иоанна, *Johnsmas*, также отмечается в день летнего солнцестояния. Традиции празднования считаются отголоском поклонения Ваалу, или Баалу, языческому богу плодородия: дети разжигают костры в ночь праздника и прыгают через них, как когда-то жрецы Баала танцевали вокруг священных костров (отметим сходство ритуала с празднованием дня Ивана Купалы в русской культуре). Кроме того, считает-

ся, что в этот день особенно сильно колдовство, и ведьмы крадут у соседней молоко и масло [см. Wright 3, 377].

В язычестве (как кельтском, так и славянском) божья коровка ассоциировалась с возможностью заглянуть в будущее. Так или иначе, наблюдается связь с брачным обрядом и с семантикой очистительного огня, солнца. В частности, это ритуалы свадьбы Солнца и Утренней Зари, которая празднуется в день летнего солнцестояния, гадания на жениха в этот день¹.

Похожие ритуалы можно наблюдать и в славянской языческой культуре, в мифологическом сюжете «Свадьба Солнца», когда в Иванов день «на роль невесты Солнца-«Ивана» <...> выбирается реальная маленькая девочка (ее имя в ритуальных песнях производно от архаического корня **mag-*, ассоциирующегося с христианским именем *Мария*), одетая в красное, как крылья божьей коровки, свадебное покрывало. <...> К девочке как к прорицательнице обращаются с вопросами о свадьбе, жизни и смерти <...> Подобная тематика присуща и гаданиям с божьей коровкой» [Кривошапова, 209–210]. Дериваты от *Иван*, несомненно, связаны с праздником Ивана Купалы и поклонением Солнцу-«Ивану».

Как и в славянской культуре, французская и английская божьи коровки являются добрым предзнаменованием, с их помощью гадают, они передают на небо молитвы (что подтверждается внутренней формой некоторых дериватов). Возможна и актуализация семантики заступничества, которая присутствует в образе Девы Марии и Иоанна в сопоставляемых культурах.

Если в значении ‘божья коровка’ французские дериваты не обнаруживают корреляции в обрядах и ритуалах, посвященных празднику летнего солнцестояния (в отличие от славянских), то данная корреляция обнаруживается у названия другого насекомого. Отметим еще один обычай, подтверждающий тезис о связи имен *Marie* и *Jean* через народные обряды. В праздник летнего солнцестояния (который, с принятием христианства, стал Рожде-

¹ «... les jeunes filles la mettent au bout du doigt, pour deviner d'après la direction qu'elle prend en s'envolant où se trouve leur époux futur» [Peterson, 168]. <... девушки кладут ее [божью коровку. – Д. Г.] на кончик пальца, чтобы по направлению, которое она выберет, улетаая, узнать, где находится их будущий жених.>

ством Иоанна Крестителя) у французов (а раньше, по всей видимости, и у галлов) была традиция искать особые растения и насекомых, приносящих счастье. Одно из таких насекомых – золотая жужелица, иначе называемая *la petite bête de la Vierge* <зверушка Девы (Марии)>. Она приносит счастье, если ее найти в любое время года, но в день святого Иоанна зверушка Девы Марии обладает особой силой – найденная в этот день, она весь год защищает нашедшего ее от зубной и головной боли [Plancy, 162]. Явно виден мотив особой связи персонажей – «зверушка Девы Марии» в праздник святого Иоанна обладает особой силой. Интересно также отметить, что Иоанн и Мария часто поминаются в русских заговорах от зубной боли [см. Майков, 35]. На данном этапе исследования не представляется возможным достоверно выяснить, является ли это совпадение случайным, или у двух фактов имеется какая-либо общая основа.

Итак, в семантическом поле «Животные» корреляция дериватов от имен *Мария – Иван* на языковом уровне выражается через семантические параллели (значения ‘маленькая лесная птица’, ‘малиновка, зарянка’ и ‘божья коровка’), объединенные лексемы (*madjène* ‘овсянка’) и именованная смежных объектов и явлений (золотая жужелица и праздник Иоанна). Корреляция дериватов от имен *Mary – John* так ярко не выражена, однако параллель с русским и французским прослеживается в поверьях и ритуалах, что подтверждает общность данной микросистемы для христианской традиции. Выявляется общая мотивационная основа – пара прототипических персонажей Девы Марии и Иоанна Крестителя. Парность их отражена и в религии – например, в деисусных композициях, из чего делается вывод о значимости семы заступничества в образе святых. Хрононимические связи оживляют миф, связывающий христианские и языческие представления. Номинации божьей коровки в русском языке (и шире – в славянских языках) и золотой жужелицы во французском языке выводят на связь с народными верованиями и языческими традициями.

2.1.1.3 Семантическое поле «Растения»

В данной группе из русского материала приведем следующие единицы: *иван-да-марья* ‘полевое травянистое растение с желтыми цветками и с синевioletовыми прицветниками’ [Акчимский словарь, 4, 5], ‘травянистое растение дубровка (живучка) женевская’, ‘травянистое растение марьянник луговой’, ‘травянистое растение марьянник полевой’, ‘травянистое растение мята полевая’, ‘травянистое растение фиалка трехцветная’, ‘травянистое растение шалфей луговой’, ‘травянистое растение ятрышник (пальчатокоренник) пятнистый’ [СРНГ 12, 54], *ваня да маня* ‘растение Иван да Марья’ [Миртов, 35]; *ванька, манька* ‘комнатный цветок’ [СГРС, 2, 21].

Растение *иван-да-марья* воспринимается носителями народной культуры как состоящее из двух элементов. Ярко-желтые цветы становятся *Иваном*, а темные прицветники – *Марьей*: *Иван-да-марье называм, светлый Иван, а темная Марья* [Акчимский словарь, 4, 5]. По легенде, цветок назван в честь брата и сестры Ивана и Марьи, которые были разлучены в детстве. Повзрослев, брат и сестра встретились и полюбили друг друга – возникает мотив инцеста. Но, узнав после свадьбы о своем родстве, они превратились в цветок, чтобы никогда не разлучаться [Академик 2; Березович 2007, 281].

Кроме того, этот цветок связан с купальской обрядностью. Растение считается лечебным, на Ивана Купалу с ним проводили обряды для здоровья скота: *На этот Иван, у каво карофка, нужна хадить за Иван-и-Марьей, наливали подойничик вадой и клали трафку на вирѣх* [ПОСИД 3, 150–151]; *На Ивана Купала собирали траву Иван-и-Марья, жолтеньким и синеньким цвяткам, такой абряд был, наносят ночью траву в дом, пад ыкону, а патом скату нясут; Иван-да-Марья, гадают как-та на них, а патом ешио пьют ат какой-то балезни* [ПОСИД 13, 151].

Из *иван-да-марьи*, наряду с другими растениями, девушки в праздник Ивана Купалы делали венки и букеты, которые использовались как оберег для охраны дома, а также в гаданиях [Зими́на]. Растение *иван-да-марья* упо-

минается и в заговорах на любовь – с ним сравниваются влюбленные, которые должны жить, как эти цветы [Юдин 1997].

Во французском языке нами не было найдено отантропонимических дериватов от рассматриваемых имен, обозначающих растения. Тем не менее, между русским и французским обрядом празднования наблюдается четкая параллель. Во французской традиции так же, как и в русской, считалось, что травы, собранные в день святого Жана (Иоанна) 24 июля обладают особой силой. Девушки плели венки, гадали с их помощью о замужестве, различные растения, собранные в этот день, могли выступать оберегом [см. Plancy, 162–164].

В английском же языке фиксируется очень большое количество наименований растений, содержащих отантропонимический формант *Mary*, *Molly* или *John* (например, *Mary's tears* <слезы Марии> ‘медуница лекарственная’, названная так из-за «следов слез Марии», светлых пятен на листьях [Wright 4, 45], или *John's-wood* <дерево Джона (Иоанна)>, *John's-wort* <растение Джона (Иоанна)> ‘зверобой’, получивший имя благодаря тому, что он цветет либо его собирают в районе 24 июля, праздника летнего солнцестояния, дня святого Иоанна [Lingvo; Mirriam-Webster; Oxford]), но наименований, содержащих одновременно оба эти форманта, в нашем материале найдено не было. Фиксируются, однако, две отдельные лексемы, называющие одно и то же растение – калужницу болотную: *John Georges* [Britten, 280] и *Molly-blob* <шарик / цветочек Молли> [Britten, 338]. Установить мотивацию данных номинаций представляется крайне затруднительным, особенно учитывая, что калужница, как кажется, не выделяется из ряда остальных лекарственных растений ни в бытовом, ни в сакральном, ни в ритуальном плане. Кроме того, в первой номинации присутствует и производное от еще одного имени, *Georges*. Можно предположить, что этот дериват «присоединился» к *John* вследствие фонетической аттракции в процессе своеобразной редупликации основной лексемы, но фактов, доказывающих эту гипотезу, нами найдено не было (как не было найдено и иных наименований, объединяющих в себе дериваты от антропонимов *John* и *Georges*).

2.1.1.4 Семантическое поле «Предметы»

В русском языке данное семантическое поле представлено именованием обрядовых предметов – последнего снопа и веника из веток в дожинальном обряде¹: *иванушка* ‘последний овсяный сноп в дожинальном обряде’, *марьюшка* ‘веник из веток березы или ольхи’ [СГРС, 4, 297], *ванька* ‘последний сноп овса’, *ванька с манькой* ‘то же’. [СГРС, 2, 21] Пара обрядовых предметов – веник и сноп – не только имеют парную номинацию, но и взаимодействуют в обряде. Их либо ставят рядом, либо *марьюшку* разбирают на ветки и втыкают в сноп *иванушку*. Чтобы объяснить мотивацию номинации, Е. Л. Березович обращается, в первую очередь, к календарным сопоставлениям.

Календарные сопоставления показывают связь именованя предметов с Девой Марией и Иоанном Крестителем через хрононимы. Например, Е. Л. Березович приводит поговорки, являющиеся косвенным свидетельством, «которое указывает на связь хрононимических Ивана и Марьи в народном сознании» [Березович 2007, 283]: *В брюхе Иван Постный да Марья Икотишина (Леготишина)*; *В одном кармане Иван Тощий (Постный), в другом – Марья Леготишина*. Олицетворение голода как Ивана и Марьи не случайно, так как *Иванова неделя*, 7 дней до 29 августа – это неделя строго поста [СРНГ 12, 55], и перед днем Успенья Богородицы также соблюдался двухнедельный пост. Е. Л. Березович пишет, что подобное ассоциативное объединение персонажей, олицетворяющих близкие по времени праздники, широко распространено в народной культуре [см. Березович 2007, 283]. Хрононимические Иван и Марья в приведенных поговорках, таким образом, несомненно связаны по довольно частотной модели, объединяющей различные хрононимы русского народного календаря.

Дожинальный обряд и период окончания жатвы в русской (и, шире – славянской культуре) тесно связан с образом Богородицы. Это проявляется в таких номинациях, как *воспожинки*, *спожинки*, указывающие «на факт контаминации лексем *пожинки* и *госпожин день* – день Успения Богородицы, 15

¹ Подробно об этой номинации см. [Березович 2007, 278–292].

августа по ст. ст.» [Березович 2007, 282]. Интересна и номинация *марьи́на страда* ‘пора окончания уборки зерновых’, которая «напрямую соотносит дожинки с именем Девы Марии» [Березович 2007, 282]. Для Ивана же в качестве календарного соответствия автор приводит день Усекновения главы Иоанна Крестителя (29 августа ст. ст.).

Наблюдается также параллелизм с днем Ивана Купалы, в частности, в обрядах с веником. На Ивана Купалу веником из дома выгоняли мух, предмет участвовал в гаданиях, из веника делали куклу. Е. Л. Березович предполагает, что имена героев купальской обрядности могли быть перенесены на дожинальный обряд, но считает эту версию более слабой, нежели указанная выше хрононимическая корреляция в силу отсутствия промежуточных звеньев, необходимых для объяснения данного переноса [Березович 2007, 284].

Присутствует и связь с традицией изготовления парных чучел для различных праздничных ритуалов. Такие чучела могли вовсе не иметь имени, либо обозначались родовым понятием или соответствующим празднику именем [Березович 2007, 287]. *Марьюшку*, как и праздничное чучело, одевали и украшали, что наводит на мысль о сходстве этой части ритуала с традицией наряжать парные чучела.

Е. Л. Березович обращает внимание на единство свадебных и земледельческих обрядов, которое возникает благодаря представлению об урожае как результате свадьбы природных стихий. Пара *Иван* и *Мария* в этом смысле вписываются в ряд «календарных ритуальных персонажей <...>, реализующих брачные мотивы» [Березович 2007, 291].

Во французском и английском языках, как кажется, нет дериватов от *Marie* и *Jean*, обозначающих именно обрядовые, ритуальные предметы. Однако во французском было найдено значительное количество дериватов, обозначающих бытовые реалии.

Первыми из этой группы мы приведем названия блюд: анж. *Marie-Jeanne* ‘суп с вином’ [Verrier, 573], анж. *Marie-Jeanne* ‘хлеб, смоченный в холодном вине’ [Verrier, 296]. Некоторые исследователи говорят об отсутствии

в этих номинациях корреляции онимов, так как названия многих блюд могли изначально отсылать к определенному человеку (например, к повару, придумавшему его), и эту аллюзию по истечении достаточно долгого времени восстановить уже не представляется возможным (если только не осталось документов или литературы, в которых был бы зафиксирован факт референции к определенному лицу) [см. Peterson, 191]. С другой стороны, данная модель деривации, как кажется, более характерна для высокой кухни, где авторство блюда закреплено в названии, а не для народной культуры, где кулинария, как и фольклор – это общее творчество. В этом отношении интересно вспомнить о мотиве женитьбы, возникающем в русских диалектах в пищевом коде при обозначении алкогольных напитков и способах их приготовления. Вино, квас или молоко «женят», разбавляя водой, чтобы увеличить количество напитка при продаже либо когда новую порцию напитка готовить не охота. Добавление закваски в напиток также расценивается как «женитьба». Е. Л. Березович приводит такие примеры: арх., волог. *женить* ‘развести алкогольный напиток водой’, кубан. *женить* ‘разбавлять молоко водой, чтобы иметь выгоду при продаже’, пск., твер. *сосвататься* ‘прокиснуть (о щах, супе)’, чеш. *ženit víno* <женить вино> ‘разбавлять водой’, болг. *венчая се* ‘изменяться вещественно (о продуктах в одном блюде)’, и др. [Березович 2014, 227]. «Соединительная» семантика женитьбы как смешение двух напитков или двух блюд упоминается также и в [Кучко 2018] и [Гура 2012].

Мотив женитьбы, как кажется, может присутствовать и в рассматриваемых французских номинациях, особенно учитывая то, что *Мария* и *Иван* во всех трех языках являются прототипической парой мужчины и женщины, мужа и жены (вспомним, например, уже упоминавшийся мотив свадьбы Солнца и Утренней Зари в славянском и кельтском язычестве, а также согипонимы *Jean* и *Marie* в идеографической группе ‘Человек’): соединение двух ингредиентов или двух блюд (вино и суп, вино и хлеб) воспринимается как их «женитьба». К тому же, нельзя не заметить и схожести между славянскими языками и французским языком в семантическом плане: и там, и там в

процессе соединения одной субстанции с другой участвует алкогольный напиток. Учитывая все вышесказанное, наличие в рассматриваемых номинациях мотива женитьбы кажется более вероятным, чем простое именование блюда по имени автора.

В лотарингском диалекте и, позже, в военном аргументе дериваты *Mèriè-Jane* и *Marie-Jeanne* употребляются в значении ‘большой кувшин’, ‘большая бутылка’ [Peterson, 184; Dauzat, 158]. В словаре Доза деоним *marie-jeanne* определяется как «*bidon, variante de dame jeanne*» <жбан, разновидность *dame jeanne*> [Dauzat, 158], таким образом, можно считать, что *dame jeanne* <дама жанна> является гиперонимом по отношению к *marie-jeanne*. Отсутствие контекстов не позволяет точно определить мотивацию данной номинации. Это может быть, например, аттракция, или номинация, мотивированная формой предмета (большой сосуд по форме напоминает женскую фигуру), могла повлиять семантика домашнего хозяйства, женской работы, связанной с кухонной утварью.

Как видно из приведенных примеров, семантическое поле «Предметы» в русском языке представлено дериватами, номинирующими смежные объекты – предметы, участвующие в одном и том же обряде и взаимодействующие внутри него. Французский же язык отдает предпочтение именованию бытовых предметов, которые, как кажется, никак не связаны с языческой или христианской обрядностью. Установить точную причину такого расхождения на данном этапе исследования не представляется возможным. Данный факт наводит на предположение, что такое расхождение может быть связано с «силой» и «слабостью» антропонимической модели именовании ритуальных предметов в русской и французской народной религии соответственно. Вспомним, что христианство на территории современной Франции было официально принято на государственном уровне значительно раньше, чем на Руси. К тому же, принятие это шло гораздо более плавно благодаря христианским проповедникам, путешествующим по Галлии еще за 90 лет до крещения короля Хлодвига в 496 году. Языческие обряды галлами, конечно же, не

были забыты и стали частью и французской народной культуры. Но могла быть забыта менее устойчивая составляющая – антропонимические именованья ритуальных предметов. Можно также предположить, что, напротив, забыты были некоторые ритуалы, кроющиеся за именованьями бытовых предметов (ведь, по сути, русские обрядовые предметы тоже вполне «бытовые» – сноп и веник крестьяне видят и используют в повседневной деятельности практически каждый день).

Конечно, именованья далеко не всех бытовых предметов могли иметь под собой обрядовую основу. Сложно представить себе языческий обряд с участием кофейника, подсвечника или ночного горшка – в этих случаях вероятно связь, возникшая в синхронии, когда в языке уже укоренилась номинативная модель ‘популярное имя собственное’ → ‘часто используемый предмет быта’. А вот более традиционные предметы, такие как куклы, палки, некоторые орудия труда (особенно орудия, связанные с земледелием) вполне могли участвовать в обрядах и ритуалах.

* * *

Анализ антропонимических пар *Мария – Иван*, *Marie – Jean* и *Mary – John* в русском, французском и английском языках позволяет сделать следующие выводы.

1. На языковом уровне корреляция между производными от указанных имен проявляется несколькими способами.

Первый способ – это гендерная параллель, когда дериваты употребляются в значении ‘человек соответствующего имени пола’ и, далее, их значение генерализируется до ‘мужское’ и ‘женское’ в самом широком смысле. Такое проявление парности дериватов характерно для выделенного нами семантического поля «Человек». Представляется, что единицы этого семантического поля возникли уже путем вторичного осмысления парности рассматриваемых имен, когда связь между ними уже была ономаσιологически закреплена, хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и влияние модели ‘популярное имя’ → ‘имярек’. Эта гендерная параллель может переходить в параллель се-

мантическую, когда дериваты рассматриваемых имен обозначают один и тот же объект, например, в семантическом поле «Животные».

Второй тип организации дериватов – это лексемы, объединяющие производные от двух имен в одну номинативную единицу. Такие лексемы можно видеть в семантических полях «Растения» и «Животные».

Наконец, третий тип взаимодействия интересующих нас отыменных производных на языковом уровне – это именование смежных объектов, взаимодействующих в том или ином контексте, например, именованья предметов дожинального обряда в русском языке или именование жужелицы в контексте праздника святого Иоанна.

2. Мотивационная основа деривации схожа во всех трех языках и состоит из следующих компонентов.

Во-первых, не вызывает сомнения то, что основой данной связи и ее источником в трех языках является христианский мотив – прототипическая пара Девы Марии и Иоанна Крестителя. Фигуры Иоанна Крестителя и Богородицы объединяются в народном сознании благодаря тому, что оба они выступают как защитники человечества и просители перед Христом и являются его ближайшим окружением. Это представление зафиксировано и в католической, и в православной иконописи, в деисусных композициях с участием обоих святых. Эта же семантика реализуется в ритуалах с участием *ивашки*, *vole-marie* <лети, мари> и *mary-bird* <птица мэри> – божьей коровки, предсказывающей будущее или передающей молитву защитникам на небеса. Во французском же языковом материале связь Иоанна Крестителя и Девы Марии можно увидеть в номинации золотой жужелицы, «зверушки Девы Марии», которая обретает особую целительную силу против зубной и головной боли в праздник Иоанна Крестителя 24 июня. Как было упомянуто выше, Иоанн Креститель и Дева Мария упоминаются и в русских заговорах против зубной боли.

Важную роль в создании этой прототипической пары играют и календарные соответствия, когда те или иные хрононимы связываются в сознании

носителей языка с образом святого и, далее, ставятся в пару другому святому, с которым также связан хрононим, сходный с первым по каким-либо признакам, либо смежный с ним хронологически.

Второй компонент мотивационной основы рассматриваемой пары в обоих языках – это языческая традиция, на которую выводят календарные соответствия. Языческая традиция проявляется, в основном, через обряды и поверья, которые, в свою очередь, отражаются в языке. Эти поверья соединяются с христианской традицией и образуют особую форму «народного христианства», собравшую в себе как христианские традиции, так и не до конца забытые языческие ритуалы. Здесь установить существование каких-либо прототипических персонажей гораздо сложнее, но некоторые параллели в трех культурах прослеживаются очень четко. На нашем материале во всех трех культурах была показана связь рассматриваемой пары с купальской обрядностью, культом огня и солнца, праздником летнего солнцестояния. В русском языке *Иван* и *Марья* иногда выступают в роли прототипических жениха и невесты, в английском этот мотив можно увидеть в детских игровых песенках. На французском же материале такой мотив проследить сложнее.

Кульм святых Марии и Иоанна обуславливает еще один важный для деривации фактор – популярность имен среди простого народа. По широко распространенным и в русском, и во французском, и в английском языке моделям значение рассматриваемых производных генерализуется от ‘человек соответствующего имени пола’ до, во-первых, ‘мужское’ и ‘женское’ в самом общем смысле, когда дериват может применяться не только к человеку, но и к неодушевленным объектам, и, во-вторых, до значения ‘человек’, но уже без оглядки на сему пола.

Богатый культурный контекст обуславливает появление большого количества номинативных моделей, которые могут функционировать в языке даже тогда, когда связанные с данной мотивацией легенды, мифологические представления или обряды забываются.

3. В случае микросистемы *Мария – Иван (Иоанн)* представляется обоснованным не только говорить о наличии корреляции между производящими антропонимами в отдельных рассматриваемых языках, но и о возможности объединить три микросистемы, существующие в разных языках, в одну, и рассматривать ее как феномен европейской (христианской) языковой и культурной традиции. Действительно, экстралингвистическая основа (пара мифологических персонажей) выражена настолько ярко и насыщена таким количеством разнородных, наслаивающихся друг на друга смыслов, что обрядность, поверья и сакральное наполнение ритуалов вплоть до контаминаций с языческими традициями оказываются схожими для трех разных лингвокультур. Конечно, из приведенного анализа четко видно, что на языковом уровне данная микросистема выражается по-разному. Это связано, как кажется, с более поздним функционированием и развитием дериватов внутри каждого из языков, когда языковые микросистемы дериватов, «отошедшие» от одного корня, стали взаимодействовать каждая со своей культурой и со своим языком уже внутри локальных традиций и обычаев.

Кроме того, рассматриваемые антропонимы взаимодействуют сразу на нескольких уровнях ассоциативно-деривационной семантики. Упомянутые в первой главе работы «точки сопряжения» видятся на уровне частного дифференцирующего (гендер), частного категориального компонента (те лексические единицы, при употреблении которых полом номинируемого субъекта пренебрегают), а также фреймового и коннотативного компонентов.

Конечно, нельзя не отметить, что микросистемы производных от библейских имен *Мария* и *Иоанн* занимают особое положение в, как кажется, любом европейском языке христианской культуры и по силе связи с производящей экстралингвистической базой, и по продуктивности деривации. Представляется возможным с уверенностью сказать, что такая обширная система отантропонимических дериватов вкупе с выходом на библейские и языческие мотивы свидетельствует о наличии искомой связи между невоплощенными антропонимами в сознании носителей европейских и славян-

ских языков. Корреляция отыменных производных как лексических единиц настолько часто возникает на языковом уровне, что во многих случаях персонажи, стоящие за «парностью» имен, как бы стираются, оставляя за собой прочную связь между двумя невоплощенными единицами антропонимической системы, которая продолжает продуцировать все новые и новые составные и парные лексемы, фразеологизмы и устойчивые выражения, обогащая и расширяя микросистему дериватов.

2.1.2 Англ. *Mary – Joseph*

В английском языке пара дериватов от имен *Joseph* (Джозеф, Иосиф) и *Mary* (Мэри, Мария) фиксируется в наименованиях растений: *Joseph and Mary* <Джозеф и Мэри> ‘медуница лекарственная’ [Wright 3, 380; Britten, 280-281], *Mary and Joseph* ‘незабудка болотная’ [Wright 4, 45]. И в том, и в другом случае мотивирующим фактором выступает внешний вид цветков растения: и у медуницы, и у незабудки на одном стебле распускаются цветки двух цветов (светло-голубого и светло-розового у незабудки и темно-розового и фиолетового у медуницы). См. также объяснение в [Britten, 280-281]: «...красные и синие цветки распускаются одновременно, первый цвет в древние времена обычно ассоциировался с мужчинами, а второй – с женщинами, в особенности, с Девой Марией». Два цвета, присутствующие в окрасе цветков растений, осмысляются как мужское и женское начало, чем и обуславливается выбор номинации. Мотив мужского и женского в паре *Mary* и *Joseph* появляется, конечно же, на основе библейского сюжета о Деве Марии и Иосифе, ее обрученном муже, что и является экстралингвистической основой микросистемы.

Однако о наличии данной микросистемы можно говорить только в рамках английской лингвокультуры, поскольку в других рассматриваемых языках данная пара не фиксируется. Кроме того, за пределы семантического поля «Растения» данная пара, как кажется, не выходит, и мик-

росистема не образует разветвленной системы значений. Таким образом, оснований для того, чтобы считать антропонимы *Joseph* и *Mary* системно связанными на «невоплощенном» языковом уровне, как кажется, слишком мало. В зафиксированных номинациях связь эта устанавливается скорее между персонажами, нежели между антропонимами, что становится ясно при сравнении этой микросистемы с *Мария – Иван*, где присутствует не только экстралингвистическая основа, но и разветвленная система дериватов в разных языках и разных семантических полях. О наличии системных отношений между невоплощенными антропонимами *Joseph* и *Mary* можно было бы говорить, как кажется, в том случае, если бы дериваты от этих имен выходили за рамки одного языка или за рамки одного семантического поля. К тому же, для семантического поля «Растения» характерна привязка к святым именно как к мифологическим персонажам, когда растению приписывается то или иное взаимодействие с ними (растение появилось из слез, крови или следов святого, как-то навредило ему или помогло) или схожесть с их атрибутами (копье, борода и т. д.). Таким образом, на основе имеющегося материала о наличии искомой связи между невоплощенными антропонимами мы в данном случае говорить не можем, однако по причине наличия сильной экстралингвистической составляющей этот вопрос можно оставить открытым для других лингвокультур, языковой материал которых не попал на рассмотрение в рамках настоящей работы.

2.1.3 Франц. *Marie – Robin*

В зафиксированных нами случаях употребления для этих двух антропонимов характерно только одно противопоставление: ‘мужчина’ – ‘женщина’, и ни в каких других семантических полях они не функционируют. Причем либо *Marie* и *Robin* являются любовниками, либо *Robin* влюблен в *Marie*. Имена функционируют во французской литературной традиции, в частности, в пастурелях XIII века, где они формируют типичную пару пас-

тушки и простолюдина [Peterson, 113-114; Ellit]. Пастурель (франц. *pastourelle*) – разновидность любовных песен труверов и трубадуров, особенно популярных во Франции в Высокое Средневековье [МЭ]. Исследователи продолжают вести дискуссии о происхождении этого жанра. Теория об «артистократическом» происхождении пастурелей напрямую от буколической поэзии Вергилия была опровергнута в начале XX века, и наиболее состоятельной версией является, как кажется, «народное» происхождение жанра, что, однако, не исключает и латинского влияния [см. Desonay]. Как бы то ни было, в рамках данной работы значение имеет факт популярности этого жанра среди простого народа.

Основной сюжет этих пастурелей всегда один и тот же: некто, обычно рыцарь, пытается соблазнить пастушку *Marie*, не испытывая к ней никаких чувств. Иногда она уступает, но чаще всего *Marie* отказывает ему, а влюбленный в нее крестьянин *Robin* прогоняет неудавшегося кавалера ударами палки, выпустив ему вслед свору собак [Ellit]. В 1285 году Адамом де ла Алем была написана пьеса «Игра о Робене и Марьон» [Bibliothèque Méjanes], основанная на этом сюжете. Как полагает А. Петерсон, именно после того, как эта пьеса стала популярной, у деонима *marie* появилось значение ‘пастушка’ [Peterson, 114].

Совестное употребление этих имен встречается и в других литературных источниках, например, в «Романе о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна (XIII век). Здесь они уже не являются именами персонажей, хотя и не переходят полностью в класс апеллятивов:

<i>Car Nature n'est pas si sotté</i>	<Природа не так глупа,
<i>Que d'avoir fait naître Marotte</i>	Чтобы Марот рождалась
<i>Uniquement pour Robichons,</i>	Исключительно для Робишонов,
<i>Si bien nous y réfléchissons,</i>	Если мы хорошенько подумаем,
<i>Ni Robichons pour Mariette,</i>	Робиншоны рождаются не для
<i>Ni pour Agnès, ni pour Perrette ;</i>	Марьетт,
<i>Mais nous a faits, mon fils très-doux,</i>	Не для Аньес, не для Пьеретт,

Tous pour toutes, toutes pour tous
[Lorris, 269].

*А мы сделаны, сынок,
Все для всех.>*

Таким образом, мы видим, что имена *Marie* и *Robin* формируют устойчивую пару ‘влюбленные, пастушка и простолюдин’ или, шире, ‘мужчина и женщина’¹. Наличие культурной связи между онимами в данном случае может верифицироваться не столько через связи дериватов, сколько через употребление самих имен. Свидетельствует ли эта микросистема о наличии связи между невоплощенными антропонимами *Marie* и *Robin* в средневековой французской культуре, можно понять, сравнив эту микросистему с английской парой *Joseph–Mary*, рассмотренной в предыдущем разделе.

В случае *Joseph* и *Mary* мы имеем только две фиксации в довольно специфическом семантическом поле «Растения», где мотивация номинации в большинстве случаев обусловлена внешним видом объекта или связанной с ним мифологией. Кроме того, «замкнутая» на конкретных персонажах мотивация приводит к тому, что говорить о корреляции именно имен как единиц языка оказывается довольно непростой задачей, ведь развести корреляцию именно антропонимов с корреляцией персонажей не всегда возможно. У микросистемы *Joseph–Mary* мы видим ярко выраженную мотивацию на основе библейской мифологии, однако дериваты не распространяются за пределы обычно тесно связанного с этой мифологией семантического поля, и говорить здесь приходится скорее о парности персонажей, нежели о парности имен.

В случае же с *Marie* и *Robin* ситуация, как кажется, обратная. Мотивация создания пары именно из этих имен остается загадкой. Можно предположить, что мотивационным признаком для этой микросистемы может быть распространенность имен среди простого народа, крестьян и пастухов, что может быть верно, однако не объясняет выбор для именованья типичной пары персонажей пастурелей именно эти два имени. Как и в предыдущем случае, рассматриваемая микросистема не выходит за пределы одного семанти-

¹ См. также [Peterson, 109].

ческого поля, однако семантическое поле «Мужское–женское» гораздо более свободно, чем поле «Растения», принимает в себя новые единицы, и связь номинаций с персонажным уровнем здесь гораздо более слабая, нежели у наименований растений. Иначе говоря, семантическое поле «Мужское–женское» не представляется автору, в отличие от поля «Растения», фактором, ограничивающим корреляцию производящих антропонимов или свидетельствующим о строгой привязке к каким-либо персонажам мифологии или фольклора.

Отсутствие четкой мотивации компенсируется относительной частотой употребления микросистемы: персонажи и дериваты от их имен встречаются в двух популярных литературных произведениях, куда они пришли из народных пастурелей, предварительно закрепившись в них как устойчивая пара. В данном случае можно сделать предположение о наличии корреляции между невоплощенными антропонимами *Marie* и *Robin* во французской лингвокультуре, но с определенными оговорками. Во-первых, такая корреляция релевантна только для XI–XIII веков, так как в более поздних литературных, фольклорных и лексикографических источниках данная микросистема не фиксируется. Во-вторых, предположение о наличии корреляции между ними основывается только на сохранившихся литературных источниках, что объясняется сравнительной труднодоступностью и бедностью лексикографических корпусов для указанного периода французского языка. Таким образом, правомерный вывод для рассматриваемой микросистемы представляется следующим: связь между невоплощенными антропонимами *Marie* и *Robin* во французской лингвокультуре XI–XIII веков могла существовать, но при современном состоянии лексикографических источников французского языка для указанного периода более полно проанализировать данную микросистему и сделать однозначный вывод не представляется возможным, так как полноценных апеллятивных дериватов от данных имен в более поздних диалектных источниках нами найдено не было.

2.1.4 Рус. *Кузьма и Демьян*

Небезынтересным кажется рассмотреть пары антропонимов, референтами для которых являются христианские персонажи – парные святые. Хотя приведенный материал и выходит за пределы чисто лингвистического, и каждая пара представляет собой пару именно святых, носящих имя, а не пару онимов с системой парных дериватов, тем не менее, представляется любопытным рассмотреть функционирование таких пар в языке и влияние друг на друга языковой системы и религиозной культуры. Первой предлагается рассмотреть пару *Кузьма и Демьян*. Анализ проведен на материале русского языка, так как дериваты от этих имен были найдены только в русском, однако для создания контрастивного культурного фона приводится и французский материал.

В православной традиции существует три праздника святых Кузьмы и Дамиана (1/14 июля, 17/30 октября и 1/14 ноября). Считается, что все три пары – это разные святые, образы которых, впрочем, во многом схожи [см. Баранова]. Существует и другое мнение: культ святых стал настолько популярен, что в греческом православии появилось сразу несколько святых с таким именем¹ [PLS].

И в католической, и в православной культуре эта пара святых – покровители врачей и целителей. Братья-близнецы при жизни исцеляли людей и не брали за это плату, за что были названы бессребрениками. Святые упоминаются в русских заговорах от различных болезней и французских поговорках, например: <...> *въ синемъ морѣ есть святой Божій островъ; на святомъ Божьемъ островѣ святая Божья церковь; въ той святой Божьей церкви есть престолъ Господень, на томъ престолѣ Господнѣ есть священномученикъ Христовъ Антипа, исцѣлитель зубной, и бессребреники Христовы Козьма и Даміанъ. «Исцѣлите скорбь и болѣзнь зубную и грыжу бѣлую.»* [Майков, 55];

¹ Leur culte se répandit dans le monde entier, au point que les Grecs crurent à l'existence de plusieurs Côme et Damien (Arabie, 17 octobre ; Rome, 1er juillet ; Asie, 1er novembre ; ailleurs encore, 25 novembre) <Их культ так широко распространился по всему миру, что греки поверили в существование нескольких Côme et Damien > (Аравия, 17 октября; Рим, 1 июля; Азия, 1 ноября; в других местах, 25 ноября) [PLS].

Servez saint Cosme et saint Damien,

Vous vous porterez toujours bien

<Служите святому Кузьме и святому Дамиану,

И вы всегда будете здоровы> [Plancy, 207].

На этом сходство портретов заканчивается. Во французской традиции область покровительства этих святых ограничивается медициной, что вполне логично, учитывая их житие. В русской же православной религии их «поле деятельности» простирается гораздо дальше. Представляется, что это расширение области покровительства связано с фонетической аттракцией имени *Кузьма* к слову *кузнец*, из чего вырастает целый комплекс представлений и верований. Кажется любопытным проследить влияние не только культурной и экстралингвистической реальности на языковой материал и систему но и, напротив, отметить влияние языковой системы на парные антропонимы и парных персонажей. Приведем несколько примеров.

Кузьма и Демьян превратились в покровителей кузнецов благодаря созвучию первого имени пары со словами *кузня*, *кузница*, *кузнец* и *кузло* (народное название ковки в некоторых областях) [Баранова]. В то же время важную роль играет и дата празднования – 1/14 ноября, начало холодов. Отсюда появилось представление о Кузьме и Демьяне как о кузнецах Бога и зимы, которые заковывают землю в лед и стужу. При этом имена Кузьмы и Демьяна часто объединяются, и пара святых как будто превращается в одного персонажа: *Кузьма и Демьян – проводы осени, встреча зимы, первые морозы; Кузьма-Демьян – божий кузнец, дороги и реки кует; Невелика у Кузьмы-Демьяна кузница, а на всю святую Русь в ней ледяные цепи куются; Из Кузьмодемьяновой кузницы мороз с горна идет!* [Там же]

Мотив бессребреничества остался и в образе святых кузнецов – Кузьма и Демьян куют сохи и плуги и раздают их людям, учат крестьян земледелию. От имени святого кузнеца образуются и отантропонимические дериваты, например *кузьма* в значении ‘цепь’ в загадке: *узловат Кузьма, развязать нельзя* [Там же].

Необходимо отметить, что мотив «кузнечества» связан, по сути, только с одним компонентом пары – *Кузьма*. Парность же *Кузьмы* и *Демьяна* получается несколько однобокой: компонент *Демьян* никак не обыгрывается, но и не отбрасывается. Возникает единый персонаж, *Кузьма-Демьян* или *Кузьмо-демьян*, с которым и связываются вновь возникающие мотивы.

Семантика кузнечества прослеживается и в свадебных обрядах. Часто в свадебных формулах или песнях Кузьму-Демьяна просят сковать крепкие брачные узы: *Матушка Кузьмадемьяна¹! Скуй нам свадебку долго-надолго, крепко-накрепко, до седой головушки, до долгой бородушки* [РНК, 228]. *Кузьмой-Демьяном* называют и саму свадьбу: *Благословите все от старого до малого Кузьму-Демьяна сыграть* [Баранова].

Далее область покровительства святых расширяется еще больше, Кузьма и Демьян становятся покровителями любого труда, ремесленниками. Этим можно объяснить и обращение к ним женщин за помощью в самых разных сферах трудовой деятельности: *Батюшка Кузьма-Демьян! Сравняй меня, позднюю, с ранними!* ‘просьба пряжи помочь не отстать в работе от тех, кто начал прясть раньше’ [РНК, 228].

Влияет на фольклорный образ святых и календарь сельскохозяйственных работ. В частности, близко ко дню их памяти в деревнях заканчивалась молотба, и в честь домолоток было принято варить кашу. Возникает еще один мотив – покровительства полевым работам. Кузьме и Демьяну начинают приписывать еще один вид работы – существуют поверья, что святые были простыми работниками, и чаще всего нанимались именно молотить. Как и во всех предыдущих случаях, святые не брали плату за работу, лишь просили хозяек кормить их кашей (отсюда и традиция варки каши на праздник). Садясь за трапезу в праздничные дни, хозяева приговаривают: *Кузьма-Демьян, приходи к нам кашу хлебать* [Баранова].

¹ Более подробно об употреблении мужских имен в женском роде и компоненте *матушка* применительно к мужским именам см. раздел 3.1 диссертации.

Календарем обусловлены и представления о Кузьме и Демьяна как о покровителях наук, им нужно молиться об успешной учебе. Ноябрьский день почитания святых по традиции был связан с началом обучения детей грамоте, когда все основные хозяйственные работы были закончены и у младших членов семьи появлялось время на учение [Там же].

Таким образом, получается следующая картина. Покровительство лекарей и целителей закономерным образом обусловлено житием святых и их деятельностью при жизни, как в православном, так и в католическом христианстве. Во французской культуре не было найдено иных «зон ответственности» этих святых, *Sôte* и *Damien* – это покровители врачей и медицинских работников самой разной специализации. В обеих культурах молиться о здоровье предписывается, в том числе, именно им, о чём свидетельствуют найденные языковые материалы, поговорка во французском языке и заговоры в русском.

Но в русской культуре образ этой пары святых значительно расширяется и отходит от канонического сюжета: они отвечают за кузнечное дело, свадьбы, мороз и стужу, женские ремесла, сельскохозяйственные работы, учение (мотив бессребреничества сохраняется везде). Это расширение объясняется двумя факторами.

Во-первых, на образ пары святых в русской культуре влияет сама система языка. Контаминация и созвучие имени *Кузьма* с производными от *кузнец* и *кузло* обусловила появление у пары святых (или у одного фольклорного персонажа Кузьмодемьяна, «родившегося» в результате объединения пары и их имен) новых ролей: святые становятся кузнецами, затем, как кузнецы, они заковывают в лед землю (здесь очевидно влияние и погодных условий во время празднования их дня в ноябре), сковывают молодых крепкими брачными узами на свадьбах. Возможно, от семантики кузнечества развилось и более общее поле – работы и труда вообще, Кузьма и Демьян стали покровителями не только мужского труда, но и женского (особенно того труда, который начинался в ноябре, например, изготовление пряжи). В данном случае обнаруживается процесс, обратный таким путям деривации, при которых по-

явление отантропонимических производных с апеллятивным значением обуславливается образом прототипического персонажа в культуре. Напротив, совпадения и закономерности языковой системы влияют на этот образ и дополняют его многочисленными новыми семами.

Во-вторых, в расширении области покровительства святых очевидно влияние календаря – например, это касается обряда домолоток и молитв этим святым об успешном учении. Интересно, что во французском языке не было найдено не только «областей ответственности» святых, чье появление было бы обусловлено контаминацией имени с языковой системой, но и таких областей, которые возникали бы благодаря календарю и совпадению дня праздника святых с сезоном каких-либо сельскохозяйственных работ (в католическом календаре день памяти святых Кузьмы и Дамиана празднуется 26 сентября). Кажется, что объяснения отсутствия такой модели «культурной деривации» в данном случае стоит искать не в истории поклонения данной паре святых, а, скорее, в специфике католического восприятия святых и специфике их связи с народными и языческими верованиями и традициями, что, без сомнения, было бы интересно с исследовательской точки зрения, но не является целью данной работы.

Стоит упомянуть и о том, что *Кузьма* и *Демьян* (в различных написаниях) часто встречаются в заговорах и являются защитниками, целителями и помощниками в самых разных сферах человеческой деятельности. Интересно и то, что в заговоре от крови у персонажа *Кузьма-Демьян* появляется младшая сестра, с которой он вместе останавливает кровь [Юдин 1997].

Устойчивую связь между персонажами отрицать невозможно, и подавляющее большинство фиксаций отражают совместное функционирование в одном контексте именно персонажей и являются олицетворением какого-либо погодного или иного явления, однако нельзя упускать из виду слияния двух имен в имени одного персонажа или даже в одном апеллятивном деривате (например, в значении ‘свадьба’). Из-за того факта, что коррелируют чаще все же персонажи, а не антропонимы, однозначно говорить о микроси-

стеме отантропонимических дериватов в данном случае не приходится, однако представляется возможным с некоторой долей осторожности записать эту пару в «промежуточные», то есть находящуюся на некоем промежуточном этапе на пути от пары фольклорных персонажей до пары невоплощенных антропонимов.

2.1.5 Рус. *Петр* и *Павел*, франц. *Pierre* и *Paul*, англ. *Peter* и *Paul*

В данном разделе рассматриваются пары рус. *Петр* и *Павел*, франц. *Pierre* и *Paul*, англ. *Peter* и *Paul*. Рассмотрение языкового материала мы начнем с французского языка:

prendre (Saint) Pierre pour (Saint) Paul <принять (святого) Петра за (святого) Павла> ‘принять одного за другого, обознаться’ [Peterson, 20; Guillemaut, 280; Lincy, 52]; *Paul et Pierre* ‘каждый встречный’; *décoiffer saint Pierre pour coiffer saint Paul* <растрепать святого Петра, чтобы причесать святого Павла>, *déshabiller saint Pierre pour habiller saint Paul* <раздеть святого Петра, чтобы одеть святого Павла> ‘обделить одного, чтобы наделить другого; поддерживать одно в ущерб другому’ [Lingvo]; *découvrir saint Pierre pour couvrir saint Paul* <обнажить святого Петра, чтобы прикрыть святого Павла>¹ ‘отобрать у одного, чтобы дать другому’ [Lingvo; Lincy, 52]; *l’on ne doit taut donner à saint Pierre, que saint Paul demeure derrière* <нельзя отдавать все святому Петру, пусть святой Павел стоит за ним> ‘нельзя отдавать все кому-то одному’; *qui loue saint Pierre ne blasme sant Paul* <кто восхваляет святого Петра, не хулит святого Павла> ‘тот, кто хвалит одного, не ругает другого’ [Lincy, 52]. Отметим, что в употреблении *Pierre* и *Paul* в значении ‘один и другой, тот и другой’, полностью отсутствует сема пола, эти дериваты могут называть как неизвестного мужчину, так и неизвестную женщину: «Употребляя *Pierre* и *Paul*, полом называемых людей обычно пренебрегают» [Peterson, 108–109].

¹ Мотив одевания и создания причесок связан с традицией наряжать изображения и изваяния святых [FP; Peterson, 21].

Хотя апостолы в христианской культуре и объединяются, но в приведенных фразеологизмах очевидно противопоставление «один – другой» и мотив мены, «один вместо другого». Несмотря на то, что апостолы объединены в пару, они во многом отличаются. В католичестве они считаются основателями христианской церкви, первый раз день Петра и Павла как пары апостолов был отмечен в день основания Рима [Cursillos]. Отличия святых друг от друга очевидны. Петр – самый первый из апостолов, Павел – самый последний, даже не встречавшийся с Христом до распятия и воскресения. Первый – простой рыбак, ученик Иисуса, второй – образованный римлянин, жизненной целью которого до обращения в христианство было истребление последователей этого учения. Интересно и то, что апостол Петр ставился в пару не только Павлу. Сначала в христианской традиции появилась пара Петра и Андрея, что вполне логично – это два брата-рыбака, первыми призванные Христом. В иконографии эта пара имеет символическое значение – единство западной (Петр) и восточной (Андрей) церкви [Crypte].

При всех отличиях, апостолы гармонично дополняют друг друга в звании основателей христианской церкви. Например, образованный Павел проповедует для язычников и других иноверцев, в то время как рыбак Петр может проповедовать только среди иудеев из-за незнания иностранных языков: «мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных», говорит Павел [см. Десницкий 2013]. «Прославляя апостолов Петра и Павла в один день, Церковь, кажется, хочет напомнить нам о разнообразии человеческих характеров и путей, ведущих к Богу» [Десницкий 2014]. Становится ясно, что языковая игра, основанная на мотиве мены, могла возникнуть благодаря образу святых, которые, являясь противоположностями, все же дополняют и заменяют друг друга. Образ прототипических персонажей является основой семантики пары дериватов.

По мнению некоторых ученых, возможная причина возникновения приведенных фразеологизмов – это влияние аллитерации, одного из частых способов образования антропонимических пар [см. Peterson, 20-21, 109]. Имена

французского антропонимикона действительно часто объединяются в пары и образуют парные дериваты именно благодаря созвучию начальных слогов, ср., например, *prendre Gautier pour Garguille* <принимать Готье за Гаргия> ‘перепутать, попасть пальцем в небо’ [Lingvo] (подробнее о фонетической аттракции как способе образования микросистем отантропонимических дериватов см. раздел 3.3 диссертации). Однако если влияние аллитерации кажется основной мотивацией в случае пары *Gautier–Garguille*, не имеющей прототипических персонажей и экстралингвистической основы, то для микросистем, эту основу имеющих (особенно такую мощную, как пара самых известных в народе апостолов, день памяти которых отмечается совместно), аллитерация является, скорее, вспомогательным, облегчающим и, может быть, стимулирующим совместную деривацию фактором, но не мотивационной основой микросистемы. Таким образом, во французском языке парность дериватов от *Pierre* и *Paul* обусловлена отчасти языковой системой и частотной моделью возникновения антропонимических пар на основе аллитерации, и, что более важно, культом святых Петра и Павла и их образом в христианской культуре, что является экстралингвистической основой микросистемы. Данное положение верно и для английского языка (см. далее).

Еще одно значение этой пары дериватов, зафиксированное во французском языке, это *fleur de Saint-Pierre et de Saint-Paul* <цветок Петра и Павла> ‘первоцвет весенний’ [Constantin, 109]. Названия растений – один из самых сложных для установления этимологии номинативных классов. В данном случае мы можем предложить лишь гипотезу о том, что название связывает окончание цветения этого лекарственного растения с днем памяти апостолов 29 июня (первоцвет весенний начинает цвести в апреле, а плоды начинают завязываться в мае-июне [ЛР]). Можно было бы отметить и то, что само растения является лекарственным, а в русских заговорах к Петру и Павлу часто обращаются за избавлением от болезни, но это замечание не представляется сколько-нибудь значимым в силу того, что именами святых (любых) часто

называли полезные, лекарственные растения, и что в заговорах на здоровье упоминаются имена очень многих святых.

Английский фразеологический материал по своей структуре оказывается во многом схож с французским: *to rob Peter to pay Paul* <обокрасть Петра, чтобы заплатить Павлу>, *borrow from Peter to pay Paul* <занять у Петра, чтобы заплатить Павлу>, *unclothe Peter and clothe Paul* <раздеть Петра, чтобы одеть Павла> ‘отобрать что-то у одного, чтобы заплатить другому; отдать одни долги, сделав новые; поддерживать одного в ущерб другому’ [Siefring, 244; Lingvo], ‘о нелепом, несообразном действии’ [Wright 6, 164]. Как и во французском, в английском мы видим то же значение микросистемы ‘один и другой’ и тот же мотив бессмысленной замены одного элемента другим, равнозначным ему, безо всякого видимого результата. Говорить о заимствовании из одного языка в другой не приходится: представляется, что в каждом языке фразеологизмы развивались параллельно, уходя корнями в христианскую традицию. Это подтверждается наличием аналогичного выражения в том же значении, например, в немецком (*dem Peter nehmen und dem Paul geben* <брать у Петра и отдавать Павлу>) и, в особенности, в латинском (*non est spoliandus Petrus ut vestiatur Paulus* <не должен быть раздет Петр, чтобы был одет Павел>, *nudato Petro Paulum tegere nefas* <обнажить Петра, чтобы покрыть грех Павла>) [Strauss, 717]. Возводить рассмотренный английский и французский материал напрямую к латыни кажется не совсем верным, однако преемственность образности в христианской традиции прослеживается довольно четко. Существует версия, что в латинском языке эти выражения появились еще на этапе раннего христианства, когда священники забирали некоторые предметы культа из обеспеченных старых церквей и уносили их в новые, вновь построенные церкви, нуждавшиеся в утвари, оправдывая свои действия словами Павла из Второго послания к Коринфянам: «Другим церквям я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам» (глава 11, стих 8) [FP]. Интересно в этом контексте вспомнить и о том, что Павла называют «апостолом язычников», в то время как папский престол,

«легитимная» церковная власть называется Престолом Святого Петра, а Папа Римский считается его преемником. Состоятельность этой версии происхождения выражения в латинском языке остается под вопросом (хотя и не вызывает у автора однозначных возражений), однако ясно, что на возникновение пар *Pierre–Paul* и *Peter–Paul* во фразеологии влияет, в первую очередь, экстралингвистическая основа микросистемы, а аллитерация, если и имеет какое-то значение, то является вспомогательным механизмом. Это подтверждается и тем, что, например, во французском языке имя *Pierre* часто комбинируется с другими популярными среди крестьян именами, например, *Gautier* или *Gille*, то есть создание пар из двух популярных имен в значении ‘некто’ – довольно распространенная модель, не требующая обязательного наличия фонетической аттракции между компонентами устойчивого выражения. Однако у имени *Paul* и его дериватов частотные для широко употребительных имен пейоративные коннотации появляются редко, что, как кажется, может быть признаком не самой широкой употребительности имени (по крайней мере, в деривационном плане) [см. Peterson, 21]. Тем показательнее становится сравнительно обширный корпус фразеологических единиц, зафиксированных во многих диалектных словарях: устойчивую пару с *Pierre* (*Peter*) создает именно *Paul*, а прочие имена, которые могли бы быть вторым компонентом фразеологизмов вместо него, хоть и упоминаются исследователями, но в таком количестве источников не фигурируют.

Устойчивое восприятие в европейской традиции Петра и Павла именно как пары святых, максимально приближенных к богу, отражается и в фольклорных текстах, в частности, нами были найдены фиксации в английском языке. Здесь они выступают именно как имена святых и не являются апеллятивными дериватами, однако материал представляется интересным для рассмотрения с точки зрения восприятия этих святых народной культурой.

В Кирктоне, Шотландия, святые фиксируются в паре в поверье о том, что Бог судил Петра за лукавство и хитрость и сделал для Павла специаль-

ный инструмент, чтобы тот мог подвесить Петра за шею и вытрясти из него эти качества [Wright 5, 855].

В северо-западной Англии (Фернесс, Камбрия) фиксируется следующее четверостишие:

Pity, pity paamas¹,

Pray give us aamas²;

Yan for Peter, two for Paul,

Three for God 'at meead us all [Wright 1, 45]

<Сжальтесь, сжальтесь, подайте нам,

Молим: дайте нам денег (еды);

Один – для Петра, два – для Павла,

Три – для Бога, что всех нас сотворил>

Источник указывает, что этот стих был общепринятым обращением попрошайек к тем, у кого они просили милостыню. Эта формула может быть модифицированным отрывком из ритуальной песни, которую пели дети на День душ (*All Souls*), или День поминовения всех усопших, отмечающийся 2 ноября. В этот день в каждом доме пекли пироги обычно треугольной формы, которыми поминали ушедших. Часть этих пирогов отдавали нищим на поминовение «всех христианских душ». В этот же день дети (в некоторых источниках, например, в [Willis Watson] указывается, что это были именно девочки) ходили по домам и пели ритуальную песню с просьбой о подаянии едой или деньгами. Возможно, эта традиция берет начало в обычае просить денег на то, чтобы заплатить за души усопших родственников (кому именно заплатить, в источнике не уточняется) [см. Willis Watson, 404]. У этих ритуальных песенок множество незначительно различающихся вариантов, поэтому мы приведем лишь несколько. Стоит заметить, однако, что пара *Peter* и *Paul* стабильно появляется в различных вариантах этих текстов.

Soul! Soul! For an apple or two.

<Душа! Душа! Яблоко или два.

¹ *Paamas* = palm us, «подайте нам» [Wright 3, 399].

² *Aamas*, также *almous* или *alms* – милостыня в виде еды или денег [Wright 1, 45].

*If you have no apples pears will do.
One for Peter, two for Paul,
Three for him who made us all*
[Wright 5, 630].

Если нет яблок – сойдут и груши.
Одна для Петра, две для Павла,
Три для Него, кто нас всех сотво-
рил.>

*Soul! Soul! For a soul-cake;
Pray, good mistress, for a soul-cake;
One for Peter, two for Paul,
Three for Them who made us all*
[Wright 5, 630].

<Душа! Душа! Кулич;
Пожалуйста, добрая госпожа, кулич;
Один для Петра, два для Павла,
Три для Тех, кто нас сотворил>

*An apple, a pear, a plum, or a cherry,
Any good thing to make us all merry;
One for Peter, and two for Paul,
Three for the little lad under the wall:
Up with your kettles and down with your
pans,
Give us an answer and we will be gone.
Go to your cellar and take your keys.
An apple, an orange, or what you
please;
The road's very dirty, my shoes are very
thin,
But I've a little pocket to put a penny in.
Please, good Missus, give us a soul
cake!*
[Willis Watson, 404]

<Яблоко, грушу, сливу или вишню,
Что-нибудь хорошее, что нас разве-
селит;
Один для Петра, два для Павла,
Три для маленького мальчугана под
стеной.
Доставайте котелки, убирайте сково-
родки,
Ответьте нам, и мы уйдем.
Идите в погреб и доставайте ключи.
Яблоко, апельсин или что пожелаете;
Дорога очень грязная, мои ботинки
очень плохие,
Но у меня есть маленький карман,
чтобы положить в него пенни.
Пожалуйста, добрая госпожа, дайте
нам кулич!>

География фиксации этих песен довольно обширная (от Чешира, Стаффордшира и Дербишира до Сомерсета), что позволяет с некоторой долей уверенности говорить об их известности и популярности. Строки песни в не-

которой степени напоминают заговорные формулы, где святые призываются с целью усилить просьбу, причем необходимость именно парных святых обусловлена не только ритмом стиха, но и усилением магической функции. Можно предположить, что Петр и Павел появляются в песенках о поминовении усопших в связи с тем, что являются в европейской традиции хранителями ключей от рая, то есть представляются в некоторой степени привратниками загробного мира [см. СД 4, 22].

Довольно интересна история возникновения следующего детского игрового стихотворения:

<i>Two little dicky birds,</i>	<Две маленькие птички
<i>Sitting on a wall;</i>	Сидят на стене;
<i>One named Peter,</i>	Одну зовут Питер,
<i>The other named Paul.</i>	Другую – Пол.
<i>Fly away, Peter!</i>	Улетай, Питер!
<i>Fly away, Paul!</i>	Улетай, Пол!
<i>Come back, Peter!</i>	Вернись, Питер!
<i>Come back, Paul!</i>	Вернись, Пол!>

[Opie, 147]

Игра, которую сопровождало данное стихотворение, подробно описана в 3 главе диссертации, в разделе 3.2. В контексте же анализа пары *Peter* и *Paul* нам важно то, что в более ранней версии стиха птичек звали *Jack* и *Gill* (см. раздел 3.2), а имена апостолов появились в XIX веке в качестве замены языческих персонажей [Opie, 147], то есть корреляция *Peter* и *Paul* проявляется и здесь.

Петр и Павел появляются и в колдовских формулах, в частности, в заклинании, произносимом во время гадания с помощью сита и ножниц. Небольшое сито зажималось режущей частью ножниц, вероятно, таким образом, чтобы острые края лезвий проходили по касательной к внешнему краю обода сита, а сито было зажато в двух противоположных точках его окружности. Затем задавался вопрос, на который гадающие хотели получить ответ.

Сито гадающие при этом поднимали, держа конструкцию за ручки ножниц (держал либо один человек, либо двое). Чаще всего гадание использовалось, чтобы найти виновного в краже или ином правонарушении, при этом произносилась такая формула: *By St. Peter and St. Paul, did A.B. stel my yarn?* <Именем святого Петра и святого Павла, А. Б. ли украл мою пряжу?> [Wright 5, 100] (при этом подставлялось имя подозреваемого и название украденного или пропавшего предмета). Если сито опрокидывалось или качалось, то названный человек признавался виновным, если оно оставалось неподвижным – человек был невиновен. Фиксируется и такой вопрос, заданный в этом гадании: *By Saint Peter and Saint Paul, if Haggat be dead, let this sieve turn around* <Именем святого Петра и святого Павла, если Хаггат мертв, пусть это сито перевернется> (девушка пытается узнать о судьбе своего брата) [Godbeer, 41]. Сам способ такого гадания с помощью сита был известен еще древним грекам под названием косциномантия, *koskinomanteia*, от греч. *koskinon* ‘сито’ [Merriam-Webster]. Гадание присутствует и в славянской культуре, чаще всего таким образом пытались выяснить имя вора [см. СД 4, 434]. Греки при гадании также обращались за помощью к богам, а в «христианском» варианте гадания воззваний к другим святым кроме Петра и Павла не зафиксировано [см. Spence, 110]. Воззвание в гадании именно к этим святым можно связать с их устойчивой связью внутри христианской традиции именно как пары, а также с близостью этой пары в народной религии к древним близнецным культам. Микросистема персонажей (в данном случае о микросистеме дериватов говорить, как кажется, не приходится) встраивается таким образом в уже существующую ткань мистического ритуала, при этом образ персонажей, конечно же, дополняется новыми чертами, не характерными для канонического образа святых, но вполне релевантными народной религии. Из приведенных фольклорных текстов можно сделать вывод о наличии в английской культуре прочной экстралингвистической связи между рассматриваемыми святыми, особенно в рамках поверий и народного христианства. Ввиду яркого параллелизма фразеологического материала английского и

французского языков, кажется возможным распространить этот вывод и на французскую лингвокультуру.

В русском языке лексем, включающих одновременно формант *Петр* и формант *Павел*, найдено не было. Все апеллятивные дериваты, связанные с праздником святых, включают в себя производные только от первого имени, Петр, или сами являются таковыми, например: *петровщина* – установленный обычаем сбор в Петров пост масла, яиц и сметаны в пользу церковных причтов [Подвысоцкий, 121], *Петров кнут* ‘растение дикий цикорий, пуговник’ [Миртов, 227], *Петров крест* ‘созвездие Ориона’, *пётрушка* ‘божья коровка’ [НОС, 7, 134], *петраки* ‘пост перед Петровым днем у православных; петровки’ [СРНГ 26, 329], и т. д. Несомненно, гнездо дериватов от имени *Петр* может представлять большой интерес для подробного анализа, а некоторые значения, например, ‘божья коровка’, могут вывести на связь с языческими ритуалами, народными поверьями и «портрет имени» в культуре, но в данной работе нас интересуют исключительно парные употребления дериватов от имен (или самих имен) *Петр* и *Павел*.

Продуктивным, как кажется, было бы рассмотрение микросистем дериватов от этой пары на широком материале славянских языков, не входящих, однако, в рамки данной диссертации, поэтому здесь мы ограничимся лишь кратким замечанием. Как и *Кузьма* и *Демьян* в русском, *Петр* и *Павел* в других славянских языках сливаются и становятся одним персонажем по имени *Петр-Павел*, *Петро-Павло* или *Петропавля*. В сравнении с приведенным выше английским материалом показательно может быть и то, что эти святые именно в паре воспринимаются как хранители ключей от ада и рая [см. СД 4, 22]. Разработка материала других славянских языков видится автору как дальнейшая перспектива исследования этой микросистемы.

В русском языке совместные употребления этих имен и их дериватов были найдены в поговорках и в заговоре: *Правда* – у *Петра* и *Павла* (в старину на Руси Петров день был сроком судов и взноса даней и пошлин); *Петр и Павел ездят* – о грозах с 29 июня / 12 июля по 20 июля / 2 августа. *Вот бы-*

вает Егорий 6 мая. Егорий Храбрый ездит – и гром гремит, до Петрова дня; потом Петр и Павел ездят до Ильина дня. А после уж Илья ездит [РНК, 314]; Шель Петръ и Павелъ путемъ дорогой; промежь собой рѣчи говорятъ, какъ у мертваго зубы не болятъ. Зубамъ бы не балывать по мой вѣкъ, по (имя рекъ) смерть, по (имя рекъ) заговору, по евангельской заповѣди [Майков, 36].

Фиксируется также поговорка *Была правда у Петра и Павла* <о месте пыток> [Мокиенко, 469]. Источник указывает, что выражение связано либо с церковью св. Петра и Павла, при которой стояли дыба и виселица (однако о какой именно церкви идет речь и на какой территории записано выражение, не уточняется), либо с названием Петропавловской крепости. Представляется, что в данном случае речь о корреляции антропонимов не идет: *Петр и Павел* здесь является обозначением локуса, сокращенным именованьем церкви или крепости, и воспринимаются, скорее, как единая сущность, нежели как пара имен или персонажей. Стоит также отметить сходство этого выражения с *Правда – у Петра и Павла*, которое в [РНК, 314] объясняется через связь с Петровым днем, когда собирались пошрины и проводились суды.

Что касается календарных поговорок, то здесь мотивация кажется очевидной. В обоих случаях под *Петром и Павлом* подразумевается конкретная дата празднования, к которой привязывается определенное событие (как в первом случае) или погодное явление (вторая поговорка)¹.

Что же касается заговора, то, по утверждению А. В. Юдина, вера в целительные функции Петра и Павла может быть обусловлена их парностью и взаимосвязью с древними близнечными культами [Юдин 1997]. Пара *Петр и Павел* в аналогичных заговорах может заменяться и другими святыми, ср., например: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Уговариваю раба Божія (имя рекъ) отъ цынги и ломоты, зубныя щемоты. «Ты Макарий, и я Макарий, ты Антоній, и я Антоній! Были ли вы на томъ свѣтъ?» «Были мы на томъ свѣтъ.» «Видѣли ли вы мертвыхъ?» «Видѣли мертвыхъ.» «Болятъ*

¹ Более подробно о микросистемах, основанных на хронологических соответствиях, см. раздел 2.2.

ли у мертвых зубы?» «Нѣтъ не болят у мертвых зубы.» Такъ чтобы и у раба Божія не болѣли и не ломили. Аминь ломоть, аминь цынгъ, аминь, аминь [Майков, 36]¹.

О парности православных святых как об особой категории святости говорит В. Н. Топоров. На примере святых Бориса и Глеба он показывает, что святые могут объединяться в культуре постфактум, имея, по сути, мало общего [см. Топоров 1987, 230–235]. Так, Топоров пишет, что парность Бориса и Глеба нельзя объяснить только естественными причинами (тем, что они являлись родными братьями и были убиты по одной и той же причине). Эта парность имеет черты подготовленности, встроенности в уже существующую парадигму. Например, в «Сказании о Борисе и Глебе» игнорируется то факт, что убит был и третий брат, Святослав. Кроме того, «при подходе изнутри обнаруживается ряд обстоятельств, в той или иной мере препятствующих признанию Бориса и Глеба строго канонической парой» [Топоров 1987, 233]. Князья правили в разных городах, убиты были в разное время и в разных обстоятельствах, нет никаких совместных упоминаний при жизни. Позднее объединение святых, уже после их смерти и перенесения мощей в церковь святого Василия в Вышгороде, Топоров объясняет двойной жертвой братьев, которая становится праведной «сверхжертвой» [Там же, 234].

Такое же, позднее, объединение, мы видим в паре святых Зосимы и Савватия, покровителей пчеловодства. Эти святые, в отличие о Бориса и Глеба, даже не были знакомы между собой и жили в разное время: преподобный Савватий скончался на Соловках в 1435 году, а Зосима начал свое служение в этом же месте, но только через год после смерти Савватия. Кажется, что и здесь мог подействовать тот же принцип, что и в случае Бориса и Глеба – объединение близких, но не единых при жизни святых в одну пару в силу их общей, парной жертвы (схожей смерти или схожего послушания).

¹ А. В. Юдин также утверждает, что святые, заменяющие в «зубных» заговорах Петра и Павла, тоже являются устойчивыми парами. В частности, такими парами исследователь называет Антипия и Иоанна и Макария и Антония [Юдин 1997]. Тем не менее, парность этих святых не кажется нам очевидной в силу того, что корреляция данных святых отражена только в одном заговоре и, кроме того, существуют и заговоры, в которых эти святые упоминаются по отдельности, см., например, [Майков, 35–36].

Данные примеры были приведены, чтобы показать важность именно парных святых для русской культуры. Эти пары, как кажется, в большинстве своем создаются не механически (на основании родственных или иных «жизнейских» связей между святыми), а благодаря существованию уже подготовленной парадигмы, где верх святости – это парность, двойная жертва. Такие пары можно было бы назвать культурными микросистемами, и их изучение уже продвинулось достаточно далеко благодаря трудам вышеозначенных авторов, но многие подобные пары практически никак не проявляются на языковом уровне, а потому не вошли в корпус материалов к данной диссертации (исключение – хрононимы, но о них будет сказано далее в разделе 2.2).

Интересным кажется упомянуть и о существовании промежуточных случаев, когда связь персонажей в экстралингвистической, мифологической реальности проявляется не через лексику или фразеологию, а через другие ономастические коды, в частности, через топонимию, в тесной связке с ритуальным кодом. Пример такой пары можно найти в санскрите, в индуистском мифе о близнецах по имени Яма и Ями. Яма – первый умерший человек, принесший себя в жертву и ставший позже властителем подземного мира, Ями – его сестра-близнец, которая так горевала о смерти брата, что боги решили создать ночь, чтобы дни сменялись и время залечило бы рану Ями (до этого Ями не могла забыть о смерти брата и перестать горевать, так как в мире был один вечный день, и как бы давно ни умер Яма, это все равно случилось «только сегодня», так как понятия времени не существовало) [см. Jones, 508-509; Malamoud]. В Ригведе есть стих, в котором Ями соблазняет брата и пытается склонить его к инцесту, однако Яма отказывается [Jones, 508]. В постведической традиции сестра Ями практически исчезает и превращается в реку Ямуна, тесно связанную с мифологией о брате Яме. Эта река противопоставляется светлой реке Ганге как река темная, дающая доступ к подземному миру, король которого – Яма. Кроме того, связь брата и сестры видна в мифе о том, что Ямуна (Ями) приглашала брата в гости, но тот постоянно отказывался из-за множества дел в подземном царстве. Тогда

Ямуна добилась того, чтобы все мертвые, имеющие живых сестер, могли выйти на один день из подземного царства, чтобы повидаться с ними. Эта легенда отражается в ритуале, проводимом в священный месяц Картика (октябрь-ноябрь) на праздник *yama-dvitiyā* (*bhrātr̥dvitiyā* на санскрите или *bhāīdīj* на хинди). Замужние сестры принимают своих братьев в доме мужа, наедине, угощают их лучшими блюдами и умащают маслами. После этого сестра приглашает брата окунуться в воды реки Ямуна, «персонажное» воплощение которой, богиня Ямуна или Ями, является прототипической фигурой сестры. Исследователи видят в этом ритуале реализацию инцестуального желания ведической Ями [Malamoud, 108-109]. Для нас здесь любопытен механизм реализации микросистемы, когда пара персонажей, связанных на основе экстралингвистической реальности и широкого корпуса прецедентных текстов (в частности, сюда можно отнести Ригведу и Пураны), проявляется опосредованно через ритуал, включающий производный от имени персонажа гидроним: один из антропонимических компонентов пары переходит в другой ономастический код, а второй компонент представлен в ритуале опосредованно через его участников (братья).

Итак, в данном случае о наличии микросистемы дериватов представляется обоснованным говорить в случае английского и французского языков: «точки сопряжения» можно видеть на уровне частной категориальной семантики («человек»), что выражено особенно ярко во французской фразеологии. О наличии микросистемы именно отантропонимических дериватов в русском языке говорить не приходится за отсутствием ее «материального» выражения в нашем материале в виде апеллятивной лексики, но для того, чтобы составить полную картину по этой паре имен и иметь основание делать окончательные выводы, совершенно необходимо дальнейшее исследование микросистемы на материале других славянских языков, не вошедших в настоящую работу.

2.1.6 Англ. *Matthew, Mark, Luke and John*

Любопытную микросистему образуют в английском языке имена четырех евангелистов. Апеллятивный дериват для этой микросистемы фиксируется всего один, однако его мотивационная основа представляется довольно интересной: *Mark, Luke and John* <Марк, Лука и Иоанн> ‘кровать на четырех ножках, одна из ножек которой сломана или отсутствует’ [Wright 6, 38]. В данном случае отчетливо видно нарушение целостности ряда: отсутствие одного из имен подчеркивает неправильность, ущербность номинируемого объекта. При этом четвертое имя в номинации подразумевается, оно придает номинации смысл именно своим отсутствием и поэтому не может быть исключено из перечня элементов микросистемы. Мотивация номинации, как кажется, ясна, однако более глубокий анализ этой микросистемы на основе фольклорных источников именно в контексте значения апеллятивного деривата позволяет взглянуть на нее более широко.

Святые фигурируют в популярной молитве под названием *White Pater-noster* <Белый Отче Наш>, которая была впервые записана в 1656 году:

<i>Matthew, Mark, Luke, and John,</i>	<Матфей, Марк, Лука и Иоанн,
<i>Bless the bed that I lie on,</i>	Благословите кровать, на которой я
<i>Four corners to my bed,</i>	лежу,
<i>Four angels round my head;</i>	У моей кровати четыре угла,
<i>One to watch and one to pray</i>	Четыре ангела стоят вокруг моей го-
<i>And two to bear my soul away.</i>	ловы;
[Opie, 303]	Один - чтобы следить, второй – что-
	бы молиться
	И два – чтобы унести мою душу.>

В некоторых вариантах молитвы ангелы стоят не у головы молящегося, а вокруг него:

<i>Matthew, Mark, Luke, and John,</i>	<Матфей, Марк, Лука и Иоанн,
<i>Bless this bed that I lie on;</i>	Благословите кровать, на кото-
<i>Four angels to my bed,</i>	рой я лежу;

*Two to bottom, two to head,
Two to hear me when I pray,
Two to bear my soul away.*
[Opie, 304]

Четыре ангела у моей кровати,
Два – внизу, два – в головах,
Два – чтобы слушать меня, когда
я молюсь,
Два – чтобы унести мою душу.>

Таким образом, наглядно видна корреляция 4 евангелиста – 4 ангела – 4 угла (или 4 ножки) кровати. В этом контексте стоит вспомнить и крестное знамение – жест, защищающий от нечистой силы, состоящий из четырех жестов в разных направлениях. Приведенная молитва читалась на ночь как защитное заклинание и была крайне популярна: в некоторых деревнях это была единственная молитва, известная детям, тогда как канонических молитв они не знали вовсе [Opie, 304]. Христианская традиция здесь смешалась с языческой: подобные заклинания, известные как *lorica* (лат. ‘доспехи’) и имеющие целью оградить заклиняемого от злых сил, окружив его ангелами или боже-ствами-хранителями со всех сторон, фиксируются и в кельтской традиции, а через нее уходят корнями в традицию кабалистическую (ср., например, каба-листическую молитву «против ужасов ночи»: *Михаил – справа от меня, Габ-риэль – слева от меня, передо мной – Уриил, за мной – Рафаил*) и даже древне-вавилонскую (*Шамаш – передо мной, Син – за мной, Нергал – справа от меня, Ниниб – слева от меня*) [Opie, 304]. В номинации кровати, таким образом, мотивационная основа видится не просто в семантике неполноты ряда и отсутствия одного из элементов, но и в том, что кровать в этом случае теряет «четвертый угол», четвертый элемент, необходимый для того, чтобы со всех сторон охранить лежащего на ней человека от опасностей и нечистой силы. Прецедентным текстом, на котором основывается выделенная нами микросистема, является, конечно, библейская мифология и четыре Еванге-лия, однако нельзя не заметить, что мифология эта и ее персонажи являются скорее лишь оболочкой, а смыслом ее наполняет языческая традиция и со-зданное на стыке двух мифологий народное христианство.

Четырех евангелистов можно найти и в фольклорных текстах русского языка, в частности, четыре апостола вместе упоминаются в различных заговорах (защита от нечистых духов, от начальства, от оружия, от колдунов и порчи, защита скота, исцеление от лихорадок и сглаза, помощь в охоте на птиц и т. д.) [Юдин 1997], однако апеллятивных дериватов от их имен, функционирующих как одна лексическая или фразеологическая единица, найдено не было. В заговорах, таким образом, видится корреляция скорее между персонажами, чем между антропонимами, тогда как факт, найденный нами в английском языке, от персонажей в некоторой степени дистанцируется, хотя связь с библейской традицией и не стирается полностью.

Итак, о наличии связи между невоплощенными антропонимами можно с уверенностью говорить в случае следующих микросистем: рус. *Мария-Иван*, франц. *Marie-Jean*, англ. *Mary-John*; франц. *Marie-Robin* (в рамках периода с XI по XIII век); франц. *Pierre-Paul*, англ. *Peter-Paul*. У всех этих микросистем присутствует мощная экстралингвистическая основа в виде персонажей, функционирующих в прецедентных текстах того или иного типа, а также имеется корпус апеллятивных дериватов, служащий инструментом верификации искомой связи (более подробно о критериях верификации существования корреляции между невоплощенными антропонимами см. в заключении). Вопрос же о микросистемах англ. *Mary-Joseph*, рус. *Петр-Павел* и рус. *Кузьма-Демьян* кажется обоснованным оставить открытым, так как однозначно отрицать корреляцию между антропонимами у этих пар исходя из собранного корпуса материалов представляется не совсем верным. Однозначно можно сказать о том, что любая микросистема, попавшая в группу экстралингвистических связей на основе прецедентных текстов, заслуживает самого пристального анализа (если это применимо – на материале нескольких языков), так как, как мы видим из рассмотренных примеров, потенциал этой группы в плане выявления связей между невоплощенными антропонимами достаточно

высок. Кроме того, анализируя микросистемы такого типа, исследователь может выйти и на другую, не рассматриваемую в данной работе, но не менее интересную проблематику, например, на культурные корреляции мифологических персонажей, историю их восприятия и переосмысления, а также на некоторые аспекты эволюции язычества и народной религии в «сплаве» с христианством.

2.2 Корреляции отантропонимических производных, основанные на смежности обозначаемых явлений

В данном разделе на примере народного календаря рассматриваются связи, возникшие на основе смежности или рядоположенности обозначаемых предметов или явлений в реальной жизни. Хотя хрононимы, конечно, не являются в строгом смысле апеллятивными дериватами, а представляют собой отантропонимические производные, перешедшие в другой разряд имен собственных, в контексте настоящего исследования было бы упущением не упомянуть об этом классе онимов и пренебречь им при сборе материала.

Итак, в качестве частного примера корреляций отантропонимических производных на основе смежности явлений, мы проанализируем календарные соответствия, когда хронологически близко расположенные дни памяти тех или иных святых становятся основанием для объединения производных от имен этих святых (чаще в паремиологии), причем иногда объединение происходит не только на языковом, но и на ритуальном уровне.

Здесь стоит упомянуть о том, что в контексте данного исследования стоит разграничивать микросистемы, созданные на основе прецедентных текстов (предыдущий раздел), и совместные употребления хрононимов, основанные только лишь на календарном соответствии. Конечно, поговорки и приметы, приведенные далее, можно (и это будет правомерно) считать частным случаем прецедентного текста, однако между микросистемами, основанными на прецедентных текстах, и микросистемами (или, скорее, просто

совместными употреблениями онимов/хрононимов) на основе календарных соответствий есть несколько отличий.

Во-первых, в случае календарных соответствий пара или ряд имен не развивают никаких апеллятивных дериватов за рамками этого календарного соответствия, то есть семантика пары/ряда остается неразрывно связанной со смежностью явлений реальной жизни и не выходит за эти пределы. Пара/ряд, таким образом, остается в рамках метеорологического (приметы, связанные с погодой в конкретные даты) или ритуального контекста (комплекс обрядов или ритуалов на конкретные праздники), связанного с определенными датами, но не развивает иных значений, которые не были бы связаны с хрононимией. Языковая единица не принимает на себя никаких дополнительных функций, кроме календарного «индикатора» в том смысле, как это описано у А. В. Юдина: «...уже к началу II тысячелетия практически каждый день года оказался связан в христианской традиции с памятью того или иного святого, апостола или почитаемого лица. В результате любой из дней получил *собственное имя*. Это было очень удобным при формировании двоеверного мировоззрения. Языческие представления о святости, благоприятности или неудачности того или иного дня, связанные с ним приметы и пр. было легко соотносить с христианским календарем. В результате имена как широко известных, так и полузабытых христианских святых стали своего рода индикаторами степени «освященности», сакрализованности временного потока и связи его точек с теми или иными мифологическими персонажами. Совокупность представлений, связанных с каждым именем, воплотилась в форме примет и поверий <...> и точно определяла, что следует делать в отмеченный именем день...» [Юдин 1999, 129–130]. Микросистемы же отантропонимических дериватов, возникшие на основе прецедентных текстов, обычно имеют несколько различных семантических полей, в которых функционируют дериваты, либо же компоненты этих микросистем фиксируются в значениях, которые не могут быть обусловлены только совпадением дат: для анализа таких

единиц приходится привлекать более широкий лингвистический и культурный контекст.

Во-вторых, для нашей классификации важна именно мотивационная основа микросистемы. В случае с прецедентными текстами мотивационная основа представляет собой широкий культурный контекст, часто – целый мифологический комплекс, как, например, в случае микросистемы *Иван – Мария*. Многие номинации, входящие в эту микросистему, при тщательном анализе выводят исследователя на мифологические, культурно значимые сюжеты. В случае же с календарными соответствиями совместное употребление в одном выражении двух хрононимов не имеет под собой иной мотивационной основы кроме близости дат, то есть семантико-мотивационная цепочка восстанавливается довольно легко и оказывается гораздо короче, чем у пар предыдущего раздела. Чаще всего эта цепочка имеет всего два звена: близкие по времени или иным образом связанные между собой даты > пословица или поговорка, отражающая особенности этих дат. Онимы и их дериваты, таким образом, в этом контексте можно было бы, фактически, заменить на число и месяц, или, иными словами, хрононимы в этом контексте остаются хрононимами, не переходя в разряд имен нарицательных.

Итак, от предыдущей группы микросистем рассматриваемая группа совместно употребляемых антропонимов и их производных отличается по следующим параметрам:

- мотивационная основа пар и рядов этой группы – хронологическая близость дат, на которые выпадают дни тех или иных святых, или иное их сходство (например, по метеорологическим параметрам). В случае микросистем, основанных на прецедентных текстах, мотивационная основа выявляется через культурные и мифологические сюжеты, то есть через прецедентные тексты;

- семантика дериватов, составляющих такую пару или такой ряд, не развивается далее, то есть за пределами устойчивых выражений, связанных с хрононимией, а апеллятивов, образованных от этой пары или этого ряда имен

и составляющих единую микросистему, не наблюдается. В этом случае хронимы функционируют в устойчивых выражениях именно как хронимы, не переходя в класс апеллятивов. В случае же корреляций, образованных на основе прецедентных текстов, семантика пары или ряда развивается и часто образует разветвленную систему не всегда очевидно взаимосвязанных значений. Дериваты от производящих онимов при этом полностью переходя в разряд имен нарицательных по крайней мере в одном из семантических полей микросистемы.

Перейдем к языковому материалу. В русских диалектах часто встречаются поговорки и приметы, связанные с народным календарем и содержащие пары отантропонимических дериватов. *Абрамий к Илье едет* – о грозах в период с 7/20 июля по 20 июля/2 августа [РНК, 14], *Афанасий и Кирилло забирают за рыло* – о зимней стуже в середине января [СРНГ 1, 293], *Пётр да Илья сердятся* – о грозах 29 июня / 12 июля и 20 июля / 2 августа [РНК, 313], *Иван попил, Петро запьет, а потом Прокопий запирует* – если в Иванов день дождь, значит, будут водополины – петровская, прокопьевская, ильинская [Там же, 166], *Если Дмитрий в лодке, то и Егор в лодке* – об отсутствии льда к 26 октября / 8 ноября [Там же, 124], *Дуни подули, федоты помели* – о сильном ветре и снеге в марте [Там же, 126], *Никола загвоздит – Егор намостит* – о появлении льда к 26 ноября / 9 декабря [Там же, 134] и т.д..

В приведенных поговорках и приметах референтом отантропонимических производных, на первый взгляд, является святой, в честь которого назван соответствующий день. Этот святой может сердиться, мостить реки, пить, кормить скот и так далее. Но для примет, как кажется, наиболее важна временная отнесенность – в примете фиксируется не только то, что будет происходить, но и когда. За именами собственными, таким образом, скрывается не только святой, действующий в этот день, но и сама дата. Оним апеллятивизируется, принимает значение ‘конкретный день, конкретная дата’, и вместо выражения *день святого N* употребляется только имя этого святого. После такого вторичного осмысления день олицетворяется и наделяется спо-

способностью ходить, ездить и выполнять все остальные действия, которые, возможно, при первичном осмыслении приписывались именно святым. Впрочем, кажется сложным четко разграничить значения 'святой' и 'дата' в данных употреблениях, но представляется, что в значении данных дериватов в той или иной степени присутствуют обе семы. Возможно, образ святого более актуален с точки зрения диахронии, как источник выражения, но его «вес» сводится к минимуму с точки зрения синхронии, при употреблении, когда под отыменным дериватом понимается именно дата – наиболее важная и актуальная информация в примете для носителя языка. Святые «подчинились» крестьянскому быту, а их имена «стали основой для запоминания сроков начала и окончания сельскохозяйственных работ» [РНК, 3]. Хрононим, таким образом, это обозначение «отрезков или точек календарного времени в годовом цикле» [РНК, 3-4], и на «функционал» святых влияют события, происходящие в соответствующую их празднику даты или около нее (сельскохозяйственные работы, погодные явления, цветение или плодоношение растений и т. д.). Природа хрононима представляется важным аспектом дальнейших рассуждений о потенциале образования отантропонимических микросистем на базе календарных соответствий.

Отметим далее наличие в русском языке микросистем отантропонимических дериватов, отражающих не только календарную близость производящих хрононимов, но и взаимосвязь этих хрононимов на ритуальном уровне. Одной из таких микросистем является тройка *Варвара, Савва и Николай*. Дни памяти этих святых идут один за другим – 4(17).12, 5(18).12 и 6(19).12 соответственно, – и являются единым комплексом праздничных дней не только в русской культуре, но и у других славянских народов. Ритуальные действия и поверья, связанные с этими праздниками, не только схожи, но и взаимосвязаны. Не останавливаясь подробно на всех ритуалах и поверьях дней памяти святых Варвары, Саввы и Николая, кратко обозначим только те, что нашли отражение в языковом материале.

На Варвару варят кашу, которую затем едят на протяжении всех трех дней: серб. *Варица вари, Саввица клади, Николица куса* [СД 1, 290], болг. *Варвара вари, Сава пече, Никола яде* [СД, 527]. Вследствие хронологической близости дней памяти и общности ритуальных обрядов в народном сознании между святыми начинают устанавливаться родственные связи. В Полесье, например, Савва и Никола – братья Варвары [СД 4, 527], а у болгар – Савва и Варвара – сестры Николы [СД 1, 290], при этом праздник в честь Николы Зимнего воспринимается как наиболее важный: болг. *Варвара вари, Савва стои, а свети Никола обира праздници* [Варвара варит, Савва стоит, а святой Никола обирает праздники] [СД 4, 527–528]; рус. *Лучше не саввить и не варварить, а пониколить* [РНК, 283]. В последнем примере мы видим отантропонимические дериваты в глагольной форме, составляющие один синонимический ряд: *пониколить* ‘отпраздновать день святителя Николая Чудотворца; пропьянствовать, прогулять день святителя Николая Чудотворца’, *просаввились мужики, проварварились, последний грош прониколили* [РНК, 283]; сев. *заниколить*, ворон. *заниколиться* ‘начать праздновать, пить, как пьют в Николин день, запьянствовать’ [СРНГ 10, 279]; *помиколить* ‘отпраздновать день святого Миколы’ [СРГК 5, 72]; *проварвариться* ‘прогулять, промотать заработок’ [СРНГ 32, 92]; ‘пролениться, не работать какое-то время’ [НОС 9, 37]; *посавить* ‘отпраздновать день святого Саввы’ [СРГК 5, 87]; *просаввиться* ‘остаться без средств после празднования Саввина дня’ [СРГК 5, 286]; *просалиться* (от *просаввиться*) ‘пролениться, не работать какое-то время’ [НОС 9, 37]. Появление этого комплекса отхрононимических глаголов связывается с трехдневным циклом праздников, сопровождавшихся отказом от работы и застольями, отсюда – семы праздности, лени и кутежа [см. Родионова 2004, 65]. Как и другие близкие в календарном плане хрононимы, рассматриваемая тройка функционирует в поговорках о погоде: *Варвара заварит, Савва засалит, Никола закует. Варвара мостит; Варвара мостит, Савва гвозди вострит, Никола прибывает* – о появлении льда и установлении санного пути к 4/17 декабря [РНК, 60-61].

Во французском языке границу между семами ‘дата’ и ‘святой’ в некоторых случаях провести несколько легче в силу того, что в приметах и поговорках день не олицетворяется, а чаще используются конструкции *à Saint ...* <на святого ...> и *de Saint ...* <со святого...> и подразумевается именно день святого: *à Saint-Antoine grande froidure, à Saint-Laurent grands chauds ne durent* <большие холода на святого Антуана – большая жара не будет длиться на святого Лорана>, *pluie de Saint-Hugues à Sainte-Sophie, remplit granges et fournils* <дождь со святого Гюго до святой Софии наполняет амбары и пекарни>, *froidure à la Saint-Laurent, froidure à la Saint-Vincent* <холода на святого Лорана – холода на святого Винсента>, *de Sainte-Léocadie à Sainte-Nicaise, les gelées naissent* <со святой Леокадии до святого Никеза рождаются холода> [SD]; *le chaud à la Saint-Laurent, le froid à la Saint-Vincent* <жара на святого Лорана – холод на святого Винсента> [Plancy, 187].

В данных примерах, благодаря предлогу *à*, который в данных контекстах на русский язык можно перевести как *на*, четко очерчивается значение отыменных дериватов – ‘конкретная дата’. В большинстве примет и поговорок, найденных во французском языке, день не олицетворяется, он не совершает действий и не принимает антропоморфный облик, а примета лишь описывает, что случится в этот день.

Тем не менее, были найдены немногочисленные приметы, где присутствует и олицетворение. Как и в русском языке, в таких случаях с сложно однозначно установить, какая сема доминирует – образ святого или название даты дня его памяти: *Sainte-Geneviève ne sort point, si Saint-Marcel ne la rejoint* <святая Женевьева не выходит, если к ней не присоединится святой Марсель> (день святой Женевьевы – 3 января, святого Марселя – 16 января), *quand Saint-Pierre laisse de la pluie à Saint-Martial, Saint-Martial donne des essaims autant qu'il en faut* <когда святой Петр оставляет дождь святому Марциалу, святой Марциал дает столько пчел, сколько нужно> [SB]; *s'il pleut à la Saint Médard, il pleut quarante jours plus tard, à moins que Saint Barnabé ne vienne l'arrêter* <если идет дождь на святого Медара, то дождь будет идти сорок дней,

если только святой Варнава не придет его остановить» [INRA]. Представляется, однако, что, как и в русском языке, с практической точки зрения для носителя языка более важна семантика временного отрезка, а олицетворение выступает в качестве приема дополнительной образности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в английском языке: *Saint David and Chad sow pease good or bad* <святой Давид и святой Чэд сеют горох хороший или плохой> (1 и 2 марта соответственно) [Inwards, 26], *All the tears that St. Swithin can cry, St. Bartlemy's mantle wipes them dry* <Все слезы, что может выплакать святой Свитун, может высушить мантия святого Бартоломея> (о дождях с начала июля по конец августа) [Inwards, 32]. Довольно часто встречается конструкция *Saint N's day* <день святого N>: *If St. Paul's day be fine, the year will be the same* <если в день святого Павла будет хорошая погода, то весь год будет таким же>, *If the sun shine brightly on St. Vincent's day, we shall have more wine than water* <если на день святого Валентина солнце светит ярко, то у нас будет больше вина, чем воды> [Inwards, 20].

Что же касается парности отантропонимических дериватов данного типа, то очевидно, что приведенные производные не являются микросистемами и не осмысляются как таковые в языке. Дериваты объединяются в пару механически, благодаря естественным экстралингвистическим факторам: схожим погодным условиям в соответствующие дни, близкому расположению в календаре соответствующих дат или наличию природных процессов, продолжающихся в течение определенного периода времени. То же относится и к комплексам хрононимов, являющихся производящей основой для таких рядов апеллятивов, как, например, *просаввиться*, *проварвариться*, *прониколиться*. Подобные языковые факты не могут являться свидетельством корреляции невоплощенных имен в языке и культуре но, тем не менее, такие внеязыковые соответствия порождают распространенную модель возникновения если и не устойчивых пар или рядов отантропонимических дериватов, то, по крайней мере, их совместных употреблений. Конечно, при рассмотрении и анализе той или иной микросистемы отантропонимических дериватов нельзя не принимать во внимание хронологические корреляции, особенно в тех слу-

чаях, когда эти корреляции могут стать мотивационной основой для возникновения дополнительных сем в структуре уже существующей микросистемы, однако описанные календарные соответствия в контексте нашей проблематики не представляются основополагающими сами по себе. Попадание языкового факта в эту группу классификации, как кажется, не может свидетельствовать о наличии какой бы то ни было связи между соответствующими невоплощенными антропонимами, особенно при условии, что эта пара или этот ряд не фиксируется ни в одной из остальных групп классификации.

Глава 3. Микросистемы отантропонимических дериватов и их классификация: лингвистические связи

В настоящей главе рассматривается вторая группа предложенной классификации микросистем отантропонимических дериватов, а именно микросистемы, компоненты которых связаны между собой на лингвистическом уровне с помощью сугубо языковых механизмов, без привлечения дополнительных экстралингвистических компонентов. Как и в предыдущей главе, основной интерес представляют микросистемы имен, от которых образуются апеллятивные отантропонимические дериваты (или лексические единицы с хоть сколько-нибудь выраженной степенью апеллятивизации), функционирующие в одном контексте или в смежных, синонимичных, антонимичных или иным образом семантически связанных значениях. Пары антропонимов, найденные в фольклорном и ином текстовом материале и не дающие интересующих нас апеллятивных микросистем, приведены в тексте главы выборочно с целью создания контрастивного фона.

Под лингвистическими связями подразумеваются механизмы корреляции между отыменными производными, обусловленные системой языка или возникающие с помощью собственно языковых механизмов. В эту группу входят следующие подгруппы: а) пары дериватов, производных от мужского и женского варианта одного и того же имени; б) микросистемы, возникшие на основе фонетической аттракции (рифма, аллитерация, фонетическая аттракция к производящему апеллятиву и т. п.). Далее на диалектном и литературном материале русского, французского и английского языков подробно рассматривается каждая из этих подгрупп.

3.1 Пары, состоящие из мужского и женского варианта одного имени

3.1.1 Материал французского языка

Данный тип связи между отантропонимическими дериватами особенно свойственен для французского языка в силу того, что для многих имен французской антропонимической системы характерно наличие как мужского, так

и женского варианта. Так, во французском нередко отантропонимические дериваты, входящие в семантическое поле «простой человек» (куда, в частности, включаются лексемы со значениями ‘крестьянин’ и ‘слуга’) и в поля, производные от этой группы (состоящие из значений с различными пейоративными коннотациями). При развитии апеллятивного значения от мужского имени может притягиваться и наделяться сходной семантикой и его женский вариант.

3.1.1.1 Jean – Jeanne

Первая пара, образованная по данной модели – *Jean* и *Jeanne*, *Жан* и *Жанна*.

Jean Bonhomme ‘крестьянин’ [Peterson, 40]; *Jean Guêtre* <Жан Гетра> ‘простой мужик’ [Lingvo]; *Jean* ‘обычный человек, деревенщина’, *Jean-Peuple* <Жан-Народ> ‘человек из народа’ [TLFi]; *Jean Deschamps* <Жан с полей> ‘крестьянин’. В окрестностях города Эрне была известна шутливая песенка:

<i>Il était une bique</i>	<Жила-была коза
<i>Qu'avait le couet blanc</i>	С белым хвостом
<i>Ell' passa dans les choux</i>	Она залезла в капусту
<i>Les choux à Jean Deschamps</i>	В капусту Жана с полей> [Dottin, 262].

Значение ‘крестьянка’ есть и у женского варианта имени:

Jeanne, *Jeanneton* (диминутив) — типичные именованья крестьянки, деревенской девушки. Этим именем пользовался Лафонтен, когда речь шла о простой женщине, противопоставляя Жанну утонченным дамам. А. Петерсон приводит такой контекст: *Ce n'est pas un plaisant séjour... Peu de Philis, beaucoup de Jeannes* <Не самое приятное времяпрепровождение... Мало Филис, много Жанн> [Peterson, 111]. Но для *Jeanne* характерны не только пейоративные коннотации, ср., например, песню Пьера-Жана де Беранжера, изданную в сборнике 1821 года, в которой автор расхваливает преимущества про-

стой крестьянской девушки по сравнению с жеманными дамами высшего света:

<i>Fi! des coquettes maniérés!</i>	<Фи! Манерные кокетки!
<i>Fi! des bégueules du grand ton!</i>	Фи! Высокомерные ханжи!
<i>Je préfère à ces mijaurées</i>	Этим жеманницам я предпочитаю
<i>Ma Jeanette, ma Jeanneton.</i>	Мою Жаннет, мою Жаннтон. >

[Béranger, 171]

Конечно, в авторской песне именем собственным может называться и конкретная женщина, которую звали Жанна и которой автор посвятил это произведение, но представляется более вероятным, что в приведенном контексте имя *Jeanne* употребляется именно в значении ‘крестьянка’, или, по крайней мере, воспринимается как типичное крестьянское имя.

Именем *Jean* часто называли слуг в литературе и театре:

Voilà qu'en passant devant les maisons, il ... se mit à crier: «Jean, Jean» comme s'il appelait son domestique <Проходя мимо домов, он... закричал: «Жан, Жан!», как будто звал своего слугу> [Peterson, 46], но полностью в класс имен нарицательных эти дериваты так и не перешли. Тем не менее, у диминутивов женского варианта имени *Jean* есть апеллятивные дериваты со значением ‘служанка’: *Jeannette* ‘няня’ и *Jeanneton* ‘служанка на постоялом дворе’ [Там же, 116].

Рассматриваемая пара отыменных дериватов закономерно развивает пейоративные коннотации, типичные для популярных крестьянских имен, например, глупость. *Jean* в значении ‘глупый человек’ развивает обширную систему, и его употребление охватывает значительную территорию: *Janjan*, пикард. *Jean-Jean* (редупликация имени), норманд. *Jano*, *Janot*, *Janîn*, анж. *Jeannot* (диминутивы), беарн. *Yan-lire*, *Yan-liri*, где *liri* — искаженное *lèri* ‘фекальные массы, экскременты’; ‘имбецил, простак, идиот’ [Peterson, 67]; *Jeannot* [TLFi; Dottin, 223]; *Jean (bête comme un) panais* <Жан (глупый как) пастернак>, *Jean Pieu* <Жан Кол>, *Jean Bouillie* <Жан Каша> [Sauvé, 83];

jean-fesse <жан-ягодица>, *jean-foutre*¹ ‘неспособный человек, посредственность, ничтожество’ [Lingvo, TLFi]; брет. *Yann-gogues* <Жан-уборная> ‘прозвище глупца’, *Jean le Diot* <Жан Идиот>, *Jean l’Innocent* <Жан Невинный>, *Jean le Fou* <Жан Сумасшедший>, *Jean l’Hébété* <Жан Тупоумный> ‘типаж наивного мальчика в бретонских сказках’ [Peterson, 67].

Так же дериват в данном значении фиксируется в следующих устойчивых выражениях: бург. *Janlognai, Janlorginai* ‘прикидываться глупцом’, *faire le janjan* ‘то же’ [Peterson, 67]; *faire son petit Saint-Jean* <изображать маленького святого Иоанна> ‘разыгрывать из себя наивного дурачка’, *quand Jean bête est mort, il a laissé bien des héritiers* <когда глупый Жан умер, он оставил много наследников> ‘дураков на свете много’ [Lingvo]; *deux Jean et un Pierre font un asne entier* <два Жана и Пьер составляют целого осла> ‘от нескольких глупцов ничего хорошего не жди’ [Lincy, 141]; *être Gros-Jean comme devant* <быть толстым Жаном как раньше> ‘не продвигаться, топтаться на месте, остаться у разбитого корыта’ [Peterson, 40; Expressio, Lingvo]. *Gros-Jean* в данном выражении понимается как деревенщина, который настолько глуп, что не в состоянии понять то, что ему пытаются объяснить и после объяснений остается таким же глупым, как и до них [Expressio]; *c’est Gros-Jean qui veut en remontrer à son curé* <толстый Жан хочет поучать своего кюре> ‘яйца курицу не учат’ [Lingvo].

Так же фиксируются такие дериваты от *Jean*: *janoterie* ‘крайняя простота, глупость’, *jeannotisme, janotisme* ‘глупость, которая проявляется в построении неправильных и уродливых фраз, ведущих к двусмысленности и непониманию’ [Peterson, 66].

В данную систему значений дериватов от антропонима *Jean* включается лишь один дериват от женского варианта имени: *Jeannette* ‘глупая женщина’ [Peterson, 120]. Такое резкое расхождение в количестве фиксаций кажется возможным объяснить тем, что глупость в чистом виде редко является сигнификатом для апеллятивных производных женских имен. Чаще всего к семе

¹ От глагола *foutre* груб. ‘делать, швырять’.

глупости добавляются сопутствующие этой глупости признаки, например, болтливость. Представляется, что апеллятивы со значением ‘болтуня’ можно привести рядом с дериватами со значением ‘глупая женщина’ потому, что обычно имеется в виду пустая болтовня недалекой женщины, которая чешет языком не от большого ума. Дериват от антропонима *Jeanne* зафиксирован в провансальском диалекте в устойчивом выражении *parla coume la bello Jano* <говорить как Жанна> ‘трещать как кумушка’ [Peterson, 125].

Еще одна пейоративная коннотация, усвоенная обоими дериватами рассматриваемой пары – это тучность. Производные от *Jean* и *Jeanne* могут употребляться в значении ‘толстый человек’: *Gros-Jean* <толстый Жан> ‘толстый и недалекий человек’ [Там же, 62], пров. *Janquèu* ‘деревенщина, увалень’, *Jausserand* ‘нелюбезный увалень’ [Там же]. Женский вариант имени так же задействован в деривации: пров. *Jano Toutouro* ‘пухлая женщина’. *Toutouro* — подражание звуку трубы. Толстый человек сравнивается с трубачом, у которого в процессе игры надуваются щеки; пров. *Janasso* (аугментативная форма) ‘большая и толстая женщина’ [Там же, 118]. Как мы видим, значение ‘толстый мужчина/толстая женщина’ присутствует у дериватов обоих имен в рамках одной территории.

Параллельное функционирование рассматриваемой пары можно обнаружить и в значении ‘женственный мужчина’. Это значение проявляется в таких качествах, как чрезмерная любовь к женскому обществу или к женской работе. При этом *Jean* обычно употребляется с дополняющими семантику имени формантами, сужающими его значение, а *Jeanette*, применительно к мужчине, в таком уточнении не нуждается: *Jean-fillette* <Жан-девочка> ‘мальчик, которому нравится общество девочек’; *Jean-fille* <Жан-девочка/девушка>, брет. *Jean-Katel* (*Katel* – вероятно, производное от женского имени *Catherine*), *Jean-tout-mêle* <Жан-все-путает>, *Jean Cocotte* <Жан Курочка> ‘мужчина, выполняющий женскую работу’ [Там же, 92–93]; анж. *Jeannette* ‘мужчина, которым помывает женщина или который выполняет домашнюю работу’. Фиксируется так же устойчивое выражение *faire la jean-*

nette <делать жанетту> ‘заниматься домашней работой, если речь идет о мужчине’ [Peterson, 141–142]. От этого значения семантика домашней работы продолжает развиваться, и дериваты начинают обозначать инструменты для работы по хозяйству, в частности: *Jeanette* ‘доска на ножке, используемая для глажки белья’ [TLFi] и *ja subu, Jean-Surbout*¹ ‘небольшое узкое приспособление, которым слуги на фермах пользуются для отжима белья’ [Dottin, 262]. Оба деривата развивают довольно близкие значения – они обозначают инструмент, который предназначен для какой-либо работы с бельем и которым обычно пользуются женщины.

Итак, пара отантропонимических дериватов *Jean* и *Jeanne* развивают довольно обширную систему значений. Параллельное употребление этих дериватов зафиксированы в таких значениях, как ‘крестьянин/крестьянка’, ‘слуга/служанка’, ‘глупец/глупая (и болтливая) женщина’, ‘толстяк/толстуха’ и ‘женственный мужчина или мужчина, занимающийся женской работой’ (и отсюда – ‘инструменты для домашней работы’). Представляется, что, в большинстве случаев, функционирование в том же значении производных от женского варианта имени обусловлено употреблением в данном значении дериватов от мужского варианта. *Jeanne*, таким образом, «притягивается» к *Jean* там, где сема пола становится важной.

3.1.1.2. *Guillaume – Guillaumette*

Guillaume — еще одно типичное для крестьянина имя, и значение ‘крестьянин’ фиксируется у апеллятивных производных *Guillaume* и его диминутива *Guillot*: *chacun danse, et Guillot fait sauter Perronnelle* <Все танцуют, и Гийо заставляет прыгать Перронеллу> — «деревенский житель танцует с деревенской жительницей, или слуга со служанкой» [Peterson, 40]. В данном примере *Guillot* коррелирует не со своим женским вариантом, а с другим именем – *Perronnelle* (женский вариант от *Pierre*). Здесь важно отметить, что дериваты от антропонима *Guillaume* развивают значение ‘глупый человек’:

¹ *Surbout* – большой деревянный механизм, крутящийся на стержне, служащий для подъема частей каркаса различных машин [Littré].

Guilmin (диминутив) ‘идиот’, *Guillaume* ‘глупец’ [Peterson, 70], ‘Жано, простоватый и глупый человек’ [Dottin, 223]. А. Петерсон приводит такой пример употребления: *Et tient-il les gens pour Guillaumes?* [Peterson, 70] – букв. <Он держит людей за Гийомов?>, т. е. за глупцов.

Что касается женского варианта имени, то дериват от него употребляется в устойчивом выражении *chanter guillaumette* <петь гийометту> ‘говорить глупости’ [Peterson, 123]. По словам А. Петерсона, это выражение возникло благодаря популярной песенке, в которой употреблялось имя *Guillaumette* (текст песни автор не приводит), но песня не является источником употребления *Guillaumette* в значении ‘глупая женщина’, а, напротив, является доказательством того, что подобное значение у деривата уже существовало на момент создания песни. Значение же это возникло, скорее всего, под влиянием употребления мужского варианта имени в значении ‘глупец’ [Peterson, 123–124].

Таким образом, мужской вариант притягивает женский в процессе развития апеллятивных значений, причем в производящем поле «простой человек» нет дериватов от *Guillaumette*, ее апеллятивные значения начинают развиваться с производного поля «глупость», куда *Guillaumette* «приходит» вслед за *Guillaume*. Нельзя не отметить и то, что дериват от *Perronnelle* функционирует в аналогичном устойчивом сочетании: *chanter la perronnelle* <петь перонеллу> ‘говорить глупости’ [Там же], то есть *Guillaumette* и *Perronnelle* в семантическом поле «глупость» оказываются взаимозаменяемы, в то время как в поле «простой человек» дериватов от *Guillaumette* нет, и мужской вариант этого имени коррелирует с женским вариантом другого антропонима.

Выделение микросистемы *Guillaume – Guillaumette* представляется, однако, обоснованным. Появление *Guillaumette* обусловлено языковой системой французского языка, где пара женского и мужского вариантов одного имени в смежных и синонимичных значениях употребляется повсеместно. Возникновение женского варианта, можно сказать, на середине пути дерива-

ции мужского выглядит, таким образом, закономерно: первоначально «отклонившаяся» от частотной схемы микросистема перестраивается согласно широкоупотребительному шаблону, сменив второй, менее устойчивый компонент, возможно, сохранив при этом и первый вариант в качестве параллельного.

3.1.1.3. *Pierre – Pierrette*

Следующий антропоним, дериваты которого мы рассмотрим, – *Pierre* и его женский вариант *Pierrette*. Это имя часто фигурирует в литературе как имя деревенского пастуха: *Pierre, Pierrot* (диминутив), *Gros-Pierre* <Толстый Пьер> (ср. *Gros-Jean*) [Peterson, 41]; валл. *Pierot, pierrot* ‘комичный и глупый крестьянин’ [Lobet, 421].

Выше был приведен пример, в котором в значении ‘крестьянка, служанка’ функционирует дериват от женского варианта имени *Pierre – Péronnelle*: *Chacun danse, et Guillot fait sauter Péronnelle* <Все танцуют, и Гийо заставляет прыгать Перронеллу> – «деревенский житель танцует с деревенской жительницей, или слуга со служанкой» [Peterson, 40].

Распространению формы *Péronnelle* в значении ‘крестьянка’ в значительной степени способствовала шутивная песенка XV века: *Au'ous point veu la Péronnelle que les gendarmes ont emmenée?* <Не видели ли вы Перронеллу, которую увели жандармы?> [Там же, 112]. Употребление определенного артикля *la* в данном примере свидетельствует о том, что в этом случае *Péronnelle* — это не собственное имя героини песни, а имя нарицательное, обозначающее крестьянку. Некоторые исследователи [см. Там же, 112–113] полагают, что значение ‘крестьянка’ у дериватов данного антропонима возникло и распространилось только благодаря этой песне, но мы согласимся с А. Петерсоном: «... нельзя отделять имя *Péronnelle* от других популярных имен, употребляющихся как нарицательные, тем более что популярность многих из них подтверждается песнями и пословицами. Что касается значения «деревенская жительница», то можно предположить, что имело место влияние со-

ответствующих мужских вариантов имени: Pierre, Pierrot, Perrot, Perrin, типичных имен крестьян и пастухов» [Там же, 113].

Дериваты от *Pierre* и *Pierette* имеют еще одно значение – ‘индюк/индюшка’: норманд. *Pirotte* ‘самка индюка’ [Metivier, 392], пуат. *Perot* ‘индюк’, *Perotte* ‘индюшка’ [Lalanne, 206; Favre, 258], пуат. *P’rot* ‘индюк’, *P’rote* ‘индюшка’ [Jonain, 305]. Существует версия, что индюк был привезен из западной Индии отцами-иезуитами, и поэтому индюка стали называть производными от имени *Pierre*, созвучным с французским словом «отец», которое используется при обращении к священникам – *père*. Это подтверждает и номинация, зафиксированная в сантонжском диалекте – *Perot petit père* <Перо маленький отец> ‘индюк’ [Jonain, 305]. Как и в предыдущем случае, очевидна первичность дериватов мужского рода, дериваты же от женского имени возникли под влиянием уже развивших значение ‘индюк’ дериватов от *Pierre*.

3.1.1.4. *Robin – Robinette*

В значении ‘крестьянин, пастух’ часто употребляются диминутивы от *Robert – Robin* и *Robeçon* [Peterson, 41–42]. Дериватов от женского варианта имени в данном значении найдено не было, но производные от обоих имен употребляются в значении ‘слуга’: *Robin* ‘слуга’ [Там же, 46], *Robinette* ‘служанка, горничная’ [Там же, 116]. Очевидно, что первичным в данном случае является употребление дериватов от популярного в крестьянской среде имени *Robert* в значении ‘крестьянин, пастух’. Как и в случае с *Guillaume*, женский вариант имени не дает дериватов в производящем значении, и *Robert* коррелирует с другим женским именем, типичным для крестьянской среды с именем *Marie*. Это употребление закреплено в литературной традиции: в частности, в пасторалях XIII века, где *Robin* вместе с *Marie* формирует типичную пару простолюдина и пастушки (см. раздел 2.1.3) [Peterson, 113–114; Ellit]. Но, в отличие от *Perronnelle* и *Guillaumette*, дериваты от *Marie* и *Robinette* не являются взаимозаменяемыми, так как имеют разное происхождение. *Marie* в паре с *Robin* – это литературные и фольклорные персонажи, языковая

фиксация в группе апеллятивной лексики у этой пары отсутствует. Пара же *Robin* и *Robinette* в значении ‘слуга’ появилась благодаря функционированию дериватов от *Robin* в значении ‘крестьянин’: как будет показано далее, развитие значений по модели ‘крестьянин’ → ‘слуга’ – это довольно часто явление, так как слуг чаще всего нанимали из крестьян, это всегда простой человек низкого происхождения и положения, человек из народа. Таким образом, *Robin* параллельно и независимо коррелирует сразу с двумя именами: в литературной традиции – с *Marie* в качестве типичного имени крестьянина или пастуха, а в языке – с *Robinette* в качестве апеллятива со значением ‘слуга’. Первичность употребления дериватов от мужского варианта имени кажется очевидной: *Robinette* «притягивается» к *Robin* уже тогда, когда *Robin* развивает значение ‘слуга’.

3.1.1.5. *Jacque – Jacquette*

Полностью апеллятивизируются дериваты от антропонимов *Jacques*, *Jacquette* и их производных: *Jacquette* ‘служанка’ [Peterson, 116], *Jaquet* (дими́нүтив от *Jacques*) ‘слуга, лакей’. *Dieu m'a fait naistre libre, la franchise de ma condition ne sera jamais forcée de leur servir de jaquet* <Благодаря Господу я родился свободным, искренность моего сословия никогда не заставят служить им лакеем>. *Les serviteurs sont ennemis, principalement des qu'ils commencent d'estre parasites et jacquets* <Слуги – это враги, особенно когда они становятся паразитами и *jacquets*> [Там же, 46]. В последнем примере очевидно наличие отрицательной коннотации, здесь *jaquet* употребляется в значении ‘лживый и лицемерный слуга’.

У дериватов от антропонима *Jacques* и его женского варианта *Jacqueline* появляется и сема глупости, которая возникает так же от значения ‘простой человек’ (более важную роль в данном случае играет значение ‘слуга’, нежели ‘крестьянин’): *Jacques* ‘глупец’ [TLFi]; валл. *Jagau*, норманд. *Jac*, *Jacdale*, сант. *Jhacques*, лот. *Jaquîn*, шамп. *Jacquedal*, *Jacquendal*, пикард. *Jacques-l'idiot* <Жак-идиот>, *grand Jacquot* <большой Жако> ‘навязчивый и глупый болтун’ [Peterson, 68], ‘простофиля’ [Lingvo]; валл. *Jaguekène*, *Jaklène*, пров.

Jaquelino, Jaumeto (дериваты от женского варианта имени) [Peterson, 120]. Дериват употребляется в устойчивом выражении *faire le Jacques* (или *faire jacques*) <изображать Жака> ‘валять дурака, прикидываться дурачком’ [Lingvo].

Третье значение, общее для производных от обоих имен – это ‘палка’. В этом значении употребляются формы *Jacques* [Peterson, 180], анж. *jak* [Dottin, 259] и *Jacquiline* [Peterson, 180]. Представляется, что данная номинация возникла благодаря театру и фарсу. В комедиях легкого содержания, популярных в Средневековье в западноевропейских странах, главными героями часто выступали слуги, а избиение палками было одним из самых распространенных приемов буффонады. Возможно, что палка, которой в фарсе орудовал хитрый слуга по имени *Jacques*, получила свое название именно благодаря этой связи. А. Петерсон же, не только для *Jacques* и *Jacquiline*, но и для других имен, обозначающих палку, высказывает другую версию: «В данных употреблениях можно увидеть своего рода эвфемизм. Как с помощью перифразы обозначают избиение палками, так и инструмент, с помощью которого оно проводится, обозначают именами собственными, чтобы избежать прямого именованья» [Peterson, 180]. Идея эвфемизации, как кажется, не противоречит предположению о связи данной номинации с комедией-фарсом, поэтому связь значения ‘палка’ со значением ‘слуга’ кажется весьма вероятной.

Стоит упомянуть и тот факт, что дериваты от рассматриваемых имен фиксируются также в значениях ‘сойка’ (*Jacques*) и ‘сорока’ (*Jacquette*) [TLFi]. Сойка во французском языке – мужского рода (*un gaie*), тогда как сорока – женского (*une pie*). Эти птицы часто составляют фольклорную семейную пару, в которой нарушается патриархальный семейный уклад: жена (сорока) бьет мужа (сойку) [см. Спиридонов 2011, 44]. Чаще, однако, сороке дается имя *Margot*, что, скорее всего, связано с деривацией по модели популярное женское имя > болтливая женщина > «болтливая» птица, так как *Margot* фиксируется и в значении ‘болтливая женщина’ [TLFi]. Представляется, что деривация *Margot* и *Jacques* в указанных значениях шла параллельно (по-

дробно о появлении «птичьих значений» у дериватов от имени *Jacques* см. [Спиридонов 2011]), возможно, объединившись позже в рамках одного фольклорного сюжета вследствие объединения денотатов (соответственно, составить из них полноценную микросистему представляется затруднительным). Пара же *Jacques – Jacqueline* в рассматриваемых значениях снова представляет собой тот случай, когда употребление женского имени обуславливается уже существующим употреблением мужского варианта этого же имени в рассматриваемом значении.

3.1.1.6. *Папаша Banard и мамаша Banard*

Была также найден пара дериватов, образованная по схеме «мужское – женское», но мотиваторами которой являются не два варианта одного имени, а только одна его форма – мужское имя *Banard*: брет. *père Banard* <папаша Банар> ‘западный ветер’, *mère Banard* <мамаша Банар> ‘дождь, который обычно приносит папаша Банар’ [Peterson, 198].

Хоть данные номинации и несколько выбиваются из общей модели, тем не менее, можно сказать, что они гармонично вписываются во французскую традицию именования. Во Франции, как и во многих западных странах, было принято называть жену именем и фамилией мужа, поэтому словосочетание *madame Banard* в отношении женщины, состоящей в браке с *monsieur Banard*, воспринималось бы как абсолютно нормальное. Côte-du-Nord, в котором были зафиксированы указанные номинации, находится на западном побережье Франции, соответственно, западный ветер для этого региона – это ветер с океана, который часто приносит дожди. Дождь по отношению к ветру, который его приносит, мог восприниматься наивным сознанием как некая младшая сущность по отношению к ветру, зависимая от него, как и жена по отношению к мужу. Кроме того, слово *дождь* во французском языке – существительное женского рода, а *ветер* – мужского, что, как кажется, тоже повлияло на возникновение рассматриваемой номинации: в данном случае влияние языковой системы на возникновение отантропонимических дериватов проявляется особенно ярко.

Итак, мы рассмотрели пять пар отантропонимических дериватов французского языка, парность которых обусловлена актуализацией семы пола и «притяжением» производных от мотиватора женского рода к значению, в котором уже употребляется дериват от мужского варианта соответствующего имени. Это пары *Jean – Jeanne*, *Pierre – Pierette/Péronelle*, *Robin – Robinette*, *Guillaume – Guillaumette* и *Jacques – Jacqueline/Jacqueline*. Внутри каждой пары возникают свои собственные, уникальные пути деривации, но механизм самого возникновения пары, как кажется, всегда один: производные от женского имени возникают под влиянием употребления дериватов от мужского имени в том или ином значении. Появление такого вида пар стало возможным благодаря специфике французской антропонимической системы, имеющей женские варианты наиболее популярных имен, и традиционной практике именования, как в последнем, шестом случае.

3.1.2 Материал английского языка

При рассмотрении английского материала внимание привлекает, прежде всего, пара *John – Jane/Joan*. Эта микросистема является ярким примером дихотомии ‘мужское – женское’, проявляющейся на уровне апеллятивных дериватов.

Прежде всего стоит отметить, что дериваты от *John* и *Jane* часто употребляются по одиночке в значениях ‘мужчина’ и ‘женщина’, ‘человек вообще, имярек’. При этом к именной основе часто добавляется определение, атрибут или целая фраза, добавляющие деривату пейоративные (чаще) коннотации по модели N+loc, например: *Johnny Head-in-Air* <Джонни голова-в-воздухе> ‘человек, витающий в облаках’, *Johnny on the spot* <Джонни на месте> ‘человек, который всегда готов действовать, на которого можно положиться’, *Johnny Raw* <сырой, непропеченный Джонни> ‘новичок’, *Johnny-be-good* <Джонни-будь-хорошим> ‘полицейский’, *Jane Crow*¹ ‘дискримина-

¹ Образовано по аналогии с *Jim Crow* ‘расовая дискриминация, дискриминация чернокожих’. Изначально *Jim Crow* было кличкой, данной неграм американскими расистами в конце XIX века по названию песни Т. Райса, исполнявшейся в негритянском шоу. Затем значение термина расширяется до обозначения явления,

ция женщин' [Lingvo], *john* 'обращение к мужчине' (фиксируется еще в среднеанглийском, XI-XIV века), *johnny* 'именование неизвестного мужчины, при этом часто подразумевается, что называемый мужчина малозначителен или неважен' [Oxford], прост. *jane* 'девушка, женщина' [Lingvo; Merriam-Webster], *plain Jane* <некрасивая Джейн> 'непривлекательная девушка или женщина', неформ. амер. *jack* (уменьш. от *John*) 'простой человек, рабочий' [Sieftring, 155], и т.п.

Надо сказать, что форма *jack* по частоте фиксации в паремиях и в качестве отдельной лексемы в значении 'мужчина, человек' сравнима с формой *john*: *jack* 'простой парень, человек из народа' [Lingvo], *a jack of all trades is master of none* <человек всех ремесел ни в одном не мастер> 'о человеке, который может выполнять различные виды работ, но не достигнувшем мастерства ни в одном из них' [Sieftring, 155], *jack* 'обычный человек, мужчина', 'обращение к мужчине, имя которого неизвестно' [Oxford], *jack* 'мужчина', обычно употребляется в эмфатической функции в таких выражениях, как *every man jack* (<каждый человек джек> 'все, каждый' [Oxford]) [Merriam-Webster], и т.п. В данном разделе, однако, рассматривается только форма *John*. Связано это с тем, что в паре с *Jane* (*Joan* – только одна фиксация) употребляется именно *John*, тогда как фиксаций *Jane* в паре с *Jack* нами найдено не было, хотя этимологически обе эти формы и являются производными от *Johannes*, Иоанн [Рыбакин, 111]. Связать этот факт, как кажется, можно с тем, что разные формы одного имени, будь то фонетические варианты или уменьшительно-ласкательные формы, в английском языке имеют тенденцию восприниматься как отдельные, самостоятельные имена. Например, имена *John* и *Jack* четко разграничены в современной практике наречения, несмотря на то, что одно является производным от другого. Кроме того, даже такая, ка-

сп. контекст *Jim Crow specifically dates from the great Populist upsurge of the 1890's...* <Возникновение джим-кроуизма не случайно совпадает по времени с великим подъемом популистского движения девяностых годов прошлого века...> [Lingvo]. *Jane Crow*, образованное по аналогии, без какого-либо прецедентного имени или персонажа, который дал бы мотивационную основу и «навел» бы номинаторов именно на вариант с *Jane*, подчеркивает, таким образом, наличие у *Jane* значения 'любая женщина'.

залось бы, близкая к производящей основе форма *Johnny* употребляется независимо, как отдельное имя, начиная с 16 века [Hanks].

Перейдем к материалу, где *John* и *Jane* функционируют в одном контексте, либо создают систему смежных значений.

Дериваты от интересующих нас имен находим в ритуальной песне, которая пелась на праздник *May Day* <майский день>, праздник весны, отмечавшийся в первый день либо в первый понедельник мая, и восходящий к празднику Белтейн [Aveni, 80]:

<i>We would taste your home brew'd</i>	<Мы попробуем ваше домашнее пиво,
<i>beer</i>	
<i>Give not, if we've had enough</i>	Не давайте его нам, если нам уже
<i>May it strengthen, may it cheer,</i>	хватит.
<i>Waste not e'er the precious stuff.</i>	Пусть оно дает силы, пусть оно веселит,
<i>We of money something crave,</i>	
<i>For ourselves we ask no share,</i>	Не стоит тратить ценный напиток.
<i>John and Jane the whole shall</i>	Мы просим немного денег,
<i>have,</i>	Себе мы ничего не возьмем.
<i>They're the last new married pair</i>	Нужно все отдать Джону и Джейн,
[Willis Watson, 161]	Они – последние, кто недавно поженился.>

Ритуалы этого праздника символизируют процветание, пробуждение природы и плодородие: молодые парни и девушки делали гирлянды из цветов и лент, которыми затем украшали двери своих домов, водили хороводы вокруг украшенного молодого деревца, установленного на лужайке в деревне (*May-pole*, деревцо оставляли стоять весь год, до следующего праздника), избирали самую красивую девушку королевой мая (*May Queen*), вокруг которой также водили хороводы [Willis Watson, 160-161]. Пара новобрачных, фигурирующая в песенке, гармонично вписывается в этот ряд: в песне звучит призыв отдать собранные деньги молодым людям, недавно вступившим в брак, что тоже, как кажется, можно воспринять как символ весны и зарожде-

ния новой жизни. Дериваты от *John* и *Jane* обозначают молодую пару, мужа и жену, и, конечно же, об этой фиксации можно говорить как об элементе микросистемы *John – Jane*.

Как было сказано выше, в обработанном автором материале была найдена только одна фиксация формы *Joan* в паре с *John*: *John and Joan* в значении ‘гермафродит’ [Wright 3, 375]. Очевидна семантика соединения мужского и женского начала, каждое из которых представлено дериватом от соответствующего имени. Источник не дает никаких комментариев по поводу формы *Joan*, поэтому не ясно, употреблялись ли в этом выражении дериваты от формы имени *Jane* (в нашем материале таковых найдено не было). Конечно, как и в случае с *Jack*, имя *Joan* могло восприниматься носителями как самостоятельное, а не как вариант *Jane*, однако этот языковой факт было решено включить в микросистему *John – Jane (Joan)* по следующим причинам. Во-первых, *Joan* однозначно воспринималось как женский вариант имени *John* и пользовалось значительной популярностью среди простого люда, в особенности, до XVI-XVII вв. (см., например, [Hanks]). Во-вторых, фиксация с *Joan* всего одна и, в отличие от *Jane*, ограничена территориально (Саффолк), что говорит о гораздо более высокой частотности формы *Jane* в интересующих нас контекстах и о том, что, возможно, *Joan* здесь – территориальный вариант *Jane*. С этими оговорками мы включаем в нашу микросистему и этот языковой факт.

Примечательно, что данная микросистема получила широкое распространение и в современном английском, в особенности, в его американском варианте: амер. *John (Q.)¹ Citizen* <Джон Гражданин> ‘среднестатистический американец; самый обычный, ничем не примечательный человек’, *Jane (Q.) Citizen* <Джейн Гражданка> ‘средняя гражданка, условное лицо женского пола, занимающее усредненные позиции в спектре общественного мнения’; амер. *John (Q.) Voter* <Джон Избиратель>, *Jane (Q.) Voter* <Джейн Избиратель> ‘среднестатистический избиратель’; амер. воен. разг. *G. I. Joe* <Джон

¹ Q. – *question* ‘вопрос’, вставляется вместо второго имени.

военного образца> ‘солдат, рядовой военнотружущий’, *G. I. Jane* <Джейн военного образца> ‘солдат, рядовая военнотружущая’ (*G. I. – Government Issue* ‘военного образца, солдатский’) [Lingvo]. Интересны и следующие единицы, образующие целую «семью»: *John/Jane Doe* <Джон/Джейн Доу> ‘имярек, условное обозначение лица мужского/женского пола, чье имя неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам (в юридическое практике – прежде всего для обозначения первого из нескольких участников дела)’ и *Baby Doe* <Крошка Доу> ‘условное обозначение ребенка, чье имя неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам’ [Lingvo].

В разговорном языке фиксируются следующие дериваты: амер. разг. эвф. *john, johnny* ‘мужской туалет’ [Lingvo], *johnny house* <домик джонни> или <джонни-домик> [Merriam-Webster], *jane* ‘женский туалет’ [Lingvo]. От обозначения абстрактного мужского и женского начала и неизвестных мужчины и женщины дериваты в современном разговорном языке в паре выходят и на предметный код, сохраняя первоначальное значение и дополняя его новой семой.

Во всех приведенных примерах явно проявляется противопоставление *John/Joe – Jane* как мужское – женское. Представляется, что, хотя язык криминалистики и юридические термины довольно далеки от традиционной народной культуры (в особенности, в случае такой молодой культуры, как американская), приведенные факты все же правомерно будет включить в список употреблений дериватов рассматриваемой микросистемы. Такой вывод можно сделать не только на основании частотности данных употреблений, но и в силу того, что *John* и *Jane* и их производные были найдены нами в значении ‘мужчина и женщина, мужское и женское’ и в традиционной английской культуре. Следовательно, в основе современного значения дериватов от рассматриваемых имен лежит древняя традиция их совместного употребления: из просторечия лексемы перешли в узкую, специальную область (криминалистика, юридическая практика), а также в разговорный язык и сленг (в случае со значением ‘туалет’).

3.1.3 Материал русского языка

Русская антропонимическая система не предполагает создание такого типа связи: в русском языке у популярных имен, таких, как *Иван*, *Петр*, *Николай* или *Георгий*, нет женских вариантов. Мы видим здесь влияние системы языка, когда системная разница в антропонимиконе выливается в системную разницу между группами отантропонимических дериватов двух языков. Однако у не столь распространенных и «ортодоксальных» для русской культуры имен, а также у «квази-имен», образованных от прозвищ или вовсе выдуманных, пары мужской оним – женский оним найти все же можно, но в этих случаях необходимо проводить тщательный анализ каждого языкового факта, так как далеко не каждая пара будет составлять микросистему: деривация элементов пары может идти параллельно, имея совершенно разные источники мотивации.

Таковы, в частности, дериваты от имен *Соломон* и *Соломонида*: приамур. *соломошкина ладошка (ручка)* ‘герань Власова, *Geranium wlassovlanum* Fisch.’ [СРГП, 280] и приаргун. *соломонидина ручка* ‘растение ятрышник широколистный, *Orchis latifolia* L.’ [СРНГ 35, 283]. Дериваты употребляются для именования разных растений и зафиксированы на разных территориях, что уже на уровне первичного отсева материала не позволило бы объединить данные единицы в микросистему, однако пример этих двух производных показателен с точки зрения того, как мужской и женский варианты одного имени могут развить разные значения в одном семантическом поле, имея при этом совершенно разную мотивацию, хоть и происходящую из одного источника.

Е. Л. Березович и К. В. Осипова подробно разбирают мотивацию деривата *соломошкина ладошка (ручка)* [Березович, Осипова 2018]. Помимо того, что мотив божественной руки сам по себе довольно частотен при номинации целебных или чудодейственных растений (образ царя Соломона в этом случае воспринимается как сакральный: персонаж выступает целителем и заступником), ср., например, курск. *божьи ручки* ‘первоцвет аптечный, *Primula*

veris L.; употребляют как успокаивающее и потогонное средство’, *божья ручка* влг. ‘орхидея, имеющая клубни’, влг., сев.-двин. ‘ятрышник пятнистый, *Orchis maculata* L.; настой из его стеблей употребляется от головной боли; сушеные и растолченные корни пьют с водой от поноса’, новг. ‘род травы’, *богородицкая ручка*, *ручка Божьей матери* ‘иерихонская роза, *Anastatica hierochuntica* L.’, *богородична рука* ‘ятрышник широколистный, *Orchis latifolia* L.’ и т. д. [Березович 2018, 128], форма листьев растения могла напоминать и печать Соломона, состоящую из нескольких, обычно пяти или шести секторов [Там же].

Номинация же *соломоницина ручка*, как показано Е. Л. Березович и К. В. Осиповой, а также А. В. Юдиным [Юдин 2011], в мотивационном плане имеет мало общего с *соломошкиной ладошкой*. Соломонида, как и Соломон, является фольклорным персонажем, имеющим апокрифические источники. Источником образа является повивальная бабка (или одна из двух повивальных бабок), принимавшая роды у Девы Марии (или пришедшая к ней с Иосифом, когда Мария уже родила сама). А. В. Юдин приводит множество заговоров, в которых упоминается бабка Соломонида, причем форма имени варьируется: *Соломоньюшка*, *Соломонида*, *Соломонидушка*, *Соломония*, *Солмания* и т. д. [Там же]. Заговоры эти, по большей части, относятся к исцелению или защите младенцев, а также к родовспоможению. Соломонида, таким образом, является покровительницей рожениц и новорожденных, что логичным образом проистекает из библейского образа персонажа. В [Березович 2018, 129] также упоминается, что ятрышник широколистный применяется как целебное растение для родовспоможения и при лечении женских болей, что позволяет предположить о наличии мотивационной основы номинации именно в этом библейском сюжете.

Еще один возможный источник мотивации деривата – сюжет 6-7 века из апокрифического евангелия Псевдо-Матфея, упомянутый А. В. Юдиным [Юдин 2011]: когда у Марии начинаются роды, Иосиф уходит искать повивальную бабку. Он встречает двух повитух, Зелому (Гелому) и Саломею. Зе-

лома первой проверяет и подтверждает девственность Марии, Саломея же ей не верит и проверяет во второй раз. Старуха убеждается в девственности Богородицы, однако после этого у нее иссыхает рука, которую Саломея исцеляет, прикоснувшись к пеленам новорожденного Иисуса. Связь номинации растения с персонажем через мотив руки можно проследить и в этом сюжете.

Как видно из приведенного материала, приамур. *соломошкина ладошка (ручка)* ‘герань Власова, *Geranium wlassovlanum* Fisch.’ и приаргун. *соломонидина ручка* ‘растение ятрышник широколистный, *Orchis latifolia* L.’, скорее всего, имеют разные источники мотивации и, кажется, никак не связаны между собой, хотя и фиксируются в одном семантическом поле. Следовательно, в данном случае только на основе приведенных языковых фактов мы не можем предполагать наличие микросистемы производных от имен *Соломон* и *Соломонида*. В. Н. Топоров пишет: «Определенные связи Соломонии-Салманиды с премудрым Соломоном, нередко выступающим в заговорах и в общих списках и индивидуально <...>, существуют, и, кажется, могут быть доказаны, но при выходе за пределы заговоров, в более широком круге «народных» и «литературных» древнерусских «соломоновых» контекстов» [Топоров 1993, 102]. Автор ограничивается только этим замечанием, не приводя дальнейших аргументов, а Е. Л. Березович, К. В. Осипова и А. В. Юдин не устанавливают однозначной корреляции или отношений производности между этими персонажами. На данном этапе однозначно можно сказать лишь то, что эти персонажи и их имена, судя по собранному апеллятивному материалу, не образуют искомым в данной диссертации типов связей. Вопрос же о корреляции персонажей в более широком культурном контексте остается открытым по причине многогранности образов и сложности их интерпретации.

Отношения производности однозначно фиксируются в названиях и именах ритуальных чучел или кукол, представляющих супружескую пару или пару жениха и невесты. Наиболее популярную для русской традиции пару делали на праздник Семик (конец мая): *Семик* и *Семичиха*. Кукол оставляли

на ночь под деревом, а наутро их спрашивали: «*Как вы ночку провели, молодца с молодцом?*», затем чучела уничтожали [Агапкина 2002, 525]. Этот ритуал переключается с эротическо-матримониальной обрядностью конца весны и начала лета (в частности, с купальской и троицкой). Куклы стоят в одном ряду с ритуальными бесчинствами и играми, направленными одновременно на налаживание «предбрачных контактов» и на то, чтобы молодые люди могли в рамках регулируемых социумом обрядов выплеснуть накопившуюся сексуальную энергию. Были распространены и «валяния на соломке», а также ночевки девушек в доме у парней, причем девушка могла ночевать с любым парнем (а иногда и не с одним), а ее жених, если таковой был, не имел права ревновать. Отголосок таких ночевок видится и в ритуале с оставлением кукол «наедине» на ночь. Впрочем, иногда брачные мотивы в ритуале отсутствуют, и тогда *Семик* и *Семичиха* предстают в образе пары стариков. Кроме того, Т. А. Агапкина не исключает и того, что в сходности имен кроется не только матримониальная составляющая, но обряд включает в себя отголоски близнечного культа, а значит, не исключено присутствие и темы инцеста [Там же, 524-525].

Что же касается имен этих кукол, то однозначно их назвать апеллятивными дериватами, конечно, нельзя. Во-первых, статус данных единиц скорее можно определить как мезолексы, а, во-вторых, это скорее «квази-имена», придуманные специально для обряда. Мужское имя здесь – производное от названия праздника, а женское – производное от мужского по частотной модели с использованием суффикса -их, с помощью которого от имени мужа нередко образуется имя-прозвище жены (ср., например, такой контекст: *Особенно раньше по фамилиям никто не называл, по мужу все, например, Александра Мишиха, если муж Михаил, а даже просто Мишиха, Яшиха* [Подюков, 41]). По функции эту флексию можно сравнить с французским -ette или -elle при образовании женских имен, однако во французском языке составленные таким образом онимы воспринимаются как полноценные женские имена). *Семик* и *Семичиха*, таким образом, хоть и являются микросистемой

языковых единиц в рамках ритуала, однако, за отсутствием производящих производящих личных имен, данная микросистема с точки зрения верификации наличия связей между невоплощенными антропонимами оказывается мало информативна.

То же можно сказать и о паре троицких ряженных, двух пожилых женщинах, переодетых в мужскую и женскую одежду, и называемых *Русалка* и *Русалим* [Там же]. Отличие этой пары в том, что здесь производным, скорее, можно считать мужское имя. Интересен также вопрос о возможности контаминации *Русалим* с *Иерусалим*, либо образования первого от второго путем редукции начальных гласных (тем более, что *Русалим* фиксируется в некоторых современных текстах как народное название Иерусалима [Русалим. В гости к Богу] и как название паломнических центров [Русалим]), однако этот вопрос лежит за рамками настоящего исследования.

В русском языке можно найти любопытные факты, когда пара дериватов мужского и женского рода от одного и того же имени создается в рамках заговора. При этом стоит оговориться, что заговорные тексты приводятся для создания контрастивного фона, а ономастический материал заговоров не попадает в фокус исследования, так как не образуют апеллятивных дериватов, которые составляли бы полноценную микросистему.

Специфика самого заговора и имени собственного в нем играют ключевое значение. Имя в заговоре – это не просто воззвание к святому. Само имя как слово заговора обладает магической силой, оно персонифицирует волшебные силы, которые помогают человеку исполнить желание, высказываемое в заговоре. Эти имена «относятся к высшему («персонажному») уровню заговорной структуры и от помощи «персонажей» этого уровня в сильнейшей степени зависит успех заговора, а само именование, называние имени и есть включение в «действие» этих персонифицированных сил и ценностей» [Топоров 2006, 400]. Обычно в заговоре употребляется имя святого, перенесшего ту же нужду, что и проситель, или каким-либо образом связанного с областью «запроса». Но встречаются и «довольно хаотические «именные»

композиции, свидетельствующие о принципе «кашу маслом не испортишь» [Там же, 405]. Такие хаотичные нагромождения, тем не менее, организуются в систему внутри заговора по различным формальным признакам. Это может быть объединение необязательно парных имен в пары или триады, рифмовка, ритмическое членение, и т. д.

Например, пара *Ховрон* и *Ховронья* в заговоре на ратное дело: *Пошель Ховронъ въ лъсъ, Ховронъ Ховронычь, жена его Ховронья; сынъ его не умнѣ вышель, какъ пень, и удариль въ пень; порохъ—сажа, желъзо—земля, и во вѣки вѣковъ, аминь* [Майков, 145]. Представляется, что первичным в данной паре является имя женского мифологического персонажа, возникшее благодаря созвучию имени *Феврония* и слова *хавронья*. В рассматриваемом заговоре сработал акрофонический принцип [Топоров, 405], пара антропонимов была создана по принципу фонетического сходства. Таким образом, мы видим полноценную пару двух имен, функционирующих в тексте заговора.

Более интересные случаи – это обращение к святому мужского пола в женском роде. Один из таких примеров можно увидеть, опять же, в заговоре: *Четыре сестрицы, Захарій да Макариій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянья, сами говорили, чтобы у раба Божія (имя рекъ) щеки не пухли, зубы не болѣли вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ до вѣку. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ; ключь въ воду, а замокъ въ гору* [Майков, 35]. В данном случае нас интересует пара *Захарий* и *Макарий*. Очевидно, что имена «встали в пару» благодаря ритмике и рифме – важным факторам внутренней организации заговорного текста. Это верно и для остальных трех имен – *Дарья*, *Марья* и *Ульянья*. Однако остается неясным обращение к Захарию и Макарию, персонажам явно мужского пола, словом *сестрицы*. Возможно, это связано все с той же внутренней организацией заговора, когда форма текста и его ритмика играют настолько важную роль, что ради благозвучия и единообразия всех персонажей заговора можно пренебречь правильностью обращения.

Зафиксированы факты обращения к святым мужского пола или именованья их праздника словом *матушка*: *Никола-матушка* – церковный празд-

ник в честь святого Николая-чудотворца [СРНГ 21, 232]. Установить мотивация данной номинации представляется сложной задачей. Одно из значений слова *матушка* – фольк. ‘о том, что является важным, значительным, выделяющимся среди другого’ [СРНГ 18, 39]. Важность сему пола или рода обозначаемого объекта в дефиниции не указывается. Можно сделать предположение, что *матушка* в данном случае употребляется именно в этом значении, не актуализируя сему женского пола, а лишь указывая на важность святого и его праздника.

С другой стороны, в рассказе «Золотая беда» Вячеслава Шишкова был найден следующий контекст: *Якут подался в страхе назад, сорвал с головы шапку и, пав на снег, неистово заголосил: «Бог Никола, заступайся!.. Эй, Никола матушка, подсобляй!..»* [Шишков]. Так как в словарных статьях обращение к святому Николаю со словом *матушка* найдено не было, то кажется, что первичным могло быть именно обозначение праздника, где *матушка* употреблялось, чтобы подчеркнуть важность праздника безотносительно к полу святого.

Возможно, на употребление форманта *матушка* повлияла и сама форма имени *Никола*, по формальным признакам походя на женское имя. Представляется, что форма имени могла повлиять лишь на употребление слова *матушка* с рассматриваемым онимом, но не могла стать первопричиной возникновения такого употребления.

Некоторые намеки на причины наблюдаемого явления можно увидеть в истории корня **mater-*. В частности, стоит вспомнить о таких словах, как *матерый, заматореть*, слав. **matorъ* ‘матерый, сильный, старый’, лат. *maturus* ‘зрелый’, которые, «возможно, представляют один из следов положения женщины-матери в древности» [Трубачев, 32]. С этим же фактом можно связать и современное диалектное значение слова *матушка*, о котором говорилось выше. Конечно, однозначно доказать, что номинация *Никола-матушка* напрямую связана с древним культом матери, не представляется возможным. Тем не менее, такое направление рассуждений кажется небезын-

тересным и небезосновательным. Производные от корня **mater-*, которые в древности, под влиянием культа материнства и, возможно, идеологии матриархального общества, имели в составе значения семы силы, важности и зрелости, при новом, патриархальном, строе могли, сохранившись в языке с древних времен, употребляться вместе с именами наиболее сильных святых, сохранив семантику силы, но утратив сему рода. Мотивация номинации *Никола-матушка* может, таким образом, иметь очень древние корни.

Еще один святой, а, точнее, пара святых, слившихся в одного фольклорного персонажа и в этой слитной форме получившие обращение *матушка* – это святые Кузьма и Демьян: *Матушка Кузьмадемьяна! Скуй нам свадебку долго-надолго, крепко-накрепко, до седой головушки, до долгой бородушки* [Атрошенко, 228]. Зафиксировано и обращение *батюшка*: *Батюшка Кузьма-Демьян! Сравняй меня, позднюю, с ранними!* [Там же]. Оба контекста – это обращения к святым, фольклорные тексты. При обращении *матушка* имена *Кузьма* и *Демьян* сливаются в одно, теряется сема парности святых. Возникает одиночный персонаж, имя которого было «подогнано» под женский вариант.

Если в заговорных текстах возникновение искусственно созданных пар имен и «сестриц» мужского пола можно объяснить доминантой формальных признаков структурной организации, которые придают заговору его особую форму и звучание и, следовательно, магическую силу, то в двух последних случаях мотивация именованья все же остается неясной.

Материал, приведенный в данном разделе, показывает влияние системы языка и антропонимикона на возникновение парных связей между отантропонимическими дериватами. Во французском языке, где у большинства популярных в народной среде мужских имен есть женский вариант, модель возникновения деривата от женского имени в том же значении, в котором уже употребляется дериват от мужского, широко распространена. Как было показано, первичным чаще всего являются производные от мужских имен,

которые впоследствии обуславливают употребление дериватов от женского варианта имени в том же значении.

В английском антропонимиконе образование женского имени от мужского также широко распространено, однако наиболее обширную систему значений развивает пара дериватов от самых популярных имен *John* и *Jane*. В данном случае, возможно, деривации способствует не только тот факт, что две формы имени являются, по сути, производными от одного онима, но оказывает влияние и фонетическая аттракция. Имена довольно сильно схожи по звучанию и, как кажется, их фонетическое подобие могло дополнительно способствовать объединению дериватов, например, в составе устойчивых выражений или песен, где ритмичность и благозвучность играет не последнюю роль.

О верификации наличия в сознании носителя языка связей между невоплощенными антропонимами, производящими дериваты данной группы, говорить следует осторожно. С одной стороны, мужской и женский вариант одного имени, несомненно, будут коррелировать в сознании носителя просто потому, что это, строго говоря, две формы одного онима. С другой стороны, такие пары образуют полноценные микросистемы, и, проанализировав лексический материал, нельзя отрицать наличие системных отношений между элементами этих микросистем. Представляется возможным сделать вывод о том, что формальная корреляция в случае с дериватами данной группы первична, то есть пары имен создаются не на основе культурных или других экстралингвистических реалий, как, например, некоторые пары, рассмотренные в разделе 2.1 настоящего исследования, а на основе языковых закономерностей. Следовательно, при возникновении необходимости дать название какой-либо реалии, включающей в себя противопоставление по половому признаку в том или ином виде (мужчина и женщина, самец и самка животного, мужские и женские принадлежности, «главное» погодное явление и «подчиненное», следующее за ним, как жена за мужем), из массива языковых

единиц извлекаются лексемы, уже составляющие подобную пару взаимодействующих противоположностей.

Таким образом, о связи между невоплощенными антропонимами во французском и английском языках, представляющих собой мужской и женский вариант одного и того же имени, кажется возможным говорить лишь с некоторыми ограничениями. Количество фиксаций и разветвленность семантики микросистемы дериватов данной группы зависит скорее не от двух имен как пары, не от их совместных культурных коннотаций и силы их связи между собой, а от популярности основного, чаще мужского, имени пары и его производительности в плане деривации. Второе имя системы, чаще женское, следует за первым, вбирая его коннотации, релевантные для второго референта. Если представить такую корреляцию в виде системы координат двух имен, описанных в первой главе, то мы увидим не две, а одну систему, так как оним задействован, по сути, один. Точек пересечения здесь тоже не будет, но будет разное наполнение одной и той же системы (в женском варианте значений обычно несколько меньше) практически в одних и тех же значениях. Две системы, фактически, полностью накладываются друг на друга, а разница в значениях видна только в семе пола.

Итак, вывод о наличии связи между невоплощенными антропонимами, от которых образованы дериваты рассматриваемой группы, зависит от того, с какой позиции исследователь анализирует материал. Если воспринимать женский и мужской вариант имени как две разные культурные и языковые единицы, то, в какой-то степени, о корреляции невоплощенных антропонимов говорить действительно можно. Автору же настоящего исследования ближе иная позиция. Если два имени очевидно восходят к одному, являются его вариантами с единственным различием по полу и так же воспринимаются и носителями языка, что видно по их дериватам, то и воспринимать их следует именно как варианты одного имени. Подобные микросистемы, конечно, представляют интерес для исследователя, однако о связи между мужским и женским вариантом имени можно судить и не углубляясь в анализ отантро-

понимических микросистем: достаточно иметь представление об их популярности в народе, а верифицировать это можно через не составляющие микросистем дериваты, то есть через коннотативный фон каждого имени в отдельности. Большой интерес, как кажется, представляют более сложные случаи, когда элементы микросистемы являются производными от разных онимов. Тем не менее, опускать такой широкий пласт материала, конечно же, нельзя, а некоторые микросистемы этой группы могут представлять определенный интерес даже в культурологическом и этнографическом плане.

Для русской антропонимической системы подобная парность дериватов от вариантов одного имени характерна в меньшей степени, чем для системы французской и английской. Тем не менее, в русском языке было найдено несколько любопытных фактов, когда пара имен создается искусственно или к мужским именам прибавляется формант женского рода – *сестрица* или *матушка*. Вряд ли последнее связано с созданием персонажа женского пола или каким-то иным восприятием именуемого святого. Представляется, что данные именованья могли появиться под влиянием структурной организации заговорного текста и фольклорных приговорок, хотя до конца мотивация не ясна.

3.2. Фонетическая аттракция

Фонетическая аттракция – еще один путь возникновения пар отантропонимических дериватов в языке. Дериваты сближаются благодаря сходству внешней фонетической формы. Пары, образованные данным способом, можно встретить как в русском, так и во французском и английском языках, в силу универсальности и распространенности модели, однако природа аттракции в разных языках несколько отличается.

Образованные по данной модели пары в русском языке могут составлять сложную лексему и обозначать один объект: *ванька-танька* – ‘растение иванчай’ [СРГК, 161]. Но функционирование подобных пар не ограничено каким-либо одним семантическим полем или одной моделью. Парные дериваты могут обозначать и два парных объекта или множество однородных объектов: *В*

войну Дуньки да Груньки сидели (на тракторах), а Петряйков не было? И трактора зябнут, и Дуньки зябнут [СРНГ 26, 331]. Дуньки да Груньки в данном случае – женщины, Петряйки – мужчины. Во второй части контекста в значении ‘женщины’ употребляется уже только один дериват – Дуньки, что наводит на мысль о том, что парное употребление призвано подчеркнуть идею множественности однородных объектов.

Какова Улька, такова и Акулька [СРНГ 1, 228]; Прошка, Ерошка да Колупай с братом ‘о малочисленности чего-либо’ [СРНГ 33, 50]; фомка да ерёмка ‘о случайно собравшихся людях, которые берутся что-либо делать сообща, но делают неумело’ [Элиасов, 434]; поговорка сито, решето – то ли не посуда, Марья да Дарья – то ли не жена, ельник да березник – то ли не дрова, пироги да шаньги – то ли не еда [Подвысоцкий, 191]. Корреляция производных от Марья и Дарья проявляется и в хрононимах: Дарьи говнопролубницы (19 марта) и Марьи говнопролубницы (1 апреля) ‘весеннее время во второй половине марта, когда ручьи несут в проруби и на реках и озерах самую грязную навозную воду’ [СРНГ 7, 255]. В случае календарных именований важную роль играет и близость дат в календаре, сходство погодных условий в эти даты. Тем не менее, не менее важным кажется и фонетическое подобие имен. Машками и Дашками часто называют овец: Дашка ‘типичное имя овцы’, дашки-дашки ‘подзывные слова для овец’ [ЛК ТЭ], машка ‘слово, которым подзывают овец’ [СРНГ 18, 59].

Как уже было сказано выше, фонетическая аттракция часто служит организующим фактором в заговорных текстах – имена рифмуются и, на основе рифмы, объединяются в пары: Четыре сестрицы, Захарий да Макарий, сестра Дарья да Марья... [Майков, 35]. Такая организация текста придает ему своеобразный ритм, характерный для заговорного и ритуального текста, которому приписываются магические свойства.

По принципу рифмы отантропонимические дериваты объединяются не только в заговорных, но и в песенных текстах, не имеющих магической функции: Ко мне Сашенька, ко мне Машенька сама в гости пришла; Ай, хо-

рошая – зовут ее Машею, Машею-Дуняшею [Хроленко, 62]. Как и в предыдущем случае, возникновение подобных пар объясняется природой текста, в которой функционирует пара: рифмующиеся отыменные производные помогают сохранять рифму и ритм, необходимый для песни.

Во французском языке модель объединения отыменных дериватов в пару на базе фонетической аттракции также широко распространена, но имеет несколько иную природу, чем в русском языке. Имена французского антропонимикона часто объединяются в пары и образуют парные дериваты именно благодаря созвучию начальных слогов: «связью, которая объединяет имена, часто является аллитерация» [Peterson, 20].

Во-первых, рассмотрим уже упомянутую выше пару *Pierre* и *Paul*. О роли культа апостолов в образовании данной пары дериватов было подробно сказано в разделе 2, здесь мы лишь напомним о роли аллитерации в возникновении этой пары. Кажется, что такие фразеологизмы, как *Paul et Pierre* ‘каждый встречный’ [Lingvo], *prendre (Saint) Pierre pour (Saint) Paul* <принять (святого) Петра за (святого) Павла> ‘принять одного за другого, обозначаться’ [Peterson, 20; Guillemaut, 280; Lincy, 52] появляются не в последнюю очередь благодаря фонетическому подобию начальных слогов имен.

Еще одна пара, образованная благодаря аллитерации: *Gautier* – *Garguille*: *prendre Gautier pour Garguille* <принимать Готье за Гаргия> ‘перепутать, попасть пальцем в небо’, *Gautier et Garguille* ‘всякий сброд’, *se moquer de Gau(l)tier et Garguille* <насмехаться над Готье и Гаргием>, *n'épargner ni Gau(l)tier ni Garguille* <не щадить ни Готье, ни Гаргия> ‘смеяться над всеми, никого не щадя’ [Lingvo]; *ni Gautier ni Garguille* <ни Готье, ни Гаргий> ‘никто’ [Peterson, 22].

По этой же модели *Gautier* кореллирует с *Guillaume*: *Gautier (et) Guillaume* <Готье (и) Гийом> ‘все’ [Peterson, 21-22].

Пару имен *Marie* и *Marthe (Marte)* А. Петерсон сравнивает с дублетами мужских имен, возникающими благодаря аллитерации [Peterson, 109]. Совместное употребление зафиксировано в моралите «Казнь банкета» («La con-

damnacion de bancquet»), написанном Николя де ла Шеснеем в начале XVI века. Деонимы *Marie* и *Marthe* здесь употребляются в значении ‘некто’, не обладая даже семой пола:

*Ce m'est tout ung, Marie ou Marte,
Mais quelque ung s'en repentira* [Fournier, 228].

<Мне все равно, хоть Мари, хоть Марта,
Но кто-то раскается в этом.>

Устойчивых случаев употребления единиц *Marie* и *Marthe* как связанных между собой деонимов найдено не было. Имеет место окказиональная фиксация онимов в сборнике народных поверий и традиций «*Mélusine*»: православные арабы называли гробом Лазаря – *cercueil de Lazare* – четыре звезды, которые формируют ковш Большой Медведицы, а Марией, Мартой и служанкой (*Marie, Marthe et la servante*) – три звезды, из которых состоит его «ручка» [Gaidoz, 37]. В данной номинации очевидно влияние библейских персонажей – сестер Лазаря, Марии и Марфы, но мы не можем принимать во внимание это употребление, так как оно выходит за рамки интересующей нас лингвокультуры. Тем не менее, данная фиксация показывает, что и в моралитэ не исключено влияние библейского мифа, пусть оно и не так очевидно, как в случае с *Pierre* и *Paul*. Представляется, что в этом случае логичным будет согласиться с А. Петерсоном в том, что аллитерация здесь играет ведущую роль.

В английском языке обращает на себя внимание пара *Jack* и *Jill/Gill*: *a jack of all trades is master of none* <человек всех ремесел ни в одном не мастер> ‘о человеке, который может выполнять различные виды работ, но не достигнувшем мастерства ни в одном из них’ [Siefring, 155]; *Gill/Jill of all trades* <Джилл всех ремесел> ‘мастерица на все руки’, *Jack and Gill/Jill* <Джек и Джилл> ‘парень и девушка, влюбленная парочка’; *a good Jack makes a good Jill* <у хорошего Джека – хорошая Джилл> ‘каков муж, такова и жена; у хорошего мужа и жена хорошая’; *all shall be well, and Jack shall have Jill* (выражение популяризировано Шекспиром) <все будет хорошо, и Джилл до-

станется Джеку> ‘говорится о счастливом конце книги, пьесы и т. п.’ [Lingvo]; *every Jack has his Jill* <у каждого Джека есть своя Джилл> ‘каждый, в конце концов, найдет подходящего человека, с которым можно будет разделить жизнь’ [Manser, 77]. Интересно современное значение термина *Jack and Jill* в социальных танцах (в русском языке устоялся как *Джек-и-Джилл*) ‘формат соревнований, при котором судьи оценивают не пару, а каждого участника в отдельности’ [Танцевальный словарь]. В таких соревнованиях участник должен показать умение взаимодействовать с незнакомым партнером и сходу интерпретировать музыку, которую он не слышал ранее.

Jack and Jill/Gill фиксируется также в детских стихотворениях:

<i>There were two blackbirds</i>	<Два черных дрозда
<i>Sat upon a hill,</i>	Сели на холм,
<i>The one was nam'd Jack,</i>	Одного звали Джек,
<i>The other nam'd Gill;</i>	А другого звали Джилл;
<i>Fly away Jack,</i>	Улетай, Джек,
<i>Fly away Gill,</i>	Улетай, Джилл,
<i>Come again Jack,</i>	Вернись, Джек,
<i>Come again Gill.</i>	Вернись, Джилл.>

[Opie, 147]

Стих является частью детской игры. К указательному пальцу на каждой руке приклеивается по бумажке, одна из которых – Джек, а другая – Джилл. Участники кладут два пальца на край стола так, чтобы пальцы прижимал бумажку к столу. Игроки хором читают стих и на словах «улетай, Джек» делают мах той рукой, на которой приклеена бумажка, изображающая Джилл и, возвращая руку на стол, прячут указательный палец с «Джилл» под столешницу, сменяя его средним пальцем. То же самое проделывается и той рукой, которая представляет «Джека», при словах «Улетай, Джек». На слове «Вернись» участник должен таким же образом вернуть на стол указательный палец с соответствующим названному имени бумажкой.

Gill в данном контексте может быть и мужским именем [Рыбакин, 96], и оно еще встретится нам в этом качестве в одном из следующих стихов. К тому же, показательно, что «языческие» Джек и Джилл в «христианской» версии стиха заменяются мужскими именами (Петр и Павел, см. главу 2) [Opie, 147], а не, например, именами Джон и Мария. Однако в контексте игры пара птиц могла восприниматься и как самец и самка.

Еще один стишок, где второе имя уже принимает форму *Jill* и однозначно употребляется в значении ‘девочка’ (*Jack* здесь – в значении ‘мальчик’) [Opie, 226]:

<i>I won't be my father's Jack,</i>	<Я не буду папиным Джеком,
<i>I won't be my mother's Jill,</i>	Я не буду маминой Джилл,
<i>I will be the fiddler's wife</i>	Я буду женой скрипача
<i>And have music when I will.</i>	И буду слушать музыку, когда
<i>T'other little tune, t'other little</i>	захочу.
<i>tune.</i>	Тот, другой мотив, тот, другой
<i>Prithee, love, play me t'other little</i>	мотив,
<i>tune.</i>	Пожалуйста, любимы, сыграй
[Opie, 229]	мне тот другой мотив.>

Также *Jack* и *Jill* фигурируют в качестве супружеской пары в следующем стихотворении:

<i>Jack will eat no fat,</i>	<Джек не ест жирное,
<i>And Jill doth love no lean.</i>	А Джилл не любит постное.
<i>Yet betwixt them both</i>	Но все же они вдвоем
<i>They lick the dishes cleane.</i>	Дочиста вылизывают тарелку.>
[Opie, 238]	

Понять, что в этом стихе рассматриваемая пара выступает именно в качестве мужа и жены можно, взглянув на другие варианты того же стихотворения, где по имени назван только Джек, а Джилл просто названа женой:

<i>Jack Sprat could eat no fat,</i>	<Джек Спрэт не мог есть жир-
<i>His wife could eat no lean.</i>	ное,

*And so between them both, you see,
They licked the platter clean.*
[Opie, 238]

Его жена не могла есть постное,
И все же вместе, видите ли,
Они дочиста вылизали блюдо.>

Стих был известен по крайней мере с 1639 года (первая фиксация в собрании поговорок Джона Кларка), причем более ранней представляется первая версия стихотворения, так как в этом источнике оно представлено именно в таком виде [Opie, 238].

Наибольший интерес исследователей, однако, вызывает следующее шуточное стихотворение:

*Jack and Gill
Went up the hill,
To fetch a pail of water;
Jack fell down
And broke his crown,
And Gill came tumbling after*
[Prideaux, 37].

<Джек и Джилл
Забрались на холм,
Чтобы набрать ведро воды;
Джек упал
И сломал корону,
А Джилл покатила (покатился)
следом.>

Стих впервые зафиксирован именно в таком виде в XVIII веке в сборнике детских стихов и колыбельных песен под названием “Mother Goose’s Melody”, «Мелодия Матушки гусыни», однако рифма *water* и *after* (*wahter/ahter*) может указывать на то, что написано стихотворение было в первой половине XVII века [Opie, 226]. Что интересно, в первом известном издании сборника на картинке, сопровождающей этот стих, нарисованы не мальчик и девочка, а два мальчика. Это может объясняться тем, что *Gill* может быть и мужским именем, дериватов от *Gillian* [Рыбакин, 96]. Не исключено, что изначально второй персонаж этой истории был именно мужского рода, и речь шла о двух мальчиках, но позже Джилл-друг Джека превратился в Джилл-подругу. Интересно первое издание еще и тем, что после каждого стишка автор раскрывает его смысл, выводит мораль, либо своими словами, либо цитируя подходящую максиму. На странице с интересующим нас стихом видим следующее: *The more you think of dying, the better you will live* <Чем больше думаешь о

смерти, тем лучше будешь жить» [Prideaux, 37]. Максима, на первый взгляд, довольно странная, так как в стихе читатель не видит прямых намеков на смерть. Кроме того, и текст стиха крайне нелогичный: зачем, например, идти на вершину холма, чтобы набрать воды? Ведь воду обычно удобнее набирать внизу, на склонах или под холмом, если только не нужна какая-то особенная вода или роса, например, для ритуала. Кажущихся нестыковок в стихе, действительно, много, и поэтому у него появляется множество толкований.

В [Opie, 225] приводится еще несколько строк, которые были добавлены к стихотворению позже. В частности, в исследовании приведено продолжение стиха из сборника 1820 года:

<i>Then up Jack got,</i>	<Джек поднялся
<i>And home did trot,</i>	И побежал домой
<i>As fast as he could caper:</i>	Так быстро, как только мог.
<i>Dame Gill did the job,</i>	Дама Джилл сделала дело,
<i>To plaster his nob</i>	Наложила ему на голову шину
<i>With vinegar and brown paper.</i>	Из уксуса из коричневой бумаги.
<i>Then Jill came in,</i>	Затем пришла Джилл?
<i>And she did grin,</i>	И она насмеялась
<i>To see Jack's paper plaster;</i>	Над бумажным гипсом Джека.
<i>Her mother whipt her,</i>	Ее мать выпорола ее,
<i>Across her knee,</i>	Положив на колено,
<i>For laughing at Jack's disaster.</i>	За то, что она смеялась над бе-
[Opie, 225]	дой Джека.>

Это только один вариант продолжения стиха. В некоторых изданиях повествование было продолжено до объема в пятнадцать строк [Opie, 226], и все эти дополнения представляют собой более поздние «вариации на тему». Мы же сосредоточимся на анализе первого, самого раннего стихотворения, так как наибольший интерес в плане мотивационной основы представляет именно эта строфа.

Некоторые исследователи предполагают, что в стихе может быть отражена история казни французского короля Людовика XVI, который «слома» или «потерял» корону, и королева Марии-Антуанетты, которая «покатилась следом». Источник указывает, что эта версия имеет право на существование, так как королевскую чету казнили в 1793 году, а стих был опубликован в 1795 [Jack], однако нам эта версия все же кажется сомнительной. Два года, как кажется, – это недостаточно продолжительный срок, чтобы стих из политической карикатуры перешел в разряд детских считалок и присказок, причем перешел настолько, чтобы включить его в сборник детских стихов и колыбельных песен. Стоит принять во внимание и тот факт, что автор первого сборника не мог подготовить его к печати в одночасье: в книге около 80 произведений, и автору нужно было некоторое время, чтобы их собрать и оформить.

Вторая версия – история влюбленной пары, якобы жившей в деревушке Килмерсдон в Сомерсете в 1697 году. Молодых людей звали Джек и Джилл, и встречи друг другу они назначали на вершине холма, подальше от посторонних глаз. Затем Джилл забеременела, но еще до рождения ребенка Джек умер от того, что ему на голову (с того же холма) упал камень. Джилл затем умерла при родах [Jack]. Кажется вероятным, что это, скорее, поздняя интерпретация стиха на довольно ограниченной территории, а не его источник.

Третья теория гласит, что стих восходит к событиям, имевшим место в правление короля Карла I (1600-1649). Король хотел увеличить налог на алкоголь, чего не допустил Парламент, и тогда Карл решил уменьшить единицы объема, которыми измерялись алкогольные напитки при продаже. Алкоголь продавался пинтами, полу-пинтами, называемыми *Jack*, и четвертями пинты, называемыми *gill* (произносится как [gil]), отсюда – *Jill*. Таким образом, налог на алкоголь все же был повышен, а новая полу-пинта стала отмечаться на бокалах линией с маленькой короной, в память о дне, когда *Jack* и *Jill* «упали с холма» [Jack].

Однако, как кажется, все эти версии могут считаться только интерпретациями стиха, так как, как было сказано выше, пара *Jack* и *Jill* в значении ‘мужчина и женщина’ упоминается уже в 1595 в шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь» [Shakspeare]. Дериваты от интересующих нас имен, таким образом, употребляются как пара значительно раньше всех описанных выше событий, что, впрочем, и не исключает того, что эта пара могла быть вписана в стих, составленный по тем или иным событиям.

Наиболее состоятельной, тем не менее, нам представляется версия исследователя S. Baring-Gould, которая связывает Джека и Джилл с персонажами Младшей Эдды по имени Хьюки и Биль. Сестра и брат были украдены лунным богом Мани, когда возвращались домой с ведром воды, подвешенным на палке, которую дети держали вдвоем, с двух концов. Дети затем были помещены в рай, где их могли видеть все жители земли (в виде пятен на поверхности Луны). Падение же Джека с холма (а за ним – и падение Джилл) – это не что иное, как лунные пятна, которые исчезают один за другим во время смены фаз Луны [Baring-Gould, 201-202].

Пара детей, несущих ведро воды, олицетворяет собой влияние Луны на дожди и приливы и отливы. Имя брата в скандинавской культуре, *Hjuki*, происходит, согласно источнику, от глагола *jakka*, ‘собирать вместе, собирать в кучу, увеличивать’, а имя сестры, *Bil*, – от глагола *bila* ‘ломать, растворять, исчезать’. Дети, таким образом, – это две противоположные силы Луны, влияющие на водную стихию: «брат» собирает дожди и вызывает приливы, тогда как «сестра», наоборот, вызывает отливы [Baring-Gould, 202]. И, хоть эти персонажи при превращении в Джека и Джилл и изменились практически до неузнаваемости, черты первоначального мифа все же видны и в нашем стихотворении. Baring-Gould полагает также, что и имя *Jack*, использованное в стихе, могло произойти от *Hjuki* (*Juki*), а *Bil* превратилась в *Jill* из соображений благозвучия [Baring-Gould, 202].

Итак, из приведенного материала видно, что пара *Jack* и *Jill/Gill* в английском языке имеет довольно древние корни. Наиболее вероятной нам ка-

жется связь этой пары со скандинавскими легендами о происхождении лунных пятен, хотя напрямую она и не прослеживается: сами Джек и Джилл в контекстах, эксплицитно связанных с этой легендой, не фигурируют. Тем не менее, в одном из популярных детских стихов эту связь можно заметить. К тому же, эта версия поддерживается еще и тем, что английская лингвокультура долгое время тесно контактировала со скандинавской в период с VIII до XI век, известный как «Эпоха викингов» [Алешина, 205-209]. Не последнюю роль в формировании рассматриваемой микросистемы сыграла и фонетическая аттракция: имена хорошо звучат вместе благодаря аллитерации, а в стихе созвучны по ритмическому рисунку. И, если для этой пары и сложно четко выделить мифологическую основу (версия с Младшей Эддой все же остается, пусть и в некоторой степени обоснованным, но предположением), то влияние фонетики на распространение и популярность дериватов именно в паре кажется очевидным: аллитерация и одинаковая длина имен (а, следовательно, схожая ритмика) делает эту пару очень удобной для употребления в устойчивых выражениях.

Случаев, когда имена объединяются на основе рифмы, а не аллитерации, в английском языке нами найдено не было. Можно вспомнить, разве что, пару *John Doe and Richard Roe* <Джон Доу и Ричард Роу> ‘истец и ответчик (взамен имён истинных юридических лиц)’ [Lingvo], однако здесь рифмуются не антропонимы, а выдуманные фамилии.

На основе проанализированного материала видно, что для создания формальных связей данного типа в русском языке наиболее важную роль играет рифма, тогда как во французском и английском языке пары чаще образуются благодаря аллитерации. Хотя ряд вариантов одного имени во французском и английском языках может быть не менее разнообразен, чем в русском (ср., например, фр. *Marie, Marion, Manette, Manion, Marotte, Magnon, Mariole* и т.д.), и найти рифмованную пару одному из вариантов имени не составляет труда, тем не менее, предпочтение отдается аллитерации и литера-

турным (полным) вариантам имен. Представляется, что это расхождение можно объяснить разницей словообразовательных моделей. Русские уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые хорошо рифмуются, могут быть подставлены к любому популярному имени в любом диалекте, они присутствуют в системе языка, в то время как во французском языке уменьшительно-ласкательные варианты имени разнятся в зависимости от диалекта (в частности, приведенные выше варианты имени *Marie* являются диалектными вариантами уменьшительно-ласкательной формы, найденными в материале нормандского, пикардского, валлонского и лионского диалектов), а в английском языке уменьшительно-ласкательные формы одного имени со временем нередко становятся разными именами, как было показано выше.

Что же касается фонетической аттракции как инструмента верификации корреляции между производящими антропонимами, то здесь все не так очевидно, как при анализе пар мужского и женского вариантов имен. С одной стороны, составные лексемы и совместные употребления дериватов и имен в одном контексте могут фиксироваться окказионально, не являясь признаком наличия каких-либо системных связей. Это, например, *ванька-танька* – ‘растение иван-чай’ [СРГК, 161] и *Дуньки да Груньки* ‘женщины’ в русском языке [СРНГ 26, 331] или *Marie* и *Marthe (Marte)* в значении ‘некто’ [Peterson, 109] во французском. С другой стороны, с помощью фонетической аттракции могут связываться в пару два популярных в народной среде имени, например, рус. *Мария* – *Дарья* (в частности, в формах *Марья* – *Дарья*, см. выше) и фр. *Guillaume* – *Gautier/Garguille*. Однозначно сказать, являются ли подобные случаи интересующими нас парами невоплощенных антропонимов, формирующих культурный концепт, прочно закрепившийся в сознании носителя, довольно трудно. В то же время, невозможно отрицать наличие между этими именами корреляции, пусть и более слабой, чем в случае, например, пар, основанных на библейской мифологии. Подобные случаи показывают, что микросистемы отантропонимических дериватов имеют разную «силу» связи,

то есть у некоторых систем корреляция выражена значительно сильнее, чем у других.

Интерес в данной группе представляют и такие пары, как фр. *Pierre* и *Paul* и англ. *Jack* и *Jill*. В первом случае основа возникновения пары – мифологический код, а фонетическая аттракция играет пусть и не определяющую, но, по крайней мере, вспомогательную роль в возникновении пары дериватов или, скорее, в поддержании дальнейшей «жизни» этой микросистемы в языке. Во втором же случае прецедентного текста, на котором могла бы быть основана микросистема, на собранном материале однозначно не прослеживается. С учетом параллелизма мифа из Младшей Эдды и некоторых текстов, в которых фиксируется пара *Jack* и *Jill*, можно сделать предположение, что каким-то образом этот миф на рассматриваемую микросистему все же влиял (особенно под влиянием скандинавской культуры, на раннем этапе ее формирования, письменных фиксаций которого, к сожалению, не сохранилось), но уже в английской лингвокультуре определяющую роль в распространении и популяризации пары в совместном употреблении все же сыграла фонетическая аттракция.

Заключение

Несмотря на кажущуюся асемантичность и абстрактность невоплощенных антропонимов как единиц языка, не имеющих референта, в работе найден способ с, как кажется, достаточной степенью достоверности верифицировать наличие либо отсутствие системных связей в антопонимиконе – корреляций между невоплощенными антропонимами. Для этого был проанализирован массив отантропонимических дериватов диалектного, литературного и просторечного вариантов русского, французского и английского языков. Представляется, что на языковом уровне антропонимы проявляют свои системные связи через образование микросистем апеллятивных дериватов.

Итоги исследования. Анализ собранного материала показал, что в некоторых случаях говорить о наличии такой корреляции в сознании носителя языка действительно возможно. В частности, наиболее продуктивной группой классификации, предложенной автором, являются микросистемы, образованные на основе прецедентных текстов (в особенности, в широком понимании термина). Имена, принадлежащие персонажам фольклорных и религиозных текстов, часто дают семантически и мотивационно разнообразные системы производных, причем эти производные затем «живут своей жизнью» в языке и народной культуре, «перекрещиваясь» с народной религией, другими фольклорными текстами, а также с обрядовым и бытовым кодами. Семантически материал данной группы оказался крайне разнороден, и, что немало важно, микросистемы дериватов (а, следовательно, и корреляции производящих имен) даже в рамках одной группы классификации имеют много различий. Например, мотивационная основа некоторых микросистем уходит корнями глубоко в народные традиции, вбирая в себя и древние языческие обряды, тогда как другие микросистемы основаны на одном или нескольких текстах сравнительно молодой литературной традиции; в первом случае дериваты образуют разветвленную и богатую значениями микросистему, тогда как во втором – элементов в микросистеме всего два. По такому разнообразию внутри группы мы можем судить о более сильной или более слабой корреля-

ции между невоплощенными антропонимами, либо о наличии этой корреляции только в лингвокультуре определенной эпохи.

Микросистемы остальных групп классификации (корреляции по смежности явлений, пары женского и мужского варианта имени и корреляции на основе фонетической аттракции), как кажется, не являются однозначным аргументом в пользу корреляции между антропонимами, однако и не учитывать этот материал было бы неверно. Микросистемы этих групп часто дают дополнительный вектор развития уже существующим парам и рядам дериватов и, кроме того, могут и сами быть «точкой отсчета» развития их семантики, то есть микросистема, изначально возникшая на основе, например, прецедентного текста, и по этому основанию входящая в группу экстралингвистических связей, может на протяжении «жизни» в языке и культуре поддерживаться механизмами, принадлежащими к другим группам. Например, как в случае с *Pierre* и *Paul* во французском языке или (возможно) *Jack* и *Jill* в английском, когда возникшая на основе прецедентного текста пара имен поддерживается аллитерацией, позволяющей составлять из этих имен звучные пары во фразеологизмах и различных стихотворных текстах.

Возможности выделить четкие и полные критерии наличия между невоплощенными антропонимами искомой связи на данном этапе исследования, как кажется, нет. Чтобы такие критерии были состоятельны в теоретическом плане, необходимо привлечь к анализу не учтенный в диссертации материал других индоевропейских языков христианской традиции (в частности, очевидна необходимость привлечь более широкий славянский материал при анализе, например, пары *Петр* и *Павел*). Тем не менее, мы можем предположить (пусть и в некоторой степени интуитивно), в каком направлении необходимо искать эти критерии при дальнейшей разработке темы.

Во-первых, представляется, что наиболее вероятно наличие связи между теми невоплощенными антропонимами, микросистемы дериватов которых принадлежат к группе связей на основе прецедентных текстов, так как такие микросистемы не только развивают обширные системы значений и выходят

на культурные традиции, обряды и поверья, но и проявляются сразу на нескольких уровнях ассоциативно-деривационной семантики производящих невоплощенных антропонимов (последние имеют, таким образом, сразу несколько «точек сопряжения» на различных уровнях своей семантики).

Во-вторых, аргументом в пользу наличия между антропонимами искомой связи может быть и участие других механизмов, перечисленных в классификации, в «поддержании жизни» микросистемы (например, участие фонетической аттракции в поддержании микросистемы, созданной на основе прецедентного текста), так как либо микросистема образуется в процессе совместного функционирования ее компонентов в языке, а упомянутые дополнительные механизмы не дают зарождающейся микросистеме погаснуть, поддерживая ее употребление, либо само использование этих дополнительных механизмов обуславливается уже существующей в сознании носителя устойчивой микросистемой.

В-третьих, не последнюю роль играет и количественный фактор: лишь одной фиксации часто мало, чтобы говорить о существовании микросистемы дериватов. К тому же, достаточное количество апеллятивных отантропонимических дериватов помогает разграничить языковую корреляцию собственно невоплощенных антропонимов и сюжетную корреляцию персонажей-носителей имени, путаница в которых тоже значительно затрудняет анализ.

И, наконец, важно учитывать и пласты семантики антропонима, на которых находятся найденные в процессе анализа дериватов «точки сопряжения». Этот критерий необходимо применять в совокупности с первым: например, французские пары *Pierre–Paul* и *Gautier–Garguille* на уровне отантропонимических апеллятивных производных имеют, в общем-то, всего одну «точку сопряжения» на уровне частной категориальной семантики («человек»), но пару *Pierre–Paul* мы можем однозначно считать микросистемой, так как она входит в группу связей на основе прецедентных текстов, а пару *Gautier–Garguille* микросистемой можно назвать с оговорками, так как эта пара вошла в группу связей на основе фонетической аттракции, и более нигде в

классификации не фиксируется. А в случае микросистемы *Иван–Мария* пары дериватов возникают сразу на нескольких уровнях семантики онимов (частный категориальный, частный дифференциальный, коннотативный, фреймовый), что тоже является аргументом в пользу того, что эта пара является системой внутри антропонимикона.

Основываясь на приведенном в исследовании материале, мы не можем представить антропонимикон в виде четкой системы, выявить однозначные закономерности взаимодействия его единиц и полностью вывести эту абстрактную систему на материальный, языковой уровень. Однако нельзя отрицать наличие в массиве имен собственных элементов системности: некоторые антропонимы все же образуют устойчивые пары или ряды, проявляющиеся в виде апеллятивных микросистем. Одни корреляции основываются на формальных признаках и отражают специфику языка (например, пары мужского и женского варианта имени, менее распространенные в русской лингвокультуре), другие же оказываются проявлением более глубокой, культурной взаимосвязи имен, которые мало общего с формальной точки зрения (разная этимология, отсутствие фонетической аттракции).

Говоря об элементах системности антропонимикона нельзя не вернуться к вопросу о лексическом значении невоплощенного антропонима. Системные связи между некоторыми антропонимами фиксируются довольно четко, что, как кажется, еще раз свидетельствует о наличии у антропонима лексического значения, ведь какие бы то ни было устойчивые связи между полностью асемантическими единицами вряд ли были бы возможны. Положения работы, таким образом, поддерживают исследования ученых, высказывающихся за наличие у невоплощенного антропонима лексического значения.

Рекомендации и перспектива дальнейшей разработки темы видится в первую очередь в привлечении материала других языков, что привело бы не просто к механическому расширению корпуса материалов, но и к более глубокой теоретической разработке проблематики, так как новый материал позволил бы уточнить и, возможно, расширить предложенную классифика-

цию микросистем от антропонимических дериватов и выявить новые типы системных связей между антропонимами, а также, что, может быть, даже более важно, уточнить и более четко сформулировать критерии выявления и верификации наличия связи между невоплощенными антропонимами посредством микросистем их апеллятивных дериватов. Помимо индоевропейских языков христианской традиции в качестве более далекой перспективы разработки темы интерес в этом плане представляют языки, построение антропонимической системы в которых отлично от романских, германских и славянских языков, в частности, тюркские и восточные языки. Заслуживает дальнейшего осмысления и теоретический аспект исследования и его интеграция в современную ономастику.

Библиография

I. Исследования

1. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. — М. : Индрик, 2002. — 816 с.
2. *Алешина И.* Викинги / И. Алешина // Энциклопедия для детей. Т. 1 : Всемирная история / гл. ред. М. Д. Аксенова. — 4-е изд., испр. и перераб. — М. : Аванта+, 2001. — С. 205–209.
3. *Альтман М. С.* Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера / М. С. Альтман. — Л. : Соцэкгиз, 1936. — 166 с.
4. *Анненков Н.* Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / Н. Анненков. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1878. — 646 с.
5. Античные теории языка и стиля / под ред. О. М. Фрейденберг. — Л. : ОГИЗ, 1926. — 343 с.
6. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999. — I–XV, 896 с.
7. *Архангельская Н. Н.* Ванька Каин в фольклоре и литературе / Н. Н. Архангельская // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1991. — Вып. 18. — С. 13–23.
8. *Атрошенко О. В.* Русская народная хрононимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Атрошенко Ольга Валерьевна. — Екатеринбург, 2012. — 713 с.
9. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Сов. энциклопедия, 1966. — 608 с.
10. *Байбурин А. К.* К описанию структуры славянского строительного ритуала / А. К. Байбурин // Текст: семантика и структура / [отв. ред. Т. В. Цивьян]. — М. : Наука, 1983. — С. 206–226.

11. *Баранова О. Г. Кузьма и Демьян [Электронный ресурс] / О. Г. Баранова // Российский этнографический музей : [сайт]. — URL: <http://www.ethnomuseum.ru/kuzma-i-demyan> (дата обращения: 06.03.2015).*
12. *Белова О. В. Сакральные имена в славянских народно-христианских легендах (имянаречение, переименования и трансформация имени) / О. В. Белова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 30–32.*
13. *Березович Е. Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации / Е. Л. Березович // Вопр. ономастики. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — Вып. 19 : Номинация в ономастике. — С. 75–90.*
14. *Березович Е. Л. Семантические системы в русской топонимии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Березович Елена Львовна. — Екатеринбург, 1992. — 277 с.*
15. *Березович Е. Л. К вопросу о лексическом варьировании в ономастике / Е. Л. Березович // Проблемы варьирования языковых единиц (на материале русского языка) : сб. ст. / под ред. Т. В. Поповой. — Екатеринбург : Урал. ун-т, 1994. — С. 46–52.*
16. *Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Березович Елена Львовна. — Екатеринбург, 1998. — 461 с.*
17. *Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е. Л. Березович // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. — 2001. — Т. 60. — № 6. — С. 34–46.*
18. *Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопр. языкознания. — 2004. — № 6. — С. 3–24.*
19. *Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — М. : Индрик, 2007. — 600 с.*

20. *Березович Е. Л.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения / Е. Л. Березович, И. А. Седакова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 2012а. — Т. 71. — № 6. — С. 12–24.
21. *Березович Е. Л.* Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики / Е. Л. Березович // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Александра Константиновича Матвеева / [отв. ред. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012б. — С. 25–52.
22. *Березович Е. Л.* О семантико-мотивационной реконструкции лексики / Е. Л. Березович // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. — 2014а. — № 4 (133). — С. 199–214.
23. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. — М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014б. — 488 с.
24. *Березович Е. Л.* Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова // *Slavia*. — 2015. — № 1 (84). — С. 82–94.
25. *Березович Е. Л.* Соломон в русских говорах и просторечии / Е. Л. Березович, К. В. Осипова // Русский язык в научном освещении. — 2018. — № 2 (36). — С. 123–148.
26. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
27. *Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Борисова Елизавета Олеговна. — Екатеринбург, 2016. — 306 с.
28. *Боровикова Н. В.* Особенности референции имени собственного-антропонима во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Боровикова Наталья Владимировна. — СПб., 2012. — 24 с.
29. *Брем А.* Жизнь животных / А. Брем. — М. : Эксмо, 2003. — 960 с.

30. *Бурыкин А. А.* Агафон. Прецеденты, топический ореол и этнолингвистические характеристики антропонима / А. А. Бурыкин // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф., Кострома, 17—18 октября 2014 г. / отв. ред. и сост. Н. С. Ганцовская. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. — С. 90—99.
31. *Валенцова М. М.* Употребление личного имени в функции апеллятива (на материале календарной обрядности) / М. М. Валенцова // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. / Ин-т славяноведения РАН. — М., 2001. — Ч. 2. — С. 138—141.
32. *Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект / М. М. Валенцова. — М. : Индрик, 2016. — 616 с.
33. *Варбот Ж. Ж.* Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции [Электронный ресурс] / Ж. Ж. Варбот // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 1995. — № 4. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/varbot-95.htm> (дата обращения: 13.05.2012).
34. *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. — 648 с.
35. *Варникова Е. Н.* Зоонимикон родословной книги охотничьих собак Московского общества охоты имени императора Александра II / Е. Н. Варникова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 51–55.
36. *Варникова Е. Н.* К вопросу о системности русской зоонимии / Е. Н. Варникова // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 133–147.

37. Визгалов П. И. Синонимия и вариантность прозвищ / П. И. Визгалов // Ономастика Поволжья, 3 : материалы III конф. по ономастике Поволжья / отв. ред. Р. Г. Кузеев, В. А. Никонов. — Уфа, 1973. — С. 167–170.
38. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов / отв. ред. В. Г. Костомаров. — М. : Наука, 1977. — С. 286–287.
39. Гатауллина Д. Н. Некоторые наблюдения над устойчивыми выражениями с компонентом «личное имя» в русском языке / Д. Н. Гатауллина // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — Вып. 3. — С. 137–139.
40. Гоббс Т. О теле [Электронный ресурс] / Т. Гоббс. — URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000610/> (дата обращения: 07.06.2014).
41. Голикова Д. М. Бинарные корреляции во французском антропонимиконе: бином *Marie – Jean* / Д. М. Голикова // Слово в традиционной и современной культуре : тез. IV межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 18 мая 2013 г. / отв. ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — С. 18–21.
42. Голикова Д. М. Имя *Касьян* в русском языковом пространстве / Д. М. Голикова // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию доц. каф. рус. яз. К. Н. Прокошевой / гл. ред. Ю. Г. Гладких. — Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2014а. — С. 112—116.
43. Голикова Д. М. Отантропонимическая деривация во французском языке: семантическое поле «глупость» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. IV Междунар. науч. конф. молодых ученых, посвящ. 80-летнему юбилею каф. ин. яз. (7 февраля 2014 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запевалова и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014б. — С. 12–18.
44. Голикова Д. М. Бинарные корреляции во французском антропонимиконе: *Pierre* и *Paul* / Д. М. Голикова // Изучение иностранных языков и культур:

- теория, история, практика : сб. науч. тр. / под ред. О. Г. Сидоровой, Л. А. Назаровой. — Вопр. романо-германской филологии. — Вып. 3. — Екатеринбург : Ажур, 2014в. — С. 23–27.
45. Голикова Д. М. Пары и ряды отантропонимических дериватов: объединение по календарному принципу / Д. М. Голикова // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство : межвуз. сб. Вып. VII / отв. ред. А. В. Курочкина. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2016а. — С. 117–119.
46. Голикова Д. М. К истории одной игрушки. Русское *катька* и французское *catin* в значении ‘кукла’: пути деривации / Д. М. Голикова // Научный диалог. — 2016б. — № 10 (58). — С. 34–40.
47. Голикова Д. М. Из наблюдений над мотивацией отантропонимических названий животных во французском языке / Д. М. Голикова // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 292–301.
48. Голикова Д. М. Системные связи антропонимов через призму отантропонимических дериватов / Д. М. Голикова // Вопр. ономастики. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 139–161.
49. Голикова Д. М. *Петр* и *Павел*: образы парных персонажей по лингвистическим данным (на материале английского, французского и русского языков) / Д. М. Голикова // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 23–36.
50. Головачёва Т. А. Существительные, производные от имен собственных в когнитивно-дискурсивном освещении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Головачёва. — Архангельск, 2013. — 159 с.
51. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. — 232 с.
52. Грачев М. А. Русская воровская кличка: мифы и реальность. — М. : ЭЛПИС, 2009. — 336 с.

53. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — М. : Индрик, 1997. — 910 с.
54. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика / А. В. Гура. — М. : Индрик, 2012. — 936 с.
55. *Гура А. В.* Антропоморфизм в народной зоологии / А. В. Гура // Антропоцентризм в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2017. — С. 25–40.
56. *Дарзаманова Г. З.* Личное имя как национально-культурный компонент в составе русских, английских и татарских пословиц и поговорок / Г. З. Дарзаманова // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. — 2015. — № 4. — Ч. 2. — С. 125–129.
57. *Двинятин Ф. Н.* Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. / Ин-т славяноведения РАН. — М., 2001. — Ч. 2. — С. 143–144.
58. *Десницкий А. С.* Апостол Симон Петр [Электронный ресурс] / А. С. Десницкий // Санкт-Петербургская православная духовная академия : [сайт]. — 2013. — URL: <http://old.spbda.ru/lib/a-2584.html> (дата обращения: 13.04.2015).
59. *Десницкий А. С.* Апостолы Петр и Павел: два непохожих апостола / А. С. Десницкий [Электронный ресурс] // Нескучный сад. — 2014. — URL: <http://www.pravmir.ru/petr-i-pavel-dva-nepoxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL> (дата обращения: 13.04.2015).
60. *Дмитриев В. Г.* Придуманные имена (рассказы о псевдонимах) / В. Г. Дмитриев. — М. : Современник, 1986. — 255 с.
61. *Добровольская В. Е.* «Кого как звать, только Бог знает, а человек и ошибиться может»: запреты и предписания, связанные в имяназванием / В. Е. Добровольская // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 99–101.

62. Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени / Е. В. Душечкина. — СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. — 228 с.
63. Дюпраз Е. Имя собственное и языковой перенос: апеллятивные производные античных имен собственных в словаре Trésor de la langue française / Е. Дюпраз, С. Леруа ; пер. с фр. Д. В. Спиридонова // Вопр. ономастики. — 2012. — № 1 (13). — С. 96–107.
64. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: сб. тр. / Е. Н. Елеонская ; отв. ред. А. Л. Топорков. — М. : Индрик, 1994. — 272 с.
65. Зеленин Д. К. Этимологические заметки. О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке / Д. К. Зеленин // Филол. записки. — Т. 13. — Вып. 2. — Воронеж, 1903. — С. 21–31.
66. Зимина Т. А. Ивановские травы [Электронный ресурс] / Т. А. Зимина // Российский этнографический музей : [сайт]. — URL: <http://www.ethnomuseum.ru/ivanovskie-travy> (дата обращения: 20.03.2015).
67. Зубкова Л. И. Иван / Л. И. Зубкова // Рус. речь. — 2009. — № 3. — С. 99–103.
68. Иванов В. В. Исследования в области славянских древностей: Лексич. и фразеол. вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1974.
69. Иванова О. В. «Иван да Марья» в контексте русской культуры и в произведениях поэтов Смоленской поэтической школы // А. Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа : к 100-летию со дня рождения поэта : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (Смоленск, 5–7 октября 2010 г.). — Смоленск : Смядынь, 2010. — С. 168–176.
70. Иванцова Е. В. Семантическая трансформация имени собственного в лексике и фразеологии современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Иванцова Елена Владимировна. — М., 1999. — 193 с.
71. Категория родства — Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2009. — 312 с.

72. *Качинская И. Б.* Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров) / И. Б. Качинская // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 83–85.
73. *Коган Е. С.* Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации / Е. С. Коган // Вопр. ономастики. — 2014. — № 1 (16). — С. 122–127.
74. *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. — М. : Индрик, 2009. — 350 с.
75. *Кондратьева Т. Н.* О Титах, Титах Титычах и Титовых детях / Т. Н. Кондратьева // Рус. речь. — 1970. — № 1. — С. 78–82.
76. *Костарева В. Е.* Отантропонимическая деривация в говорах Среднего Урала / В. Е. Костарева // Слово в традиционной и современной культуре : тез. мужвуз. конф. молодых ученых, Екатеринбург, 18 мая 2013 г. / отв. ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд. Урал. ун-та, 2013. — С. 35–37.
77. *Костина Е. А.* Особенности языковой зашифровки эвфемизмов-соматизмов тематической группы смерти (на материале русского народного творчества) / Е. А. Костина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2011. — № 4 (18). — С. 111–114.
78. *Крейдлин Г. Е.* Части тела в русском языке и русской культуре : проект института лингвистики РГГУ / Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева // Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / [ред.-сост. Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева]. — М. : МЦНМО, 2009. — С. 173–183.
79. *Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кривошапова Юлия Александровна. — Екатеринбург, 2007. — 252 с.

80. Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. — М. : Наука, 1987. — С. 118–135.
81. Кучко В. С. Обманщик и обманутый в зеркале русской диалектной лексики / В. С. Кучко // Рус. речь. — 2013. — № 4. — С. 97–100.
82. Кучко В. С. К семантической реконструкции рус. *женить(ся)* на славянском языковом фоне / В. С. Кучко // Образ человека в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2018. — С. 94–106.
83. Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разумении [Электронный ресурс] / Г.-В. Лейбниц. — URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000541/index.shtml> (дата обращения: 07.06.2014).
84. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. — 272 с.
85. Леонтьева Т. В. Именные фразеосочетания с соединительным союзом *и, да*: семантический потенциал / Т. В. Леонтьева // Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы междунар. науч. конф., 12–14 мая 2011 г. / [науч. ред. Н. А. Илюхина]. — Самара : Универс групп, 2011. — С. 263–268.
86. Леонтьева Т. В. Оценка поведения человека в русском диалектном дискурсе (на материале диалектной лексики костромского Поветлужья) / Т. В. Леонтьева // Динамика традиции в региональном измерении: Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края / отв. ред. и сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. — М. : ИЭА РАН, 2016. — С. 330–352.
87. Литвина А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. — М. : Индрик, 2006. — 904 с.

88. *Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований : учеб. пособие / А. К. Матвеев. — Свердловск : УрГУ, 1986. — 100 с.
89. *Матвеев А. К.* Апология имени : [Об языковых заимствованиях] / А. К. Матвеев // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2001. — № 21. — С. 86–92.
90. *Мороз А. Б.* Как зовут домового? К этимологии одного демониума / А. Б. Мороз // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 186–188.
91. *Морозова М. Н.* Взаимодействие антропонимической и нарицательной лексики / М. Н. Морозова // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем : Проблемы антропонимики / отв. ред. В. А. Никонов. — М. : Наука, 1970. — С. 62–69.
92. *Мурзин Л. Н.* О лингвокультурологии, ее содержании и методах / Л. Н. Мурзин // Русская разговорная речь как явление городской культуры / отв. ред. Т. В. Матвеева. — Екатеринбург : АРГО, 1996. — С. 7–13.
93. МЭ — Музыкальная энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_music/ (дата обращения: 05.06.2018).
94. *Надель-Червиньска М.* Гипертекстуальные аспекты русской паремиологии: личное имя в пословицах (*Варвара*) / М. Надель-Червиньска // *Studia Methodologica*. — 2009. — Вып. 30. — С. 212–216.
95. *Надель-Червиньска М.* Язык совдепии и мотивация семантического переноса в языке маргинальных сред: имена собственные как этнические стереотипы в уголовных жаргонах польском и русском / М. Надель-Червиньска // Полит. лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 109–125.
96. *Назаров К.* Сопоставительное исследование фразеологических единиц с ономастическим компонентом немецкого, английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Назаров Камбарали. — Ташкент, 1980. — 260 с.

97. *Непряхина Т. С.* Ономаσιологический эксперимент и типология образов номинации / Т. С. Непряхина, М. Э. Рут // *Вопр. ономастики.* — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — Вып. 19 : Номинация в ономастике. — С. 27–40.
98. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. — М. : Высш. шк., 1988. — 168 с.
99. *Никулина З. П.* К вопросу о классификации индивидуальных прозвищ / З. П. Никулина // *Вопросы лексики и грамматики русского языка.* — Вып. 1. — Кемерово, 1974. — С. 67–73.
100. *Никулина З. П.* О синонимии имен собственных / З. П. Никулина // *Русское слово в языке и речи.* — Вып. 1. — Кемерово, 1976. — С. 53–59.
101. *Никулина З. П.* К вопросу об антропонимической синонимии / З. П. Никулина // *Вопросы языкознания и сибирской диалектологии.* — Вып. 7. — Томск, 1977. — С. 93–95.
102. *Овчар Н. В.* Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера / Н. В. Овчар // *Вопр. ономастики.* — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — Вып. 19 : Номинация в ономастике. — С. 60–74.
103. *Отин Е. С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении / Е. С. Отин // *Вопр. ономастики.* — 1980. — № 14. — С. 3–13.
104. *Отин Е. С.* Иван / Е. С. Отин // *Русская ономастика и ономастика России : словарь* / под ред. акад. РАН О. Н. Трубачева. — М. : Школа-Пресс, 1994. — С. 85–90.
105. *Отин Е. С.* Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // *Вопр. языкознания.* — 2003. — № 2. — С. 55–72.
106. *Отин Е. С.* Конотативна ономастична лексика / Е. С. Отин // *Отин Е. С. Труды по языкознанию* / Е. С. Отин. — Донецк : Юго-Восток, Лтд, 2005. — С. 111–121.

107. *Пеньковский А. Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира / А. Б. Пеньковский // *Язык русского фольклора : межвуз. науч. сб. / отв. ред. З. К. Тарланов.* — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1988. — С. 34–39.
108. *Перкас С. В.* Имена собственные и нарицательные в словаре и художественном тексте // *Материалы к серии «Народы и культуры».* — Вып. 25. Ономастика. — Ч. 1 : Имя и культура. — М. : Наука, 1993. — С. 141–143.
109. *Подюков И. А.* Усольские древности [Электронный ресурс] / И. А. Подюков, А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. — 2004. — URL: <http://scibook.net/folklor-russkiy/usolskie-drevnosti.html> (дата обращения: 03.10.2018).
110. *Подюков И. А.* Лексика деонимического происхождения в пермских говорах / И. А. Подюков // *Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е. Н. Поляков.* — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. — С. 174–182.
111. *Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Родионова Инна Валерьевна. — Екатеринбург, 2000. — 251 с.
112. *Родионова И. В.* Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (I) // *Ономастика и диалектная лексика / под ред. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой.* — Вып. 5. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004а. — С. 63–77.
113. *Родионова И. В.* Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции. (Словарные материалы) / И. В. Родионова // *Вопр. ономастики.* — 2004б. — № 1. — С. 121–144.
114. *Родионова И. В.* Апеллятивная лексика антропонимического происхождения: аспекты и перспективы изучения / И. В. Родионова // *Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.* — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005а. — С. 258–260.

115. *Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах / И. В. Родионова // Рус. яз. в науч. освещении. — 2005б. — № 10 (2). — С. 159–189.
116. *Родионова И. В.* К изучению процесса аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) / И. В. Родионова // Этимология. 2003–2005 : Памяти акад. Олега Николаевича Трубачева, к семидесятипятилетию со дня рождения (25.10.1930–9.03.2002) / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — М. : Наука, 2007. — С. 197–209.
117. *Рождественский Ю. В.* Имя – средство закрепления и систематизации фактов культуры / Ю. В. Рождественский // Научные доклады филол. фак. МГУ. — Вып. 1. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. — С. 154–160.
118. *Рут М. Э.* Русская народная астрономия и ее связи с астрономией других народов СССР : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рут Мария Эдуардовна. — Томск, 1975. — 22 с.
119. *Рут М. Э.* Русская народная астрономия : учеб. пособие / М. Э. Рут. — Свердловск : УрГУ, 1987. — 68 с.
120. *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 148 с.
121. *Рут М. Э.* Образная ономастика в русском языке: ономаσιологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Рут Мария Эдуардовна. — Екатеринбург, 1994. — 553 с.
122. *Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике / М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2001а. — № 20. — С. 59–64.
123. *Рут М. Э.* Имя и образ: динамический аспект / М. Э. Рут // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. / Ин-т славяноведения РАН. — М., 2001б. — Ч. 1. — С. 15–19.
124. *Рут М. Э.* Имя *Василий* в русском языковом пространстве // У чистого источника родного языка : сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / под ред. Е. В. Брысиной. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008а. — С. 209–214.

125. Рут М. Э. Факторы формирования коннотативных смыслов имени: *Екатерина* и производные / М. Э. Рут // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2008б. — Вып. 6. — С. 102–119.
126. Рут М. Э. Ономазиология? Мотивация? Семантика? Идеография? О классификации имен собственных / М. Э. Рут // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 231–233.
127. Рут М. Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений / М. Э. Рут // Лингвистика креатива – 4 / под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 136–157.
128. Сапожникова Л. М. Культурный компонент лексического значения собственных имен и их адъективных дериватов / Л. М. Сапожникова // Лексика и культура. Немецкий язык : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Розен. — Тверь : Твер. ун-т, 1990. — С. 86–91.
129. СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
130. Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. — М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1989. — 383 с.
131. Славянская этнолингвистика : библиография / отв. ред. Т. А. Агапкина. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Индрик, 2013. — 240 с.
132. Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. Функциональные категории и модальные отношения / С. Н. Смольников. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005а. — 256 с.
133. Смольников С. Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия / С. Н. Смольников // Вопр. ономастики. — 2005б. — № 2. — С. 23–35.
134. Соболевский А. И. Груша и Дуня / А. И. Соболевский // Рус. речь. — 1972. — № 4. — С. 61–63.

135. *Спиридонов Д. В.* К этнолингвистической характеристике имени *Жак* во французских диалектах / Д. В. Спиридонов // *Вопр. ономастики.* — 2011. — № 11 (1). — С. 36–50.
136. *Спиридонов Д. В.* К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean* / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — Ч. 1. — С. 49–51.*
137. *Спиридонов Д. В.* *Русский Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // *Acta onomastica.* — 2016. — LVI. — С. 76–92.
138. *Спиридонов Д. В.* *Мария, Maria, Marie* : наброски к языковому портрету / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // *В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 434–452.*
139. *Спринчак Я. А.* Вопросы взаимодействия собственных и нарицательных имен / Я. А. Спринчак // *IV Республіканська ономастична конференція : тези.* — Київ, 1969. — С. 24.
140. *Степанова Ф. В.* Русский женский антропонимикон в культурно-генетическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Степанова Фаина Вячеславовна. — Лесосибирск, 2006. — 191 с.
141. *Степанова Ф. В.* Закономерности функционирования личных имен во вторичной номинации / Ф. В. Степанова // *Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак., 20–23 марта 2010 г.) : труды и материалы / сост.: М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010а. — С. 331–332.*

142. *Степанова Ф. В.* Концепт бинома Иван и Мария в русской картине мира // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VII Международ. науч. конф. — Майкоп : Изд-во АГУ, 2010б. — С. 82–85.
143. *Страхов А. Б.* Русские слова со значением ‘обмануться’ и ‘обмануть’, ‘обманщик’ и ‘простак’ в кругу народно-этимологических и научных сближений / А. Б. Страхов // *Paleoslavica*. — Vol. XXI. — 2013. — № 2. — С. 260–287.
144. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 366 с.
145. *Тимофеева О. В.* Семантическая и словообразовательная характеристика антропонимических образований в русской диалектной лексике / О. В. Тимофеева // *Вопр. ономастики : [сб. ст.] / [редкол. : А. К. Матвеев (отв. ред.) и др.]*. — Свердловск : [Урал. гос. ун-т], 1980. — [Вып. 14] : Собственные имена в системе языка. — С. 117–130.
146. *Тихомирова А. В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тихомирова Александра Васильевна. — Екатеринбург, 2013. — 350 с.
147. *Толстая С. М.* Магия имянаречения в славянской народной традиции / С. М. Толстая // *Слово как действие : тез. докл. (МГУ, 27–29 апреля 1998 г.) / отв. ред. Т. А. Михайлова*. — М. : Диалог-МГУ, 1998. — С. 90–94.
148. *Толстая С. М.* Антропонимы в народной календарной терминологии : [На примере полесского народного календаря] / С. М. Толстая // *Изв. Урал. гос. ун-та*. — 2001а. — № 20. — С. 54–59.
149. *Толстая С. М.* «Ономастическая магия» в славянской народной традиции / С. М. Толстая // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. / Ин-т славяноведения РАН*. — М., 2001б. — Ч. 2. — С. 120–122.

150. *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Рус. яз. в науч. освещении. — 2002. — № 3 (2). — С. 112–127.
151. *Толстая С. М.* К понятиям апеллятивизации и онимизации / С. М. Толстая // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 24–27.
152. *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2008. — 528 с.
153. *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. — М. : URSS, 2010. — 368 с.
154. *Толстая С. М.* Семантическая реконструкция и лексическая типология // Славянское языкознание. XV Междунар. съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. : докл. рос. делегации. — М. : Индрик, 2013. — С. 141–163.
155. *Толстой Н. И.* Этнолингвистика в современной славистике / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы : тез. междунар. конф. Москва, 01–03 июня 1995 г. — Т. 2. — М. : Рус. филология, 1995. — С. 488–489.
156. *Толстой Н. И.* Имя в контексте народной культуры / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Язык о языке / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 597–624.
157. *Топоров В. Н.* Из области теоретической топономастики / В. Н. Топоров // Вопр. языкознания. — 1962. — № 6. — С. 3–13.
158. *Топоров В. Н.* Об одном архаическом индоевропейской элементе в древнерусской духовной культуре – *SVET- / В. Н. Топоров // Языки культуры и проблемы переводимости / под ред. Б. А. Успенского. — М. : Наука, 1987. — С. 184–252.
159. *Топоров В. Н.* Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духов-

- ной культуры. Заговор / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Свешникова. — М. : Наука, 1993. — С. 3–104.
160. *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике / В. Н. Топоров. — Т. 2 : Индоевропейские языки и индоевропеистика. — Кн. 2. — М. : Языки славянских культур, 2006. — 728 с.
161. *Тропин Г. В.* О некоторых особенностях личных имен в русском языке / Г. В. Тропин // Уч. зап. Иркут. пед. ин-та. — Вып. 5. — 1940. — С. 198–212.
162. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 212 с.
163. *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово – История – Культура : в 2 т. / О. Н. Трубачев. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
164. *Тыминский М. В.* Неофициальные антропонимы в современном русском языке : семантический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тыминский Михаил Васильевич. — Киев, 1988. — 24 с.
165. *Успенский Б. А.* Verba anthronimica: глаголы, образованные от личных собственных имен [Электронный ресурс] / Б. А. Успенский. — URL: http://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/B_A_Uspenskij.pdf (дата обращения: 20.10.2018).
166. *Успенский Ф. Б.* Династическое имя в средневековой Скандинавии и на Руси : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Ф. Б. Успенский. — М., 2004. — 464 с.
167. *Феоктистова Л. А.* Языковой образ и варьирование личного имени / Л. А. Феоктистова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., 8–12 сентября 2009 г. / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 268–270.
168. *Феоктистова Л. А.* Дериваты личного имени и его семантика (на материале польского и русского языков) / Л. А. Феоктистова // Современная

- славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна : тез. докл. междунар. науч. конф. / под ред. А. Ф. Журавлева, Н. Е. Ананьевой ; Ин-т славяноведения РАН. — М., 2011а. — С. 239–241.
169. *Феоктистова Л. А.* Русские народные названия психофизических состояний, болезней и смерти, образованные от антропонимов / Л. А. Феоктистова // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / редкол.: В. А. Тишков и др. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2011б. — С. 509–510.
170. *Феоктистова Л. А.* Апеллятивные дериваты личного имени и его семантика (на материале русского и польского языков) / Л. А. Феоктистова // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Александра Константиновича Матвеева / [отв. ред. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012а. — С. 229–241.
171. *Феоктистова Л. А.* Лексика и фразеология с антропонимическим компонентом в говорах Поветлужья / Л. А. Феоктистова // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : материалы междунар. науч.-практ. конф., 22–24 марта 2012 г. / под науч. ред. А. М. Мелерович. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012б. — С. 259–261.
172. *Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени / Л. А. Феоктистова // Вопр. ономастики. — 2016. — Т. 13. — № 1. — С. 85–116.
173. *Феоктистова Л. А.* Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха (тюханптюха)* / Л. А. Феоктистова // Науч. диалог. — 2017а. — № 10. — С. 98–110.
174. *Феоктистова Л. А.* Антропонимы в апеллятивных обозначениях хмельных напитков (*ерофеич, ероха, ивашко, иванушко* и др.) / Л. А. Феоктистова // Вопр. ономастики. — 2017б. — Т. 14. — № 2. — С. 100–114.

175. *Феоктистова Л. А.* Исследования, посвященные языковому образу носителя русского календарного личного имени / сост. Л. А. Феоктистова // Исследования русской социальной лексики: библиогр. / под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2017в. — С. 303–327.
176. *Фролова О. Е.* Референция антропонима в пословице / О. Е. Фролова // Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста / О. Е. Фролова. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — С. 239–249.
177. *Хроленко А. Т.* Этнолингвистика: понятия, проблемы, методы / А. Т. Хроленко. — Славянск-на-Кубани : СФ АГПИ, 2000. — 92 с.
178. *Чернышев В. И.* Происхождение некоторых нарицательных имен собственных / В. И. Чернышов // Язык и мышление. — Вып. 3–4. — М. ; Л., 1935. — С. 169–183.
179. *Чехоева Т. С.* Прагматика личных имен в народных афоризмах / Т. С. Чехоева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология и искусствоведение. — 2008. — № 36 (137). — Вып. 27. — С. 148–152.
180. *Шарашова М. К.* К вопросу о переходе собственных имен в нарицательные / М. К. Шарашова // Уч. зап. Моск. пед. ин-та иностр. языков. — 1971. — Т. 58. — С. 191–197.
181. *Шестак Л. А.* Картина мира в народном слове / Л. А. Шестак // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. — 2011. — С. 143–146.
182. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. — Л. : Наука, 1974. — 428 с.
183. *Щетинин Л. М.* К вопросу о переходе собственных имен в нарицательные / Л. М. Щетинин // Исследования по английской лексикологии / под ред. доц. В. Д. Аракина. — М. : [б. и.], 1961. — С. 274–275.
184. *Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре [Электронный ресурс] / А. В. Юдин. — 1997.

- URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/judin1.htm> (дата обращения: 07.04.2015).
185. *Юдин А. В.* Русская народная духовная культура : учеб. пособие для студ. вузов. / А. В. Юдин. — М. : Высш. шк., 1999. — 331 с.
186. *Юдин А. В.* Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники ее образа [Электронный ресурс] / А. В. Юдин. — 2011. — URL: <https://biblio.ugent.be/publication/2014098/file/6765692.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).
187. *Яворская Г. М.* Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии / Г. М. Яворская. — Киев : Наук. думка, 1992. — 111 с.
188. *Яковлева Э. Н.* Эволюция библейских имен собственных в лексике и фразеологии русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Яковлева Элина Николаевна. — Орехово-Зуево, 1998. — 211 с.
189. *Baring-Gould M. A.* Curious Myths of the Middle Ages / M. A. Baring-Gould. — London : Oxford and Cambridge, 1877. — 660 p.
190. Bibliothèque Méjanes Ms. 166 (Rés Ms 14) [Электронный ресурс]. — URL: <http://toisondor.byu.edu/dSCRIPTORIUM/aix166/indexfr.html> (дата обращения: 10.05.2012).
191. *Cumming S.* Names [Электронный ресурс] / S. Cumming // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2016/entries/names/> (дата обращения: 23.11.2017).
192. *Desonay F.* Les Origines de la Pastourelle [Электронный ресурс] / F. Desonay // Revue belge de philologie et d'histoire. — Т. 5, fasc. 4. — 1926. — P. 1015–1017. — URL: https://www.persee.fr/doc/roma_0035-8029_1927_num_53_209_4304_t1_0266_0000_2 (дата обращения: 15.03.2017).
193. Ellit. Littérature française du douzième siècle à nos jours [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rabac.com/demo/ELLIT/Articles/L352.htm> (дата обращения: 26.04.2012).

194. *Flaux N.* L'antonomase du nom propre ou la mémoire du référent / N. Flaux // *Langue française*. — Vol. 92. — n°1 : Syntaxe et sémantique des noms propres. — P. 26–45.
195. *Gardiner A.* The theory of proper names. A controversial essay / A. Gardiner — 2nd ed. — London : Oxford University Press, 1954. — 80 p.
196. *Jonasson K.* Le nom propre. Constructions et interprétations / K. Jonasson. — Louvain-la-Neuve : Duculot, 1994. — 254 p.
197. *Joseph H. W. B.* An introduction to logic / H. W. B. Joseph. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1916. — 608 p.
198. *Leroy S.* De l'identification à la catégorisation: l'antonomase du nom propre en français / S. Leroy — Leuven : Peeters, 2004. — 202 p.
199. *Malamoud C.* Yama, Yamī et les diverses manières de former une paire // *Yama / Yima: variations indo-iraniennes sur la geste mythique* / ed. par S. Azarnouche, C. Redard. — Paris : Collège de France, publications de l'Institut de civilisation indienne, 2012. — P. 95–111.
200. *Mill J. S.* A system of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation / J. S. Mill — 8th ed. — New York : Harper & Brothers, 1882. — 1156 p.
201. *Peterson A.* Le passage populaire des noms de personnes à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français. Etude de sémantique / A. Peterson — Uppsala : Appelbergs boktryckeri aktiebolag, 1929. — 221 p.
202. *Reimer M.* Reference [Электронный ресурс] / M. Reimer, E. Michaelson // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/reference/> (дата обращения: 23.11.2017).
203. *Russel B.* Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description [Электронный ресурс] / B. Russel. — URL: <http://selfpace.uconn.edu/class/percep/RussellKnowAcquaint.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).

204. *Searl J. R.* Proper names / J. Searl // *Mind*. — 1958. — Vol. 67. — № 266. — P. 166–173.

II. Источники

205. Академик — Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. — URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 06.06.2018).
206. Академик 2 — Иван-да-Марья [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/87799> (дата обращения: 01.05.2015).
207. Акчимский словарь — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: в 6 т. / под ред. Ф. Л. Скитовой. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1984–2011.
208. *Алексеевко М. А.* Человек в зеркале русской фразеологии: Словарь / М. А. Алексеевко, О. И. Литвинникова, Т. П. Белоусова. — М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. — 238 с.
209. *Васнецова Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора / Н. М. Васнецова. — Вятка : Губ. тип., 1907. — 357 с.
210. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М., 1955–1956.
211. *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров ; [изд. подгот. И. И. Муллонен (отв. ред.), В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова]. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2011. — 455 с.
212. *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми / А. И. Кобелева. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. — 312 с.

213. ЛК ТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
214. ЛР — Лекарственные растения и их применение при различных заболеваниях. Первоцвет весенний [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mplants.org.ua/view_main_right.php?id=55 (дата обращения: 13.05.2015).
215. *Майков Л.* Великорусскія заклинанія / Л. Майков. — СПб. : Тип. Майкова, 1869. — 164 с.
216. *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. / А. В. Миртов. — Ростов н/Д, 1929. — 451 с.
217. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 784 с.
218. НОС — Новгородский областной словарь : в 13 вып. / ред. В. П. Строгова. — Новгород : Изд-во Новг. педин-та, 1992–1995 ; Новгород : Новг. гос. ун-т, 2000.
219. *Подвысоцкий А.* Словарь областного и архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. — СПб. : 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. — 197 с.
220. *Подюков И. А.* Словарь русских говоров южного Прикамья / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова и др. — Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2010. — Вып. 1. — 456 с.
221. ПОСИД — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. — Вып. 1.— — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967—.
222. РНК — Русский народный календарь : этнолингв. словарь / О. В. Атрошенко, Ю. А. Криващопова, К. В. Осипова. — М. : АСТ-ПРЕСС, 2015. — 544 с.
223. Русалим — «Русалим», центр путешествий, экскурсий и паломничества [Электронный ресурс]. — URL: <http://открытие-центр.рф/rusalim>.

224. Русалим. В гости к Богу [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravmir.ru/rusalim-v-gosti-k-bogu-video/> (дата обращения: 02.03.2018).
225. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен : 4000 имен. / А. И. Рыбакин. — 3-е изд., испр. — М. : Астрель : АСТ, 2000. — 224 с.
226. СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. — Вологда : Волог. гос. пед. ун-т. 1983–2007.
227. СГРС – Словарь говоров русского севера / гл. ред. А. К. Матвеев ; [М. Э. Рут]. — Т. 1–. — 2001–.
228. СРГК — Словарь русский говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.
229. СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1979. — 605 с.
230. СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. — 2-е изд., испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.
231. СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1999–2006.
232. СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин ; Ф. П. Сорокалетов ; С. А. Мызников. — Вып. 1–. — Л. ; СПб. : Наука, 1965–.
233. Танцевальный словарь — Джен-н-джилл – формат соревнований в социальных танцах [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.shake-dance.ru/encyclopaedia/5/251/> (дата обращение: 04.09.2018).
234. ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1983. — 232 с.
235. Шишков В. Я. Золотая беда [Электронный ресурс] / В. Я. Шишков // Фонарь. Иллюстрированный художественно-литературный журнал. —

- URL: <http://lanterne.ru/vyacheslav-shishkov-zolotaya-beda.html> (дата обращения: 26.05.2015).
236. *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов. — М. : Наука, 1980. — 472 с.
237. *Aveni A. F.* The Book of the Year: A Brief History of Our Seasonal Holidays / A. F. Aveni. — New York : Oxford Univ. Press, 2003. — 224 p.
238. *Avril J.-T.* Dictionnaire provençal-français / J.-T. Avril. — Apt : Ed. Cartier, 1839. — 481 p.
239. BDGLW — Bullétin du dictionnaire général de la langue wallonne. — Vol. 3. — Liège : Vaillant-Carinanne, 1908. — 130 p.
240. *Béranger M. J. P. de.* Chansons / M. J. P. de Béranger. — T. 1. — Bruxelles : Auguste Wahlen et compagnie, 1821. — 228 p.
241. *Béronie N.* Dictionnaire du patois du Bas-Limousin (Corrèze), et plus particulièrement des environs de Tulle / N. Béronie. — Tulle : J.-M. Drappeau, [s. d.] — 354 p.
242. *Britten J.* A Dictionary of English Plant-Names / J. Britten, R. Holland. — London : Trubner and Co., Ludgate hill, 1886. — 618 p.
243. *C. R. de M.* Vocabulaire du Haut-Maine / C. R. de M. — Le Mans : Dehalais, 1839. — 498 p.
244. *Constantin A.* Flore populaire de la Savoie / A. Constantin, P. Gave. — Annecy : J. Abry, 1908. — 191 p.
245. *Corblet J.* Glossaire étymologique et comparatif du patois picard, ancien et moderne / J. Corblet. — Paris : Dumoulin, 1851. — 619 p.
246. Crypte — Saints apôtres Pierre et Paul. Homélie prononcée à Bussy par le père Boris le 22 juillet 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.crypte.fr/homelies/pierre-et-paul.html> (дата обращения: 11.04.2015).
247. Cursillos — Mouvement des Cursillos Francophones du Canada [Электронный ресурс]. — URL: <http://cursillos.ca/formation/reflexions-dominicales/annee-A/R-A39-Pierre-Paul.htm> (дата обращения: 12.04.2015).

248. *Dauzat A.* L'argot de la guerre d'après une enquête auprès des officiers et soldats / A. Dauzat. — Paris : Armand Colin, 1918. — 295 p.
249. *Dottin G.* Glossaire des parlers du Bas-Maine / G. Dottin. — Paris : Welter, 1899. — 682 p.
250. Expressio. Le dictionnaire des expressions françaises décortiquées [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.expressio.fr/expressions/etre-gros-jean-comme-devant.php> (дата обращения: 29.04.2013).
251. *Fournier E.* Le théâtre français avant le Renaissance 1450–1550. — 2 éd. — Paris, Laplace, s. d. — 402 p.
252. FP – Dépouiller Pierre pour habiller Paul [Электронный ресурс] // France pittoresque. — URL: <https://www.france-pittoresque.com/spip.php?article7319> (дата обращения: 02.06.2018).
253. *Gaidoz H.* Mélusine: recueil de mythologie. Littérature populaire, tradition et usage / H. Gaidoz, E. Rolland. — Т. 2. — Paris : Bureaux de la revue, 1884–1885. — 584 p.
254. *Godbeer R.* The Devil's Dominion. Magic and Religion in Early New England / R. Godbeer. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. — 257 p.
255. *Gras L.-P.* Dictionnaire du patois forezien / L.-P. Gras. — Lyon : [s. éd.], 1865. — 270 p.
256. *Guillemaut L.* Dictionnaire patois de la Bresse Louhannaise / L. Guillemaut. — Louhans : A. Romand, 1894–1902. — 334 p.
257. *Hanks P.* A Dictionary of First Names [Электронный ресурс] / P. Hanks, K. Hardcastle, F. Hodges. — URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198610601.001.0001/acref-9780198610601> (дата обращения: 02.09.2018).
258. *Harland J.* Lancashire folk-lore: illustrative of the superstitious beliefs and practices, local customs and usages of the people of the county Palantine / J. Harland, T. T. Wilkinson. — London : Frederick Warne and Co. ; New York : Scribner and Co., 1867. — 308 p.

259. *Hombre M. de*. Dictionnaire languedocien-français / M. de Hombre. — Alais : A. Brugueirolle, 1884. — 685 p.
260. INRA — Le courrier de l'environnement de l'Institut national de la recherche agronomique: Fêtes, saints patrons et dictons [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.inra.fr/dpenv/desfetes.htm> (дата обращения: 19.02.2015).
261. *Inwards R*. Weather lore: a collection of proverbs, sayings, and rules concerning the weather / R. Inwards. — London : W. Tweedie, 1869. — 91 p.
262. *Jack A*. Pop Goes the Weasel: The Secret Meanings of Nursery Rhymes / A. Jack. — London : Penguin UK, 2008. — 320 p.
263. *Jonain P*. Dictionnaire du patois saintongeais / P. Jonain. — Paris : Maisonneuve, 1869. — 432 p.
264. *Jones C. A*. Encyclopedia of Hinduism / C. A. Jones, J. D. Ryan. — New York : Facts On Fire, 2007. — 552 p.
265. *Lalanne*. Glossaire du patois poitevin / Lalanne, abbé. — Poitiers : Typ. De A. Dupré, 1868. — 265 p.
266. *Lincy Le R. de*. Le livre des proverbes français / Le R. De Lincy. — Vol. 1. — Paris : A. Delahays, 1850.— 409 p.
267. Lingvo 12 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — М. : АБВУУ, 2008. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
268. *Lobet J.-M*. Dictionnaire wallon-français / J.-M. Lobet. — Verviers : Nautet-Hans, 1854. — 688 p.
269. *Lorris G. de*. Le Roman de la Rose. Éd. accompagnée d'une traduction en vers, précédée d'une introd., notices historiques et critiques; suivie de notes et d'un glossaire par Pierre Marteau / G. de Lorris, J. de Meung. — Vol. 3. — Orléans : H. Herluison, 1878. — P. 269–271.
270. *Manser M. H*. The Facts on File Dicitonary of Proverbs / M. H. Manser. — New York : Facts On File, 2007. — 499 p.
271. Merriam-Webster — Dictionary by Merriam-Webster [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.05.2018).

272. *Métivier G.* Dictionnaire franco-normand / G. Métivier. — London : Williams and Norgate, 1870. — 499 p.
273. *Mistral F.* Lou tresor dou Felibrige ou dictionnaire provençal-français / F. Mistral. — Vol. 2. — Barcelona : Romero, 1979.— 1179 p.
274. *Opie I.* The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / I. Opie, P. Opie. — London : Oxford Univ. Press, 1966. — 467 p.
275. Oxford — English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 06.11.2016).
276. *Plancy J. C. de* Légendes du calendrier / J. C. de Plancy. — Paris : Henri Plon, s. d. — 396 p.
277. PLS — Petite litanie des saints [Электронный ресурс]. — URL: <http://damien.jullemier.pagesperso-orange.fr/sts/litanie.htm> (дата обращения: 22.04.2015).
278. *Prideaux W. F.* Mother Goose's Melody: A Facsimile Reproduction of the Earliest Known Edition with an Introduction and Notes. — London : A. H. Bullen, 1906. — 92 p.
279. *Ravanat A.* Dictionnaire du patois des environs de Grenoble / A. Ravanat. — Grenoble : J. Rey, 1911. — 200 p.
280. *Sauvé L.-F.* Proverbes et dictons de la Basse-Bretagne / L. F. Sauvé. — Paris : H. Champion, 1878. — 168 p.
281. SD — Les saints du calendrier et les dictons [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.saint-dicton.com/> (дата обращения: 15.02.2015).
282. *Sébillot P.* Le Folklore de France / P. Sébillot. — Paris : Editions Imago, 1984. — 386 p.
283. *Shakespeare W.* A Midsummer Night's Dream [Электронный ресурс]. — URL: <http://shakespeare.mit.edu/midsummer/full.html> (дата обращения: 06.08.2018).
284. *Siefring J.* Oxford Dictionary of Idioms / J. Siefring. — New York : Oxford Univ. Press, 2004. — 340 p.

285. *Spence L.* An Encyclopedia of Occultism / L. Spence. — New York : Dodd, Mead and Company, 1920. — 451 p.
286. *Strauss E.* Dictionary of European Proverbs / E. Strauss. — London ; New York : Routledge, 1994. — Vol. 2. — 1233 p.
287. Trésor de la langue française informatisé (TLFi) [Электронный ресурс]. — URL: www.atif.atif.fr/ (дата обращения: 15.05.2013).
288. *Verrier A.-J.* Glossaire étymologique et historique des patois et des parler d'Anjou / A.-J. Verrier, R. Onillon. — Vol. 2.— Angers : Germain & G. Grassin, 1908 — 583 p.
289. Vocabulaire du Berry — Vocabulaire du Berry et de quelques cantons voisins. — Paris : Librairie encyclopédique de Roret, 1842. — 122 p.
290. *Willis Watson W. G.* Calendar of customs, superstitions, weather-lore, popular sayings and important events connected with the county of Somerset / W. G. Willis Watson. — The Somerset County Herald, 1920. — 521 p.
291. *Wright J.* The English Dialect Dicitonary : in 6 vols. / J. Wright. — London : Henry Frowde, Amen Corber, E. C., 1898–1905.